

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина

Вестник

Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина

Научный журнал

№ 2(10)

серия филология

Санкт-Петербург

2008

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина

Научный журнал

№ 2 (10)
Основан в 2006 году
серия филология

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов (главный редактор),
Е. С. Нарышкина (зам. главного редактора),
А. М. Судариков (отв. секретарь),
Л. Л. Букин, Т. В. Мальцева, Г. П. Чепуренко

Редакционный совет:

Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Е. И. Колесникова, кандидат филологических наук, доцент;
С. А. Семячко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник;
А. В. Скворцова, кандидат филологических наук;
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент (отв. за выпуск)
Л. И. Харченкова, доктор педагогических наук, профессор;
С. С. Шимберг, кандидат филологических наук, доцент;
В. А. Ямшанова, доктор филологических наук, профессор

Отв. редактор А. А. Беляева

Редактор Е. В. Дворецкая

Технический редактор Н. В. Чернышева

**ЖУРНАЛ ВХОДИТ В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ
ЖУРНАЛОВ И ИЗДАНИЙ, РЕКОМЕНДОВАННЫХ ВАК РФ ДЛЯ
ПУБЛИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ДОКТОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-23714**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,

Петербургское шоссе, д.10

тел./факс: (812) 476-90-34

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А.С. Пушкина, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Н. Ю. Конева

Лексикографическое описание системы функциональных единиц в виде словаря тезаурусного типа 7

Е. М. Семенова

Образная составляющая концепта «американская нация» . 16

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

Е. А. Денисова

«Шотландский язык» и «шотландский диалект»: проблемы терминологии 33

ГРАММАТИКА

А. Д. Каксин

Категория эвиденциальности и средства ее выражения 47

Е. В. Краснова

Аналогия в словосложении (на материале датского языка) 60

С. Т. Нефедов

Модальные компоненты в составе грамматических конструкций с копулятивным глаголом: сопоставительно-диахронический аспект 68

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Г. Р. Галлиулина

Репрезентация лингвокультурных традиций в современной антропонимической системе татар 78

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Н. З. Абдуллина

Феноменологические характеристики анекдота как типа текста 88

К. В. Скорик

Типы диалогизации: их функции и языковая репрезентация в тексте художественной прозы 99

А. Ю. Шаюк
Абсурд как доминанта структурно-семантического пространства в репрезентации концепта «страх» / «Angst» (на материале романов Ф. Кафки)..... 109

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А. А. Палий
Стилистические средства раскрытия характеров в романе Дж. Остин «Гордость и предубеждение» 121

Е. С. Шевченко
Балаганный дискурс и коммуникативные стратегии в драматургии Николая Эрдмана..... 139

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Л. В. Милосердова
Социальный статус афро-американского английского языка 149

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Т. Н. Федуленкова, А. Н. Любова
Методы и процедуры исследования фразеологии (на материале английского, немецкого и норвежского языков)..... 160

CONTENTS

COGNITIVE LINGUISTICS

N. Y. Koneva

Lexicographic representation of functional units system
in the form of a thesaurus type 7

E. M. Semenova

Figurative component of concept «American nation» 16

PHONETICS

E. A. Denisova

«Scottish language» and «Scottish dialect»: the problems
of terminology..... 33

GRAMMAR

A. D. Kaksin

Category of evidenciality and means of its expression..... 47

E. V. Krasnova

Analogy in compounding (on the basis of Danish) 60

S. T. Nefedov

Modal Components as a part of Grammatical Constructions
with the Copulative Verb: Comparative-Diachronic Aspect 68

LINGVOCULTURAL STUDIES

G. R. Galliulina

Representation of lingvocultural traditions in contemporary
anthroponimic system of Tatar 78

TEXT LINGUISTICS

N. Z. Abdullina

Essential characteristics of anekdot as a specific text-type 88

K. V. Skorik

Types of dialoguization: functions and language
representation in the fiction text..... 99

A. Y. Shayuk
Leading role of absurdity in representation of concept
«Angst» (fear) at the semantic and structural levels of
the text (with examples from Franz Kafka's work)..... 109

THEORY OF LITERATURE

A. A. Paley
Stylistic expressive means of characterisation in Jane
Austen's novel «Pride and Prejudice» 121

E. S. Shevchenko
Low farce and communicative strategies in drama by
Nikolay Erdman 139

SOCIOLINGUISTICS

L. V. Miloserdova
Social status of African American Variant of the English
Language 149

PHRASEOLOGY

T. N. Fedulenkova, A. N. Lubova
Research methods and procedures in Phraseology (on the
basis of English, German and Norwegian)..... 160

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'374

Н.Ю. Конева*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В ВИДЕ СЛОВАРЯ ТЕЗАУРУСНОГО ТИПА (на примере предлогов и наречий английского языка)

Ключевые слова: концепт, лексикография, наречие, предлог, словарная статья, тезаурус, функциональная единица, функция

В статье рассматривается проблема объединения единиц английского языка, функционирующих в рамках базовых концептов «пространство» и «время» в одну общую систему и ее отражение в лексикографической практике.

The problem of combining of units functioning in the English language within the framework of main concepts of locality and time in one system is considered in the article.

Способы представления языковой, культурной и страноведческой информации в двуязычных и толковых словарях могут быть весьма разнообразными. Одной из самых заметных тенденций современной лексикографии является обращение к пользователю словаря, а также учет его потребностей, интересов и опыта. Выход лингвистической науки за пределы своих внутренних границ и экспансионизм других наук приводит к тому, что исследователи все больше обращаются к проблеме «словарь и культура».

* Конева Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, Череповецкий государственный университет.

В связи с этим вполне обоснованным является стремление лексикографов к разграничению таких понятий, как активный и пассивный словарь. Обращаясь к словарю активного типа, читатель ищет не разъяснения значения переводимого слова, а указания, которые бы «позволили ему найти точный эквивалент в языке-цели» [3]. При этом подобные модификации не только сводятся к грамматике и лексике, но и определяются общим историко-культурным фоном нации.

В большинстве продолжающихся линий словарей (Вебстер, Оксфорд, Лонгман и др.) отмечается переход от чисто филологического описания слова к цельному представлению с привлечением энциклопедических и этнолингвистических знаний. Так, подобная информация включается и в традиционные типы словарей наряду со специализированными этнолингвистическими, культуроведческими и лингвострановедческими изданиями.

Одна из актуальных задач современной лексикографии состоит в создании словаря предлогов и наречий английского языка и разработке «лексикографической атрибуции предлогов и их субститутов» [2; 3]. Атрибуция предлога и наречия насчитывает множество параметров, среди которых можно выделить семантическую и текстовую парадигму указанных единиц. Большое число семантических парадигм с пространственным или временным значением строится по системному принципу: указывается денотативная роль предлога или наречия в конкретной пространственной или временной ситуации и описывается его поведение в определенных конситуативных ситуациях. Денотативная роль большинства предлогов и наречий английского языка может состоять в обозначении семантического локатива, директива, обозначения стартового и финишного моментов в динамических значениях предлогов, лимитативных границ действия или события. При анализе семантических отношений в рамках концепта «пространство» актуальными оказыва-

ются следующие параметры: сопространственность, динамика / статика, векторное направление движения. Семантические парадигмы с временным значением состоят из бинарных оппозиций или оппозиций семантических множеств, имеющих денотативные роли темпоратива одновременности действий / событий, темпоратива разновременности действий / событий, а также терминатива.

Анализ больших массивов текстовой информации на основе использования корпуса текстов различных функциональных сфер (современные газеты, литературно-художественные, научные и иные типы текстов), собранных с целью выявления полной, объективной и жанрово-стилистически дифференцированной картины реального функционирования различных категориальных классов в современном английском языке позволяет составить наиболее полный реестр предлогов, наречий и изофункциональных образований. Информация, полученная в ходе подобного исследования, позволяет использовать определенные стилистические пометы при составлении толковых, двуязычных и тезаурусных словарей.

Транспонированные словоформы-дериваты, а также «амбивалентные» [2: 29] предлоги-наречия (которых в английском языке большинство) представляют определенную трудность в плане дефиниционного анализа. Другая проблема лексикографического описания полифункциональных языковых единиц связана с разграничением приставок и омонимичных им предлогов.

К принципам лексикографической атрибуции относится также наличие синонимико-вариативных рядов или кластеров, стилистических и частотных характеристик и указания на синтаксический потенциал как способность сочетаться с разными частями речи, демонстрируя при этом определенные валентностные свойства.

Таким образом, проблема адекватного отображения значений полифункциональных языковых единиц в лексикографической практике сводится к следующим аспектам:

- процедурное разграничение компонентов многозначного слова на основе компонентного анализа и совпадения фонемного состава / просодических характеристик;
- установление первичности / вторичности функции слова, исходя из оценки конситуативных факторов;
- адекватное наполнение словарной статьи, включающей лингвистическое описание слова и экстралингвистический комментарий;
- установление региональных и стилистических возможностей употребления слова в определенной функции;
- описание функционирования слова в рамках различных концептов.

В связи с вышесказанным идея разработки концептуального словаря предлогов и наречий английского языка как полифункциональных языковых единиц представляется весьма актуальной. В качестве образца используются словари тезаурусного типа по различным отраслям научного знания [4; 5; 6], а также словарные статьи из авторитетных двуязычных словарей. Тезаурусный словарь представляет собой лингво-энциклопедическое описание, в котором указываются не только дефиниции, но и устанавливаются парадигматические отношения между словами, в том числе синонимические различия. Кроме того, в тезаурусе даются примеры употребления термина-концепта (контекстуальные значения), а также указываются наиболее авторитетные работы по данной проблеме.

Благодаря такому изданию речь может идти о лингвокультурном описании системообразующих объектов в языке, к числу которых отно-

сится предложно-наречная система со всеми ее модификациями. Кроме того, концептуальное описание функциональных свойств элементов любой системы дает возможность применить к указанному материалу принципы лингвосинергетического моделирования, ставшего своей целью описание языковых систем с привлечением данных когнитивной лингвистики и смежных наук.

Используя общие принципы построения тезаурусов, можно составить словарь предлогов и наречий английского языка, дополненный другими функциональными единицами, совпадающими по форме с предложно-наречным употреблением, а именно: приставочные морфемы, послелог в составе фразовых глаголов, союзы и полуадвербиализованные комплексы. Необходимость создания подобной лексикографической единицы продиктована следующими соображениями. Во-первых, именно в таком представлении, можно разграничить сферу концептуального функционирования исследуемых единиц, проиллюстрировать дефиниции примерами контекстуального употребления и снабдить словарное представление авторскими комментариями. Кроме того, при необходимости можно указать соответствующую литературу для более подробного ознакомления с идеями когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии и лингвокультурологии, на основе которых и ведется сравнение функционирования предлогов и наречий. При увязке материала с представлением основных узлов в виде гипертекста целесообразно подключение схематичного изображения базовых когнитивных моделей с предлогами и наречиями.

Представим элементы системы в виде узловых терминов, каждому из которых дается определение в рамках концептов «пространство» и «время», указывается функция (предлог, наречие, союз, приставка, послелог), базовое значение в виде контекстуального употребления, представляющего собой адаптированную выдержку из сло-

варя или художественного произведения, а также перечисляются синонимы в рамках каждого концепта. Кроме того, осуществляется выход в абстрактную концептосферу путем сообщения метафорического (метонимического) употребления. Для элементов, употребляющихся только в американском варианте английского языка, дается соответствующая помета. Для ряда слов представлены стилистические различия. В случае синонимического сходства можно предложить оформить гиперссылки на презентационный материал, который представляет собой авторскую разработку системы упражнений по употреблению предлогов и наречий на основе лингвоконцептуального моделирования. Таким образом, в рамках гипертекста объединяются анимационные образы и теоретический материал.

Продемонстрируем вышесказанное фрагментами из словаря на примере элементов across, up и down:

1. **Across**

Функция: предлог, наречие, послелог.

Концепт «пространство».

Дефиниция: прохождение через пространственный объем, например, комнату, в разных направлениях, движение идет от центра пространственной ситуации (динамика); нахождение в пределах заданного пространства, при этом сообщается противоположность двух или нескольких объектов (статика).

Пример контекстуального употребления: The tractor goes across the field. Across the road was a church.

Концептуальные синонимы: over, through.

Концепт: «время» (Ам.).

Дефиниция: временная реминисценция, связанная с обозначением временного периода, в течение или по истечении которого осуществляется указанное действие.

Пример контекстуального употребления: He tried to remember her across the years.

Концептуальные синонимы: for, over (Am.), through (Am.).

2. Down

Функция: предлог, наречие, послелог, приставка.

Концепт «пространство»:

Дефиниция: динамическое движение вниз по горизонтальной или иной плоскости. Пространственный контрагент – up.

Пример контекстуального употребления The curtain went down.

Словообразовательная тенденция – суффикс –wards: downwards, upwards, towards.

Дейктическое значение «где-то поблизости», содержит указание на направление, данное говорящим субъектом.

Пример контекстуального употребления Please, come down the street if you want to get to that place quickly.

Концептуальные синонимы: near, near here, hereabout и др.

3. Up

Функция: предлог, наречие, послелог, приставка.

Концепт «пространство»:

Дефиниция: нахождение наверху, движение вверх.

Пример контекстуального употребления They went up the slope.
Контрагент – down.

Дейктик – указание на направление мысленного или фактического движения, теряет часть своего значения, особенно в купе с последующим наречием.

Пример контекстуального употребления There's no good staying up here.

Словообразовательная тенденция: прибавление суффикса –ward(s): outward, homeward, upwards (см.: downwards, towards).

Как видно из указанных примеров, подобное лексикографическое описание основано на функциональном подходе к употреблению одинаковых слов в условиях различного контекста. Таким образом, предоставляется возможность объединить в рамках одной системы не только предлоги и наречия английского языка, но и найти выход на другие части речи (более адекватным термином в этой связи является термин – «классы слов»). Кроме того, указанный функциональный подход позволяет продемонстрировать синонимические связи исследуемых единиц, установить факты контрагентации, а также описать региональные и стилистические возможности в употреблении.

Установление функции предлога или наречия в рамках концептов «пространство» и «время» позволяет выявить не только принципиальные различия между употреблением указанных элементов, но и установить факты метафорических и метонимических переносов, способствующих общему процессу транспонирования исходных языковых форм в адвербиализованные, адъективированные и номинативные комплексы. Кроме того, устанавливается адекватное поведение амбивалентных единиц в условиях различной прагмакоммуникативной ситуации, а также набор единиц, условно относимых к дейктикам, необходимым для успешной пространственной и временной ориентации человека.

Составление концептуальных словарей тезаурусного типа снимает проблему выбора единиц в переводческой практике, а также способствует образному запоминанию слова, особенно при наличии в словарной статье присловного комментария, графической иллюстрации или гипертекстовой ссылки на теоретический и практический материал. Представляется, что издания подобного рода, призванные объединить лингвистические и культурные аспекты, составят основу для дальнейшего изучения системообразующих объектов в языке любого типа с це-

лью построения лингвокогнитивных моделей, отражающих типы взаимодействия между словами на основе парадигматических и синтагматических отношений.

Список литературы

1. Виноградова Е.Н., Чекалина В.Л. К вопросу о грамматике русского предлога. Понятие парадигмы предлога // ВМУ. Сер.9. Филология. – №5. – 2004.

2. Всеволодова, М.В. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере пространственных, временных и причинных отношений) // ВМУ. – Сер. 9. Филология. – №2 – 2005.

3. Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры в двуязычном словаре: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2005.

4. Никитина С.Е., Васильева Н.В. Термины лингвистической поэтики в словаре тезаурусного типа // Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика. – М., 1996.

5. Рубашкин В.Ш., Лахути Д.Г. Семантический (концептуальный) словарь для информационных технологий // НТИ. – Сер. 2. Информ. процессы и системы / ВИНТИ. – № 7. – М., 2000.

6. Мдивани Р.Р. О разработке серии тезаурусов по социальным и гуманитарным наукам // НТИ. – Сер. 2. Информ. процессы и системы / ВИНТИ. – № 7. – М., 2004.

ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «АМЕРИКАНСКАЯ НАЦИЯ»

Ключевые слова: американская нация, интерпретация, историческое знание, когнитивный подход, концепт, концептуализация, образ

В статье рассматривается структура концепта «американская нация», а именно: информационное содержание, интерпретационное поле и образная составляющая. Особое внимание уделяется метафорической репрезентации последней.

This article deals with the structure of the concept AMERICAN NATION, which includes its information content, the field of interpretation and image constituent. The special emphasis is given to the latter's metaphorical representation.

Лингвокогнитивный подход к исследованию концепта предполагает рассмотрение данного явления не только с точки зрения семантики языковых единиц, объективирующих его в речи, но и с учетом того информационного содержания, которое в нем заключено и представлено посредством ряда когнитивных признаков.

Кроме того, немаловажным звеном концепта является «интерпретационное поле» [3: 110], те когнитивные признаки, которые, так или иначе, интерпретируют его информационное содержание.

Если информационное содержание концепта, определяющее его суть, как правило, близко к словарной дефиниции обозначаемого явления, то интерпретационное поле включает в себя несколько зон, каждая из которых объединяет несколько классифицирующих когнитивных признаков на той или иной основе.

* **Семенова Елена Михайловна**, кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

Применительно к рассматриваемому нами концепту, можно утверждать, что информационное содержание данной мыслительной единицы следующее:

American (adj) – of or relating to the United States of America, its inhabitants, or their form of English 2) of or relating to the American continent [4].

Nation – 1. a body of people, associated with a particular territory, that is sufficiently conscious of its unity to seek or to possess a government peculiarly its own; 2. the territory or country itself; 4. an aggregation of persons of the same language or cognate languages [12: 952].

Nation – 1. a large group of people living in one area and usually having an independent government; 2. a large group of people with the same race and language [10: 903].

Из представленных определений ясно, что основными когнитивными признаками концепта являются общность территории, языка, расовой принадлежности, правительства и истории.

Что касается интерпретационного поля, то здесь можно предположить наличие таких зон, как:

- оценочная (выражает отношение интерпретатора к данной нации);
- энциклопедическая (основана на объеме знаний о происхождении, территориальном размещении американского народа);
- социально-культурная (учитывает знание обычаев, традиций, произведений искусства и культуры народа);
- регулятивная зона (предписывает поведение при встрече с представителем данного народа).

Следует отметить, что вышеназванные когнитивные признаки концепта отражают рациональный подход к изучению исследуемой

«оперативной единицы памяти и ментального лексикона» [2: 90-92] и не покрывают весь объем когнитивного содержания рассматриваемого концепта. Представляется необходимым иметь в виду и тот факт, что современные исследования прототипной семантики, подтверждая наличие *образа* в структуре концепта, подразумевают актуализацию феноменологической установки при рассмотрении вышеназванного «ментального образования», нацеленной, как известно, не на выявление свойств или функций предмета, но на сам процесс восприятия.

Восприятие того или иного объекта или явления действительно сопровождается формированием в сознании человека образа последнего, который может быть *перцептивным* (связанным с «включением» зрительного, тактильного, вкусового, звукового и/или обонятельного рецепторов) и *когнитивным*.

При актуализации в сознании концепта «американская нация», зрительная память человека, как правило, «подсовывает» ему картинки, наиболее часто встречающиеся в разного рода источниках информации о данном народе: развевающийся на ветру американский флаг, статуя Свободы, здание Капитолия и т. п. В данном случае можно говорить о непосредственном чувственном образе, сформировавшемся на основе индивидуального опыта личности, связанного с восприятием данного концепта.

Когнитивный образ создается путем «материализации» абстрактного понятия, перевода его из области идеального в сферу материального. Происходит этот процесс посредством метафорической концептуализации воспринимаемого объекта или явления. При этом метафора рассматривается нами не как лексическая единица, отражающая смысл реалий объективного мира в языке, а как носитель знания о мире, обладающая определенным концептуальным

содержанием. С точки зрения когнитивного подхода, метафора пронизывает не только наш язык, но и нашу концептуальную систему [9: 128].

Метафора имеет непосредственное отношение к способности человека концептуализировать действительность, придавая ей смысл в соответствии с его представлениями, частично обусловленными культурно, частично связанными с его индивидуальным опытом. Поэтому можно считать, что метафора, способна «творить реальность, а не просто обеспечивать возможность концептуализации уже существующей реальности» [9: 142].

Применительно к рассматриваемому нами концепту, можно предположить, что анализ способов метафорической репрезентации его смыслового содержания с последующей их когнитивной интерпретацией позволит выявить наиболее существенные когнитивные признаки, входящие в состав *образной составляющей* предмета исследования.

В ходе лингвокогнитивного анализа концепта «американская нация» было выявлено шесть основных составляющих его компонентов: «миграция», «территория», «политическая жизнь», «религиозная жизнь», «социальная жизнь», «интеллектуальная жизнь».

Каждая названная когнитивная структура получила разнообразное метафорическое оформление в рамках текстов, принадлежащих к жанру исторического нарратива. Рассмотрим некоторые из них.

Процесс массового переселения людей (миграция) на американский континент в основном представлен посредством природной метафоры, точнее, метафоры воды.

«If we imagine migration into the American West to be *streams of people flowing* east, north, and west, then our task is to determine how many people *these streams carried*, where they came from, and *what*, so to speak, *floated with them* on their journey» [13: 183].

«With the restoration of the monarchy in 1660 came a *new wave of settlement*» [7: 17].

«The insularity of the Pennsylvania Quakers took several forms. In the first place, it was geographical. For a number of reasons they were not swept along in the *westward current which carried wave after wave of Irish, Scotch-Irish, and Germans* across the Allegheny Mountains to the outposts of western Pennsylvania» [6: 67].

В ходе метафорического структурирования жизненного опыта человека, связанного с наблюдением за потоком воды, авторы выделяют те свойства этого явления, которые способствуют формированию определенного образного представления о процессе переселения людей на американский континент.

Так, метафорическое выражение «streams of people flowing east, north, and west» способствует пониманию того, что миграция представляла собой разнонаправленный, стихийный процесс, так как «потоки текли» в разные стороны. «What ... floated with them» имплицитно указывает тот факт, что первые поселенцы обладали определенными убеждениями, верой, ценностями и идеалами. Этот процесс был так же естественен, как естественно то, что водный поток неизбежно перемещает своим течением все, что в нем находится.

Выражение «a new wave of settlement» базируется на представлении о том, что волнам свойственна периодичность. Соответственно, поселения появлялись на американском континенте подобно волнам, появляющимся на море в результате изменения погодных условий или воздействия внешних сил, в результате нескольких миграционных процессов.

Массовое передвижение людей по направлению к Пенсильвании метафорически выражается в терминах течения реки, создающего вол-

ны (“current which carried wave after wave”). В виде волн здесь представлены переселенцы, а под течением реки подразумевается сам процесс миграции. Последовательность перемещения людей по территории страны выражается посредством переноса периодичности, характеризующей волны, на поэтапность, характерную для процесса массового переселения людей.

Таким образом, в основе описания процесса миграции лежит развернутая метафора, актуализирующая прототипический сценарий перемещения потоков воды, имеющийся в концептуальной системе человека. При этом «высвечиваются» только те элементы сценария, которые актуальны для создания образного представления о миграции, соответствующего интенции автора. Остальные точки референции остаются в тени, фокусируя внимание читателя только на выделенных метафорами моментах: стихийность перемещения иммигрантов и обусловленность особенностей американского общества картиной мира, присущей первым поселенцам.

Рассмотрим еще один компонент концепта «американская нация» – «политическая жизнь».

Политическая жизнь нации, а именно история возникновения органов политической власти на территории Америки, метафорически представлена посредством другой разновидности природной метафоры – метафоры растения.

«The evolution of the *transplanted political institutions* is the central theme of colonial history, for the changes then occurred contained *the germ* of the later movement for independence from England» [11: 52].

Из примера видно, что в основе концептуализации политической системы колониальной Америки лежит представление о пересадке растения с одной почвы на другую, о чем свидетельствует слово «to trans-

plant» («to remove a growing plant with its roots still attached and plant it elsewhere» [8: 1271]).

Такая концептуализация говорит о том, что первые американцы перенесли опыт политического руководства страной со своей родины. Более полная интерпретация контекста становится возможной, если рассмотреть значение слова *germ*, актуализированного в метафорическом смысле.

Germ – 2. a portion of a living organism capable of becoming a whole new organism; the EMBRYO of a seed 3. the beginning from which sth may develop: *the germ of an idea* [8: 493].

Исходя из приведенного значения, можно сделать вывод о том, что эволюция органов власти, «пересаженных» из Англии, происходила благодаря идеям переселенцев, связанных с созданием принципиально нового, лучшего общества. Осуществление же идеи происходило по принципу подобию, на основе имеющегося опыта, и только потом произошли изменения, приведшие впоследствии к образованию новой общности людей – американской нации.

В следующем примере, где описывается система представительской власти, образная составляющая концепта актуализируется также посредством метафоры растения.

«The company was not bound by the actions of the burgesses, but *from this seed sprang the system of representative government that became the American pattern*» [5: 12].

Контекст содержит информацию о роли избирателей в процессе выбора членов правительства. При этом избиратели представлены в виде зерна (*seed*), из которого появляется росток (*the system of representative government*). Использование предиката «to spring» – «to move quickly and suddenly upwards or forwards as if by jumping» [10: 1309] – указывает на внезапность и быстроту образования системы предста-

вительской власти в стране подобно ростку, «выскочившему» из зерна. Природная метафора служит в данном примере средством, обеспечивающим понимание механизма трансформации политической системы власти в стране.

Продолжение этой темы видится в следующих двух примерах, где исполнительная (the executive) и законодательная (the legislative) власти представлены в виде правительственных структур (branches of the government).

Governor and Council represented *the executive branch of colonial government* [14: 17].

The legislative branch of colonial administration consisted of colonial assemblies [14: 17].

Правительство здесь концептуализируется в виде дерева, а составляющие его структуры – в виде веток дерева, так как слово «branch» означает «an armlike stem growing from the trunk of a tree or from another such stem» [10: 144]. Метафоризация основного значения при наложении его на социальную сферу привела к появлению другого значения, также зафиксированного в словаре: «a part or division of a large organization, group, area of knowledge», в котором оно и употребляется в приведенном контексте.

В основе такой концептуализации лежит представление о строении дерева, ветки которого появляются по мере его роста и обеспечивают его жизнеспособность. Та же функциональность свойственна правительственным структурам, которые возникают по мере развития органа политического управления и способствуют осуществлению его деятельности.

Как и в предыдущих контекстах, метафоризация носит здесь онтологический характер, так как общественный орган управления государством (правительство) концептуализируется в терминах природного явления,

относящегося к миру физическому. Кроме того, отличаясь конструктивностью (термин А.Н. Баранова [7: 271], метафора растения указывает на то, что правительство находилось в процессе постоянного роста и развития, тем самым, давая возможность реципиенту вынести положительную оценку деятельности правительства.

Обратимся к еще одному компоненту интересующего нас концепта – «религиозная жизнь».

В представленном ниже отрезке текста описывается образ жизни одной из религиозных групп, придерживающейся пуританских взглядов на жизнь – Пилигримов.

«Although the Pilgrims grew neither rich nor numerous on the thin New England soil, their place in American history was assured. That place is one of honor for, among other reasons, the integrity that characterized their dealings with the Indians. Theirs were *victories won not with sword and gunpowder like those of Cortes or with bulldozer and dynamite like those of modern pioneers, but with simple courage and practical piety*» [7: 14].

Характеризуя отношения пилигримов к индейцам, автор использует военную метафору (*victories won*); в качестве возможного оружия выступают следующие понятия: «*sword and gunpowder*», «*bulldozer and dynamite*», «*simple courage and practical piety*». При этом политика, проводимая пилигримами, получает высокую этическую оценку, так как «оружием», которое они применили в налаживании отношений с коренным населением Америки, послужили их высокие душевные качества (*simple courage*) и способность жить согласно религиозным убеждениям (*practical piety*), а не военная (*sword and gunpowder*) или строительная (*bulldozer and dynamite*) техника. Таким образом, моральные принципы, входящие в систему духовных ценностей религиозной группы людей,

концептуализируются в контексте в терминах оружия, позволяющего «одержать победу» над коренным населением Америки путем убеждения его в отсутствии необходимости конфронтации.

Роль религии в жизни различных колоний не была одинаковой. Эта пропозиция выражена в приведенном ниже контексте при помощи метафоры «the pulse of religion did not pound with the same loud beat as in New England».

«While public benevolence played some role in the founding of the southern colonies, *the pulse of religion did not pound with the same loud beat as in New England* nor did the southern clergy ever acquire the prestige or power that *they quickly won* in the Puritan colonies of the North» [12: 61].

Религия, точнее религиозная жизнь, представлена в дискурсе в виде живого существа, имеющего пульс.

Под понятием «пульс» понимается «the regular beating of blood through the body» [8: 940]. Более подробное определение следующее: «the regular beating of blood in the main blood tubes carrying blood from the heart, especially as felt at the wrist» [10: 1082].

Известно, что чем сильнее пульс, тем быстрее кровь перемещается по венам, тем сильнее кровообращение, и, следовательно, активнее организм. Упоминание о том, что в Новой Англии пульс был «громким» свидетельствует о том, что религиозная жизнь в этой колонии была насыщенной и активной. Слово «round» также подчеркивает силу и власть религии на этой территории, так как его значение: «to hit sth with repeated heavy blows» [8: 903].

Кроме того, приведенный контекст содержит военную метафору «they quickly won» для описания роли религии в жизни северных колоний. Предикат «win» означает «to be successful in a battle, contest, race, etc; to do best» [8: 1365], что позволяет заключить, что на севере страны

религия занимала ведущие позиции в жизни общества, как и положено победителю.

В следующем примере религия представлена в виде пищи, а характеризующие ее обстоятельства и эмоции в виде ее составляющих.

«Persecution, religious pride, the love of contradiction», Crevecoeur observed in late 18-century America, «are *the food of what the world commonly calls religion*» [6: 139].

Слово «food» определяется в словаре следующим образом: «something that living creatures take into their bodies to provide them with strength to do things and to help them to develop and to live» [10: 504].

В основе рассматриваемой метафоры «религия есть пища», лежит базовая метафора, выделенная Дж. Лакоффом: «идеи – это пища» (ideas are food). В соответствии с когнитивной теорией метафоры, она представляет собой онтологическую метафору, в которой мировоззренческие идеи (религия) воспринимаются в виде физической сущности (пищи). Поскольку без еды жизнь невозможна, а употребление пищи обеспечивает жизнедеятельность человека, его активность и способность к действию, концептуализация религии в виде пищи предполагает, что ее роль в процессе образования американской нации была основополагающей. Без религии, как и без пищи, общество не только не смогло бы развиваться, оно могло просто не выжить в тех трудных условиях.

Итак, «религиозная жизнь» в структуре концепта «американская нация» представлена метафорами, актуализирующими в сознании человека представления о военных действиях, живом организме и пище.

Следующий компонент концепта «американская нация» получил название «социальная жизнь». Он характеризует образ жизни первых поселенцев.

Одной из жизненно важных ценностей американского общества в колониальный период была готовность к переменам. Жизнь, наполненная опасностями и непредсказуемыми событиями, требовала умения быстро ориентироваться в ситуации. Обратимся к анализу способов метафорического представления данной пропозиции.

«Few American men dared look to their inherited stations to define their callings. They had to look to their opportunities, to the unforeseen openings of the American situation. *Where a rapid-flowing life informed a man of his tasks, he would be lost if he anchored himself to any fixed role.* No prudent man dared to be certain of exactly who he was or what he was about; everyone had to be prepared to become someone else. To be ready for such *perilous transmigration* was to become an American» [6: 195].

В условиях постоянных катаклизмов верность одной профессии не могла служить гарантией выживания. Поэтому, «*where a rapid-flowing life informed a man of his tasks, he would be lost if he anchored himself to any fixed role*».

Образ жизни колонистов представлен в примере в виде быстро текущего потока воды (*a rapid-flowing life*), который, как известно, требует от тех, кто в нем оказался, способности к мгновенной реакции.

Общеизвестно, что способность приспосабливаться к изменяющимся обстоятельствам приходит с опытом. Чем разнообразнее деятельность человека, тем больше у него появляется возможностей для адаптации к непредсказуемым обстоятельствам жизни, и, наоборот, при наличии узкой специализации (*if he anchored himself to any fixed role*), проблема приспособления к быстро меняющимся условиям существования становится трудноразрешимой.

Поскольку жизнь представлена в примере в виде потока воды, человек соответственно репрезентируется в виде судна, которое бросает якорь для того, чтобы оставаться на одном и том же месте на поверхности воды. Слово «anchor» означает «to secure sth firmly in position» [8: 38]. Представляется, что для колонистов безопасность не была самоцелью, их задача заключалась в том, чтобы решать задачи, которые ставила перед ними жизнь. Это предположение следует из авторского утверждения: «flowing life informed a man of his tasks».

Стабильность в выборе рода занятий в этом случае была бы помехой. Другими словами, исполнение одной и той же роли (fixed role) в условиях колониальной Америки не могло способствовать общественному прогрессу.

Метафоризация контекста происходит путем предикации характеристик, свойственных природному явлению (потоку воды) общественной жизни. Кроме того, автор использует театральную метафору для концептуализации отношения колонистов к своему роду занятий.

Другую ценность представляла собой идея общественного прогресса, которая определяет содержание следующего контекста.

«The basic American questions were to be settled *in the arena of experience* rather than of controversy or of learning. *The straight short path by which Americans arrived* at their conclusions can be illustrated by their idea of progress» [6: 155].

Как известно, правительство Америки предпочитало проводить смелую политику, насыщенную экспериментами, так как, на их взгляд, именно она вела их по пути прогресса (the right Road of Improvement).

Такой же взгляд на вещи определял отношение к жизни простых американцев. Эта мысль выражена посредством метафорического словосочетания «*the arena of experience*».

Характер метафоры определяется значением слова «arena»: «1 an enclosed area used for sports, public entertainments; 2 a place of great activity, especially of competition or fighting» [10: 54]. Ее смысл заключается в том, что опыт приобретался первыми поселенцами в постоянной борьбе с трудностями и преодолением себя. Поэтому данную метафору следует отнести к военному типу, что и подтверждается дефинициями, включающими в себя слова «competition», «fighting», «great activity».

Кроме военной метафоры, контекст содержит метафору дороги (путешествия). Поиск ответов на мировоззренческие вопросы концептуализируется автором в терминах прямого короткого пути (the straight short path).

Слово «path» имеет значение «a way or track made for or by people walking» [8: 849]. Дополняет определение пояснение: «A path or footpath is a narrow way marked out for people to walk along, between houses in a town, or across fields, besides rivers, etc in the country» [8: 849].

Выбор слова «path», а не «road», «way» или «avenue», используемых в качестве метафоры путешествия в других рассмотренных нами контекстах, представляется не случайным. Узкая тропинка, в отличие от широкой дороги или проспекта, как правило, появляется в поле зрения путешественника неожиданно и используется им с целью сокращения пути. Кроме того, она находится там, где ею могут воспользоваться небольшое количество людей.

Эти элементы значения слова способствуют пониманию того, что все вопросы относительно организации общественного устройства решались исходя из принципа практической пользы и удобства. Кроме того, в контексте подразумевается, что американцы верили в исключительность своей судьбы, ее непохожесть на судьбу других народов (именно поэтому констатируется, что они шли узкой тропинкой).

Мыслительный процесс, таким образом, представлен в данном примере в виде пути (straight short path), умозаключения (conclusions) – в виде цели путешествия, а идеи как объекты, встречающиеся на дороге (a path can be illustrated by the idea of progress). В основе такой концептуализации лежит базовая метафорическая модель «идеи есть объекты» (ideas are objects) [9].

Таким образом, когнитивный классифицирующий признак целевого концепта «американская нация» «образ жизни» концептуализируется в рассмотренных примерах в терминах несущегося потока воды и театрального представления, а человек – в виде судна или актера соответственно. Мыслительная деятельность, связанная с формированием мировоззрения, репрезентируется в виде путешествия, а идеи – в виде дорожных впечатлений.

Семантико-когнитивный анализ образной составляющей концепта «американская нация» показал, что в основе метафорической концептуализации знания, составляющего содержание целевого концепта, положены универсальные когнитивные структуры, базирующиеся на опыте человека, связанном с освоением жизненного пространства. При этом способы метафорической репрезентации того или иного смысла, представленного фрагментами концепта, вариативны. Их разнообразие объясняется, на наш взгляд, с одной стороны, интерпретативным характером исторического знания, а с другой, особенностями концептуализации возможного мира прошлого, характерными для индивидуального сознания каждого автора.

Подводя итог вышесказанному, следует заметить, что исследование образной составляющей концепта посредством анализа метафорического осмысления того или иного референта дает возможность наиболее полно раскрыть его содержание, определить его рекуррентность и коммуникативную релевантность. Полученные данные, в свою

очередь, могут послужить материалом для изучения не только семантического пространства языка, но и для определения национальной специфики концептосферы того или иного народа.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.
4. АBBYU Lingvo 12: [Электронная версия, 2006]. – Сер. номер - 1200-1156-7592-4509.
5. Boller P.F. A More Perfect Union / P.F. Boller, Jr.R. Story . – Boston: Houghton Mifflin Company, 1988.
6. Boorstin D.J. The Americans: the Colonial Experience / D.J. Boorstin. – New York: A Caravelle Edition. Vintage Books, 1958.
7. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
8. Garraty J.A. A Short History of the American Nation / J. A. Garraty. - Gouverneur Morris Professor of History Columbia University: Harper Collins Collegepublishers, 1993.
9. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.
10. Longman Dictionary of English language and Culture. – Pearson Education Limited, Edinburgh Gate, Harlow, Addison Wesley Longman, 1998.
11. Morris R.B. The Life History of the United States: Prehistory to 1774. / R. Morris. – New York: Time-Life Books, 1963. – Vol.1.

12. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – New York: Gramercy Books, 1989.

13. White R. It s your Misfortune and None of My Own: A History of the American West / R. White. – Norman and London: University of Oklahoma Press, 1977.

14. Zeuske M. A Short History of the United States of America / M. Zeuske. – VEB Verlag Enzyklopedie Leipzig, 1989.

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

УДК 81'282=11

Е.А. Денисова*

«ШОТЛАНДСКИЙ ЯЗЫК» И «ШОТЛАНДСКИЙ ДИАЛЕКТ»: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Ключевые слова: варьирование языка, заимствования, контактирование языковых стратификаций, Шотландия, шотландские диалекты, шотландский язык

В статье сравниваются понятия «диалект» и «литературный язык», представлены группы шотландских диалектов, иноязычные заимствования в эти диалекты, а также фонетические, лексические и грамматические особенности данных диалектов.

The given article is dedicated to the contrast between the «dialect» and «literary language», the groups of Scottish dialects, foreign borrowings into them and also phonetic, lexical and grammatical peculiarities of these dialects.

В последние годы в лингвистике вопросам диалектологии уделяется большое внимание. Интерес к диалектам не случаен. Диалекты наряду с памятниками древней письменности, являются важнейшим источником для изучения истории языка. Под воздействием определенных условий, вызывавших в тот или иной исторический период обособленное развитие отдельного говора (или группы говоров), диалекты могут сохранять такие языковые явления, которые в литературном языке исчезли. Иногда, наоборот, в говорах наблюдаются явления, представляющие, по сравнению с литературной нормой, степень звукового развития. Системное описание современных диалектов Шотландии, анализ различий или сходства с английским языком позволил бы уточ-

* **Денисова Елена Александровна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

нить отдельные факты истории языка, а также понять процессы, которые происходят в языке сегодня.

Осознание диалекта, вообще, в значительной мере связано с противопоставленностью диалекта литературному языку. Слово «диалект» употребляется в двух разных значениях: 1) «диалектом» называют местную речь, противопоставленную литературному языку и 2) когда говорят об историческом развитии «диалектов», речь, характеризуемую местными особенностями, но не противопоставленную литературному языку по той причине, что в данном обществе еще не выработался литературный язык. Такое противопоставление является важным моментом социальной оценки. Поэтому считается целесообразным различать «собственно диалектальное», т. е. местное и противопоставленное «литературному», и «несобственно диалектальное», т. е. местное, но не противопоставленное «литературному» [5: 79–82].

Также следует отметить и возросший за последние годы интерес лингвистов к социолингвистической проблематике, который придал большую актуальность проблемам территориального и социального варьирования языка. При изучении вариативности английского языка, шотландский ареал остается в значительной мере недостаточно освещен. Это касается проблем нормативности, соотношения литературного и диалектного уровней, а также социолингвистических установок действующих в Шотландии. Проведенные исследования дают возможность раскрыть общие и частные закономерности языкового развития в отношении к историческому развитию общества, воссозданию истории отдельных языковых явлений, развитию языковой системы в целом.

Позиция лингвистов по отношению к шотландскому языку различна: одни считают его диалектом английского, другие самостоятельным языком. Как известно, шотландский язык – это язык, на котором говорили завоеватели Шотландии – англы – носители нортумбрийского

диалекта древнеанглийского языка. Через значительный промежуток времени было англизировано местное кельтоязычное население, что происходило не через естественную языковую среду – семью – а через церковь и школу, что, в свою очередь, характеризуется повышенной нормативностью речи и участием литературной нормы, зафиксированной в письменном тексте [2: 10].

В связи с этим, британские ученые, например, П. Траджил (P. Trudgill [6: 48]), Э. Хьюз (A. Hughes) и другие, настаивают на том, чтобы рассматривать шотландский язык как вариант английского языка. С развитием английского национального языка, территориальные диалекты превратились в бесписьменные диалекты. Между тем, шотландский является языком шотландской нации, на основе которого первоначально была создана письменность. Первым письменным памятником на шотландском языке считается поэма Барбура «Брюс» (Barbour «Bruce»). Позднее на своем родном языке создавали произведения Вальтер Скотт, Роберт Бернс и др.

В лингвистической литературе существует ряд терминов, обозначающих шотландские диалекты: Scottish Language, Scots dialects, Scots, Lowland Scots, что является свидетельством разногласий между лингвистами по поводу статуса шотландских диалектов.

Когда мы говорим о диалектах Англии, то имеем в виду диалект одного из графств, но в контексте Шотландии, следует говорить о диалекте данной долины, деревни или ещё более мелкой в языковом отношении территории.

Этим обусловлено и существующее в лингвистических работах дробное деление шотландских диалектов. А. Эллис (A. Ellis) делит диалекты Шотландии на 9 групп в зависимости от локализации:

- 1) Шетландские и Оркнейские острова;
- 2) Кейтнес (Caithness);

- 3) Нейрн (Nairn), Элджин (Elgin), Бэнфф, Абердин;
- 4) Восточный Форфар, Кинкардайн (Kincardine);
- 5) Западный Форфар, большая часть территории Перт (Perth), части Файф (Fife) и Стэрлинг (Sterling);
- 6) Южный Айр (Ayr), западный Дамфриз (Dumfries), Керкубри (Kirkcudbright), Вигтон (Wigton);
- 7) Юго-восточный Арджайл, северный Айр, Ренфью, Ланарк;
- 8) Кинросс, Клакмэннан (Clackmannan), Линлитгоу (Linglithgow), Эдинбург, Хэддингтон, Бервик (Berwick), Пиблз (Peebles);
- 9) Восточный Дамфриз, Селкирк и Роксбург (Roxburgh). У. Грант (W. Grant) выделяет только три группы – северную, центральную и южную, – в каждой из которых есть свои подгруппы [3: 10].

С нашей точки зрения, современные шотландские диалекты можно разделить на следующие группы: центральную, южную, северную и островную, которые также включают в себя подгруппы.

Традиционно говорят об английском языке Шотландской низменности (Lowlands), который называется «лалланс» (Lallance). Здесь, в долинах Форта и Клайда сосредоточено около трёх четвертей населения, промышленные и культурные центры. Также этот термин распространяется на те районы южной и восточной Шотландии, где как и на территории Шотландской низменности, кроме литературного английского языка сохраняются диалекты, называемые «скотс» (Scots).

По мнению И.А. Остапенко, вопрос о статусе шотландских диалектов и шотландской литературной нормы не может быть адекватно решен с интралингвистических позиций без учета социолингвистических установок самих носителей этих языковых разновидностей. Scots и шотландский стандартный английский рассматриваются как члены оппозиции, определяющей динамику развития языковой ситуации в Шотландии, а термин «шотландский английский» включает помимо них

весь комплекс разновидностей английского языка в этом районе, в том числе островной английский гаэлов-билингвов (на Гебридских островах) и пост-гаэльский, или хайлендский английский, монолингвов Северо-Шотландского нагорья (Highlands) [4: 4].

Принимая во внимание основные особенности современных английских территориальных диалектов (как и диалектов других языков), можно констатировать, что их особенностью является, во-первых, вариантность на всех языковых уровнях (фонетика, грамматика и, особенно, лексика), и, во-вторых, консерватизм, приверженность к старому, т. е. все отклонения от литературного стандарта обусловлены, в большинстве своем, не эволюцией, а именно отсутствием эволюции. В диалектах сохраняются многие языковые явления различных периодов истории языка, а также разного рода иноязычные напластования – скандинавские, норманнские и др. [3: 20].

В связи с этим, представляется важным изучение контактирования языковых стратификаций, анализ субстратов, суперстратов и т.п. Ниже мы рассмотрим некоторые языковые особенности шотландских диалектов, а именно: фонетические, лексические и грамматические.

Итак, остановимся на *фонетических особенностях*. М.М Стеблин-Каменский выделяет генеральные и единичные диалектальные различия. Генеральные различия касаются положений, фонем или фонологических признаков. Единичные различия касаются слов, форм слов или словосочетаний. Можно установить четыре степени относительной величины генеральных различий:

- 1) различия в аллофонах, встречающихся в определенных положениях;
- 2) различия в распределении фонем в определенных положениях (т. е. в нейтрализации тех или иных фонемных противопоставлений);
- 3) различия в системе фонем, но не в различительных признаках.

Единичные различия могут касаться фонемного состава или значения слов, форм слов или словосочетаний. Таким образом, лексические, морфологические и синтаксические различия всегда единичны. Систематизировать единичные различия, значительно труднее, и границы их, как правило, менее четки. Например, затрагивая вопрос об очаге оглушения и одновременно усиления придыхания, следует вспомнить о распространенности этого явления в скандинавском ареале, позволяющей предположить в качестве его очага Датские острова. Оттуда это фонетическое явление распространилось на всю Данию, в том числе и юг Швеции (который до XVII в. входил в состав Дании), юго-западную Норвегию, а оттуда – в Исландию, заселенную выходцами из Норвегии, а также Шетландские, Оркнейские и Фарерские острова. Именно такое распространение в скандинавских диалектах объясняет наличие глухих в шотландско-гаэльско-норвежском субстрате, образовавшемся на севере Шотландии в эпоху викингов. Марстрандер объяснял норвежским субстратом и некоторые другие явления в шотландско-гаэльском языке, а именно, преаспирацию и оглушение звонких согласных [5: 199–121].

Шотландское диалектное произношение характеризуется широким диапазоном вариативности как в инвентаре фонем (возможно, появление от 8 до 12 монофтонгов), так и в их словарной дистрибуции. Шотландское нормативное произношение не является унифицированным и не имеет четко выраженных географических подтипов. Его фонематическое своеобразие в сопоставлении с Received Pronunciation (далее – RP) связано с отсутствием центрирующих дифтонгов и [ə:] в связи с сохранением поствокального *r*, возможностью нейтрализации оппозиций **u:[u]**, **a:[æ]**, с превращением трихотомии **ou o:[o]** в противопоставление двух фонем заднего ряда. Например, deer [dir], bird [bird], hurt [h^ʌrt], after [æftə], house [hu:s] и т.д.

Сложившееся под влиянием RP и местных диалектов шотландское нормативное произношение продолжает испытывать воздействие обоих этих источников. С одной стороны, существует тенденция к расщеплению фонемы и, по образцу RP, сближению по качеству гласных перед *r* на месте [ə:] и развитию глайда перед *r* на месте центрирующих дифтонгов, дифтонгизации *o*, *e*, соотносимых с [ou], [ei].

В диалектах южной Шотландии начальный [w] часто возникает в результате того, что нисходящий дифтонг в начале слова или после *h* превращается в восходящий [uo], old [wol], oak [wok], hot [wot], home [wom], hope [hwup], open [wupen] и т.д. И наоборот, перед гласными заднего ряда вместо отпадающего *w* может появиться [h]: what [hot], wood [hood], woman [humen].

В диалектах западной Шотландии, согласный [p] в большинстве позиций обычно не озвончается. Озвончение происходит только в некоторых словах: pebble [bibl], pieced [bi:z].

На Оркнейских и Шетландских островах конечный [θ] в ряде слов произносится как [t]: lath [lat], length [lent], strength [strent].

В Южной Шотландии и на Шетландских островах [s] в срединной позиции в ряде слов реализуется как [ʃ]: fleece [fli:ʃ], poison [puʃn].

Итак, проанализировав, в частности, приведенные выше примеры, можно сделать вывод, что для шотландского диалекта характерно произношение звуков, которые в литературном варианте английского языка, как правило, не произносятся, и то, что многие звуки, произносимые в литературном варианте, в диалекте опускаются. Также характерно использование в слове паразитических звуков, эпентезы, мены согласных и т. п.

Говоря о *лексических особенностях*, связанных, в первую очередь, с письменным языком Шотландии, следует отметить, что этот вид особенностей шотландских диалектов служит важным материалом для

изучения истории английского языка. Истинные шотландизмы, т. е. лексемы, используемые в шотландских диалектах и не употребляемые в литературном языке и других диалектах Великобритании, составляют совсем небольшую группу.

Анализ шотландизмов позволяет выделить в языке Шотландии два основных лексических пласта – исконные английские слова и заимствования. Исконно английская лексика представляет собой реликты, т.е. остаточные языковые элементы, выпавшие в силу тех или иных причин из лексической системы английского языка в различные периоды его развития, но сохранившиеся в шотландских диалектах. Основными источниками заимствований являются скандинавские, французский, гаэльский и нидерландский языки.

Согласно О.А. Бубенниковой, в среднем, на каждые 100 шотландизмов приходится приблизительно 35 исконно английских слов, 19 заимствований из скандинавских языков, 15 – из французского, 8 – из гаэльского, 6 – из нидерландского и 17 единиц с невыясненной этимологией [2: 7].

Исконные английские слова отражают наиболее универсальные и устойчивые понятия, например, родственные отношения, пол, возраст человека, части тела человека: *eme* – *дядя* (др. англ. *ĕam*), *bern* – *мужчина* (др. англ. *beorn*, ср. англ. *berne*), *harns* – *мозг* (др. англ. *Hoernes*, ср. англ. *hernes*) и т.д. [7].

60% исконных лексем составляют конкретные существительные, обозначающие универсальные реалии, а также понятия, связанные с крестьянским трудом и образом жизни. Кроме того, в шотландском языке функционируют английские наречия и предлоги, что является одним из свидетельств генетической общности шотландских диалектов с английским языком, например, *als* – *как* (др. англ. *als*), *or* – *перед* (др. англ.

ār). Хотелось бы отметить, что исконные слова, в отличие от заимствованных, являются более употребительными.

Что касается заимствований, то наиболее ранними являются заимствования из скандинавских языков. Значительный процент лексем составляют заимствования до XIV в., т. е. до выделения шотландских диалектов из группы северных. Слова заимствовались постепенно на протяжении всей истории их развития – с конца XIV в. вплоть до начала XIX в. Скандинавы, еще в XIII в. осевшие в северо-западной части Шотландии, были лишены возможности вступать в тесные контакты с шотландским населением юго-востока, так как их разделяли горные массивы, на которых жили гаэльские племена. Такие историко-географические факторы и детерминировали процесс заимствования слов в шотландские диалекты, начавшийся в XIV в.

В шотландских диалектах фактически не представлена торговоремесленная лексика, заимствованная из скандинавских языков, что указывает на отсутствие широких экономических связей между Шотландией и скандинавскими странами.

Гаэльские заимствования начинают проникать в шотландские диалекты в основном с XV в. Отсутствие заимствований более ранних эпох объясняется отсутствием постоянных глубоких контактов с кельтами того времени, оттесненными в отдаленные горные районы Шотландии английскими племенами. Наибольшее число историзмов в письменном языке Шотландии составляют гаэльские заимствования, обозначающие реалии, связанные с древней гаэльской культурой, частично воспринятой носителями шотландских диалектов, например, *sporan* – *кошель из кожи и меха, являющийся элементом национальной одежды шотландца* и др.

Заимствования из скандинавских языков, с точки зрения семантики, сближаются с гаэльскими. В основном это слова, обозначающие

простую пищу (обычно овсяную и молочную), посуду (чаще глиняную или деревянную), сельскохозяйственные орудия труда, предметы домашнего обихода и т. д.

Также следует отметить шотландизмы со стороны фонетически и семантически схожих форм других германских языков, влияние которых на шотландские диалекты было значительным, например *craig* – *горло* (др. усл. *kragi*, норв. *krage*, швед. *Krage*), *bairn* – *ребенок* (др. усл. *barn*, дат. *Barn*, швед. *Barn*) и т.д. [7].

Войны за независимость на рубеже XIII–XIV вв. породили англо-шотландские противоречия, противостояние, политическую и экономическую обособленность Шотландии, и тем самым обусловили на некоторый период изолированное развитие английских диалектов на ее территории и тенденцию к возникновению на их основе отдельного языка, обозначенного в XIV в. термином *Scots / Scottis*. Ранее этот термин обозначал язык кельтов-гаэлов, применительно к германскому по происхождению языку населения Шотландии вместо ранее употреблявшегося термина *Inglis / English*. К этому времени на основе диалектов складывается язык шотландского двора и шотландской литературы.

Наличие французских заимствований обусловлено длительными культурно-историческими и политическими связями Шотландии и Франции. Процесс заимствования из французского языка начинается также, в основном, в XV в. в связи с развитием культурно-экономических и военно-политических отношений с другими странами. Большая часть слов попадает в шотландские диалекты в XV–XVI вв., но процесс заимствования из французского языка продолжался вплоть до XIX в.

Заимствования из французского языка обозначают мясные блюда, посуду тонкой работы, нарядную богатую одежду, что связано с более высоким культурным уровнем развития Франции по сравнению с

уровнем развития газлов-горцев, а также с более поздней эпохой заимствования (XV–XVI вв.). Определенная часть заимствований из скандинавских языков относится к более раннему периоду.

Кроме того, в письменном языке Шотландии существуют юридические и религиозные термины, заимствованные из французского языка в шотландские диалекты, т. к. французское законодательство сыграло важную роль в создании юридических учреждений в Шотландии, а религиозные вопросы контролировались французскими реформаторами. Среди юридических терминов также встречаются заимствования из скандинавских языков, но, в отличие от французских, они связаны с жизнью сельского – крестьянского – населения. Например, *scat* (др. усл. *scattr*) – *земельные налоги в пользу королевской казны*.

При изучении заимствований из скандинавских и французских языков очевиден тот факт, что основная часть лексики попадает непосредственно в шотландские диалекты или в северные диалекты английского языка и только небольшая часть вошла в шотландские диалекты через английский язык.

Заимствования из голландского языка составляют наименьшее число от общего количества заимствований в шотландские диалекты и не так разнообразны по своей семантике, как скандинавские, французские и гаэльские пласты. Эта лексика заимствуется, начиная с XV в., в связи с развитием торговых отношений, а также в связи с переселением в XV – нач. XVI вв. в Шотландию участников антикатолического крестьянского движения, так называемых лоллардов, преследуемых на родине.

Таким образом, пик заимствований из различных языков приходится на XV–XVI вв. – эпоху экономического и политического расцвета Шотландии.

И в заключение перейдем к рассмотрению наиболее существенных грамматических особенностей, присущих современным шотландским диалектам.

1. Неопределенный артикль **a/an**. В Шотландии *an* практически не употребляется. Например, *a apple* [apɪ]. Более того, неопределенный артикль употребляется перед числительными и существительными, обозначающими количество: *more than a twenty of them, what a books he has*. Что касается определенного артикля **the**, то он полностью утратил гласный, согласные [t, θ] присоединяются обычно к слову, которое за ним следует: *the man* [tman, man], *the apple* [tɒpl, apɪ]. Краткая форма определенного артикля сливается с предлогом: *in the = id, on the = ond*. Например, *in the house* [idu:s].

2. Множественное число существительных. Один и тот же формант множественного числа **-s (-es)** может присоединяться к существительному несколько раз: а) в устной речи – *beasts* [bi:stəzəz], *posts* [po:stəzəz], б) на письме – *foot – feets, mouse – mices*.

3. Степени сравнения имени прилагательного. Прилагательные, образующие степени сравнения в литературном языке супплетивным способом, в шотландском «обходятся» синтетическим: *good – gooder – goodest, bad – badder – baddest*, могут использоваться одновременно как аналитический, так и синтетический способы: *more comfortabler*.

4. Глагол. У модального глагола **can** наблюдается наличие неличных форм. Например, *I'll can get them out of the library*. Эквивалентом модального глагола **must** является глагол **maun (man)**, после которого используется личная форма глагола: *They maun has gaen oot*.

Наряду с расхождениями в области морфологии, наблюдаются различия и в синтаксисе. Обращают на себя внимание синтетические формы сослагательного наклонения, которые употребляются в некоторых типах придаточных предложений: 1) в условных предложениях с

союзами **gin, gif (if)**: Gif it come to the minister's hearing, I'll take the sin and blame o't on myself; 2) в уступительных придаточных предложениях с союзом **though**: ...Tho' they be servants, yet that they are men; 3) в придаточных предложениях времени, относящих действие к будущему: She wou'd need canny guiding ere she stay. [7].

В последние годы, несмотря на возрастающий интерес к данной проблеме, считалось, что шотландский язык быстро деградирует и теряет свой социальный престиж, окончательно исчезает в шотландской школе в результате проведения мероприятий по очищению английского языка шотландцев от провинциального влияния Scots. Считается, что такая ситуация характерна и для современной Шотландии, хотя в некоторых кругах шотландской интеллигенции формируется тенденция к ее изменению: возрождение Scots в качестве национального языка и параллельно возрождение шотландской литературной традиции.

Список литературы

1. Бродович О.И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. – Л., 1988.
2. Бубенникова О.А. Лексические особенности письменного языка Шотландии. – М: МГУ, 1980.
3. Маковский М.М. Английская диалектология. – М., 1980.
4. Остапенко И.А. Некоторые аспекты языковой ситуации и особенности английского языка в Шотландии. – Калинин, 1980
5. Trudgill P. Dialects of English: Studies and Grammatical variation. – London, 1988.
6. Стеблин-Каменский М.М. Диахроническая фонология скандинавских языков. – Л., 1966.
7. Wright Joseph. English Dialect Dictionary. – 1970. – Vol-1.

УДК 81'366.5

А.Д. Каксин*

КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ (на примере русского и обско-угорских языков)

Ключевые слова: модальность, обско-угорские языки, русский язык, функционально-семантическая категория, эвиденциальность, языковые категории.

Статья посвящена семантике эвиденциальности, в частности, ее взаимодействию с модальными значениями. В русском языке семантика эвиденциальности выражается лексически и синтаксически. В хантыйском языке для этой цели используется специальное наклонение.

The article is devoted to the semantics of evidentiality, particularly to its interaction with the modal meanings. In Russian the semantics of evidentiality is expressed by lexical and syntactical means. In the Khanty language the special Mood is used for this purpose.

В каждом естественном языке есть определенные сущности, которые лингвисты называют *категориями* (отсутствие некоторых категорий в том или ином языке не менее значимо, чем их наличие). Термин «категория» является многозначным: к числу категорий можно отнести даже *части речи* – классы слов, выделяемые на основании общности их лексических и грамматических свойств [7].

Далее, в большинстве языков, в которых выделяются части речи, есть, к примеру, *категория глагола* – класс слов, выражающих действие, совершаемое каким-либо лицом (или предметом) в определенное время, и в предложении слова такого рода являются, по преимуществу,

*Каксин Андрей Данилович, кандидат филологических наук, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок.

сказуемыми. Но наиболее часто говорят о *грамматических категориях*, т. е. системах противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями. Например, глагол как часть речи характеризуется, в первую очередь, грамматической *категорией времени*. Бывают, однако, и лексические категории, например, *категория синонимов* – слов с близкими значениями. Во всех этих случаях, разумеется, речь идет о разного рода *категориях*. Также существуют и смешанные, или сложные, категории. Например, объединяя в одном понятии «лексическое» и «грамматическое», можно говорить о семантико-грамматических категориях, и по традиции такие категории называются наиболее абстрактными терминами. Сравните в русском языке «персональность», «залоговость», «темпоральность» и т.п. В этом же ряду стоят и термины «модальность» и «эвиденциальность».

Изучая языковую категорию эвиденциальности, мы затрагиваем и категорию модальности. Модальность, как известно, – сложно устроенная функционально-семантическая категория, и выражается она не только грамматическими формами глагольных наклонений и некоторыми специализированными лексемами, которые обычно употребляются в качестве вводных слов (русск. *может быть*, *возможно*, хант. *mosaŋ* ‘может быть’, манс. *nāŋkχat* ‘кажется’). При таком узком круге рассматриваемых модальных средств само понятие модальности обрисовывается в самых общих чертах: это оценка ситуации говорящим как реальной (существующей на самом деле, в том или ином временном измерении) или нереальной (возможной, предположительной, необходимой).

Теперь необходимо более точно определиться с пониманием модальности, так как существенно расширяется круг средств, подпадающих под определение «модальных». Нам нужно говорить о модальности не отдельно, а в ее взаимосвязи с другой категорией того

же порядка (с эвиденциальностью), а применительно к русскому и обско-угорским языкам – нас интересуют и средства выражения эвиденциальности.

Вопрос о функционально-семантических, грамматических и когнитивных категориях, их соотношении и взаимодействии занимает важное место в современной лингвистике, так как от его понимания зависит решение многих других проблем, таких как: содержание и форма в языке, системность в языке и знаковость языка, мотивированность языковых единиц, выбор стилистических средств для разных типов языкового самовыражения. Важность этого вопроса несомненна, поскольку понимание сущности вышеназванных категорий неоднозначно у представителей разных лингвистических школ.

Взаимодействие функционально-семантических, грамматических и когнитивных (в т. ч. понятийных) категорий, языковых средств и неязыковых знаний происходит во время речевой деятельности. В конкретных речевых актах неязыковые знания выражаются с помощью механизмов языка: всевозможными комбинациями языковых значений, их метафорическим употреблением, варьированием контекста и т. д.

Теперь в центре нашего внимания не одна, а две объемные языковые категории – модальность и эвиденциальность, и их воплощение в категориях и формах более частных – в категориях наклонения и времени, формах косвенных наклонений. В общетеоретических трудах языковая модальность подразделяется на объективную и субъективную, по каждой из этих разновидностей расписаны типичные средства, но основным средством в самых разных языках считается глагольное наклонение. Подробнее остановимся на этом моменте ниже. Пока же отметим, что зарубежные лингвисты в большей мере имеют в виду материал «экзотических» языков, а российская исследовательская мысль чаще всего проводит сопоставление с русским языком. Нет необходи-

мости напоминать о том, что названные категории в русском языке изучены очень детально, и им посвящено множество трудов. Однако материал русского языка и примеры на нем мы имеем в виду всегда, хотя бы потому, что всякий раз мы приводим и перевод на русский язык (литературный перевод, а если необходимо – и буквальный). Наше исследование посвящено анализу модальной системы, прежде всего, хантыйского и мансийского языков – двух языков малочисленных народов Севера, до настоящего времени остающихся мало исследованными по семантической линии, но уже стоящих на грани исчезновения. Скажем больше (или скажем иначе): обско-угорские языки мало исследованы с точки зрения общефилософских и логических категорий, применимых к языкам их типа – северным уральским (ненецкому, селькупскому, энецкому, нганасанскому, в этом отношении изученным более подробно).

Поскольку уже на этапе определения объекта исследования появляется необходимость рассматривать (в связи с модальностью) и эвиденциальные формы, необходимо сказать о том, что соотношение между этими двумя категориями уже было предметом внимания лингвистов [12; 10; 4].

Грамматические значения, относящиеся к сфере эвиденциальности, не являются прототипическими модальными значениями, тем не менее их часто рассматривают в кругу именно модальных значений. В русском языке эвиденциальность не находит грамматического выражения и передается, в основном, лексическими средствами – например, вводными «мол», «видно», «оказывается». Говорящие по-русски указывают на источник сведений о ситуации только в том случае, если эта информация представляется им необходимой: например, если говорящий хочет подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое событие (ср.: *у меня на глазах; я сам видел, как* и т. п.) или, наоборот, если го-

ворящий хочет снять с себя ответственность за достоверность сообщаемой информации [4: 321].

В хантыйском языке эвиденциальность грамматикализована в ряде форм глагола, изначально относимых к причастным и деепричастным, но могущим выступать в предикативной функции. В роли финитного сказуемого способны выступать оба хантыйских причастия (с показателями $-m / -m$ и $-t / -t$), а также деепричастие на $-man / -man$:

- (каз.) Лув корталн атэлт хасьм=ал ‘Он на стойбище один остался, оказывается’;
- (каз.) Вана юхатсув: овл, маттэ, туманан пун=ман ‘Подождали ближе: дверь, оказывается, на замок закрыта’.

Эвиденциальность как категория, близкая к модальности, но все же имеющая свою специфическую семантику, грамматикализуется во многих языках, и ее морфологические формы традиционно также называются наклонениями. Повторим, что в русском языке эвиденциальность не грамматикализована, поэтому в переводах на русский появляются лексические средства, которые вербализуют смысловые оттенки, в других языках (в том числе и в хантыйском) заключенные в самой морфологической форме:

- (хант. каз.) Яюм-ики ма киньсема шуши мирэв яма во=т=ал ‘Брат мой лучше меня людей наших знает, оказывается’; Лыв иси тата ноптал=ты пит=т=эл ‘Они тоже здесь плавать будут, оказывается’; Си кутн лув сэм павтас: лохсал ики хот лыпийн, хотхары кутупн симась маванг лант, суранг лант пасан тыв=м=ал , омсась=м=ал [5: 39] ‘В это время он повел глазом [и видит]: в доме его друга, посреди пола, всякой пищей накрытый стол, оказывается, возник, откуда ни возьмись, появился’.

Как видим, в хантыйском языке три формы неочевидного накло-нения параллельны трем ядерным формам индикатива, к временному значению которых добавляется одно из значений эвиденциальности. В общей системе хантыйского глагола эти «неочевидные» формы (назо-вем их *миративом*) противопоставляются, прежде всего, формам ин-дикатива.

Различие между ними может быть описано следующим образом: индикатив семантически не маркирован, он нейтрален по отношению к признаку «очевидность / неочевидность», миратив же выражает именно неочевидность действия для говорящего, или, иначе, непричастность говорящего к действию. Рассмотрим пример: (каз.) Ащ~~ен~~ юхта~~с~~ – Отец=твой приехать=инд. прош.=3 ед – ‘Твой отец приехал.’ Предпола-гается, что субъект действия (отец) в момент речи отсутствует (в поле зрения участников разговора). Для адресата сообщение – новость. Го-ворящий же видел отца своими глазами, убедился в факте его приезда, и о достоверности этого знания свидетельствует форма индикатива. Она сигнализирует о причастности говорящего к действию и об ответ-ственности за истинность сообщаемого. Сравним: (каз.) Ащ~~ен~~ юхат=м=ал – Отец=твой приехать=мир. прош.=3 ед. – ‘Отец твой прие-хал, оказывается.’ В этом случае форма, употребленная говорящим, свидетельствует о том, что он также еще не видел отца. Он знает об этом либо от третьего лица, либо по косвенным признакам (одежде, личным предметам и т. п.). Есть еще один нюанс: говорящий мог и ви-деть отца, но его не ждали. И тогда – удивление: Ащ~~ен~~ юхатмал!

Еще примеры предложений с исследуемой формой:

- (каз.) Па ши нӓнг хонгса тал=м=ен – ‘Опять ты курил, оказывается’;
- Лӓв хулна вӓнлтыйл=т=ал – ‘Он еще учится, оказывается’ [11: 21].

Легко понять эту своеобразную семантику неочевидного наклонения, когда мы имеем дело с формами 2-го и 3-го лица (как в приведенных примерах). Труднее – когда появляются формы 1-го лица. Здесь критерия «заглазости» и опосредованности уже недостаточно, потому что говорящий ведет речь о себе или о группе, в которую он входит. Но и в этом случае возможность образования формы «неочевидности» вполне объяснима. Говорящий может совершать действие неосознанно, как говорят, машинально, т. е. действие проходит мимо его сознания. То, что событие произошло, констатируется опять-таки по результату или наличию определенных признаков. Например:

- (каз.) Кеш=ем хопн хӓй=м=ем – Нож=мой в лодке оставил=я (оказывается);
- (каз.) Ас хуся сэма ма пит=м=ем – Я, оказывается, родился на берегу реки [11: 21].

Семантика последнего предложения имеет свои особенности. Действие, естественно, прошло мимо сознания субъекта (автора) речи, которого еще не было. Следовательно, еще одним проявлением непричастности может быть следующий семантический признак: совершение действия против воли, независимо от воли говорящего. Сравним пример с формой 3-го лица:

- (каз.) Ма пух=ем ӓн лангхалем есалты . Лӓв ищимурт мӓн=т=ал – Я сына=моего не хочу отпускать. Он все равно идет (оказывается).

Общая семантика сохраняется, хотя поворот несколько другой: действие противоречит желанию говорящего, он его не одобряет, как бы отстраняется от него и тем самым снимает с себя ответственность за последствия этого действия. Также показателен следующий пример:

– (каз.) Ас шөпи мӓнты вӓтьщасум, па сопекнгалам вӓснган
вел=м=ан – Через реку перейти хотел (я), а сапоги дыря-
вые были (как оказалось) [11: 21].

Здесь можно видеть неосведомленность о сопутствующем факте (о том, что сапоги дырявые), прохождение этого факта мимо сознания говорящего; в итоге – результат оказывается для говорящего неожиданным.

Таким образом, для описания хантыйской системы наклонений мы имеем теперь две дополнительные координаты – по источнику информации и по соответствию этой информации картине мира говорящего. Именно в этом случае картина мира у каждого своя (у каждого говорящего на конкретном языке), но она всегда производна от той картины мира, которую задает тот или иной язык [1; 2].

Вернемся к хантыйским причастным формам в финитном употреблении и рассмотрим, как они располагаются в намеченной выше системе координат, какие компоненты доминируют в их семантике и при каких условиях.

Форма на =м передает чаще всего умозаключение по явным признакам (инферентив); всегда присутствует компонент «несоответствие ожиданиям» от простого «оказывается» до более сильного «к удивлению» (миратив):

– (каз.) Ин вой лэнгкем варс пай илпия хӓнему=м=ал , ат
йингклар ил раньнгал=м=ал – ‘Оказывается, он под тем
кустом спрятался, с которого заодно и росу стряхнул’;

– (обд.) öj, nãŋ χuti ar liw=m=en! – ‘О, как ты, оказывается, много съел!’

Форма на =т чаще всего имеет значение непосредственно воспринимаемого «неожиданного» действия:

– (каз.) Ангкармасум – нюр ма елпемн пупие этма=т=ал! – ‘И тут позади меня выходит (как выйдет!) медведь!’

Компонент умозаключения (+инферентив) в форме на =т реализуется реже, и обычно анализируется как «неуверенность восприятия», чему способствует регулярное сопровождение ее в этом случае частицей аймонты (ки) ‘как будто, словно’:

– (каз.) Лыв алмонты вера щи пал=т=эл – ‘Они словно бы сильно боятся’.

Эти две формы, таким образом, должны характеризоваться скорее как миратив, чем как эвиденциалис.

Третья же форма, форма на =ман, в финитной функции наиболее частотна и пестра; это пассивная форма прошедшего времени, в зависимости от семантики глагола реализующаяся как пассив, результатив и статальный пассив [8; 9]. В ее значении могут присутствовать оба компонента, и «логическое умозаключение», и «несоответствие ожиданиям» (+инферентив, +миратив), однако опять же в зависимости от лексического наполнения фразы могут выражаться то один, то другой из них, либо стираться оба. Миративное значение сильнее всего представлено с пассивом, слабее с результативом и практически совершенно стирается со статальным пассивом от глаголов, обозначающих природные процессы. Значение инферентивности же сохраняется во всех случаях. Рассмотрим примеры (в настоящем времени при форме на =ман служебный глагол wol / ul ‘быть в наличии’ может и отсутствовать):

- (каз.) Хонты мосанг па ишни ат пунш=ман – ‘Когда-нибудь окно пусть и открыто’;
- (обд.) Там нэпек хуван-хуван хаш=ман (ол) [3: 149] – ‘Эта книга давным-давно написана’;
- (обд.) Ехан тал хуват юнгкна пот=ман (ол) [3: 149] – ‘Река всю зиму покрыта льдом’;
- (обд.) Си сахал вуш кимат тылась вер=ман (ул) [1: 150] – ‘Эта шуба уже два месяца как сшита’;
- (обд.) Там нёхи кат хатл каварт=ман (ол) [11: 151] – ‘Это мясо два дня как сварено’.

Таким образом, особенности формы на =ман состоят в следующем: реализация обоих ее смысловых компонентов – «умозаключение о действии по состоянию объекта» и «несоответствие ожиданиям» – сильно зависит от семантики лексического наполнения фразы. Можно сказать, что «сила ожиданий» спадает по шкале «люди – животные – артефакты – природные объекты», а при метеорологических глаголах миративный компонент «несоответствие ожиданиям» практически исчезает.

Для выражения чистого, без элемента миративности и без подчеркнутого элемента умозаключения, значения результата / статального пассива, которое наблюдается уже на периферии употребления форм на =ман, в хантыйском языке используются две ее аналитических производных: одна с esse-глаголом (=ман вол=), другая – с habeo-глаголом (=ман тай=). Вспомогательный глагол тем самым служит как бы для деактуализации семы миративности, отчасти и семы инференциальности: эти аналитические формы могут передавать значения результата, перфекта и длительного действия в прошлом.

Более того, формы на =ман вол= со значением длительного действия бывают также активными:

- (каз.) Ар ол мар тата 1–2 класс няврэмыт пата ашкола пунш=ман во=л – ‘Уже много лет здесь открыта школа для детей’;
- (обд.) Сай анат тэлыйи сайна пун=ман (уллат) [3: 151] – ‘Чашки полностью наполнены чаем’.

Здесь происходит контаминация активной формы бытийного глагола с деепричастием на =ман. В мансийском языке ситуация несколько другая [6: 209–210].

Как видим, вспомогательный глагол чаще всего принимает форму настоящего и прошедшего времени индикатива; другие формы крайне редки, но возможны, в том числе даже форма неочевидного наклонения, что лучше всего показывает, что сама аналитическая форма (=ман вол=) компонент миративности потеряла:

- (каз.) Щи йис пурайн икет ищи опатлал сэв=ман тай=м=ел – ‘В старое время мужчины тоже косы заплетали (букв.: волосы заплетая имели, оказ.)’.

Форма =ман пит= благодаря семантике вспомогательного глагола (тай – ‘иметь’) как бы переворачивает диатезу и дает статальную характеристику уже субъекта действия по итогам выполненного им действия (по состоянию объекта, с которым он имел дело); она может быть охарактеризована как статальный антипассив.

Интересно, что эта форма может в свою очередь принимать залоговый показатель для перенесения коммуникативного ударения на объект при сохранении семантики формы (характеристика субъекта по состоянию объекта):

- (каз.) Щи вер иса вулы лавалты ёхн вант=ман тай=л=а – ‘Это дело постоянно находится под наблюдением оленеводов’.

Другими словами, аналитические формы на базе =ман должны быть отнесены к индикативу как формы перфектного типа – результатив, статальный пассив и статальный антипассив.

Таким образом, система грамматических категорий хантыйского и мансийского глагола, связанная с неочевидностью, организована простым, но своеобразным способом. Первой оппозицией является оппозиция «реальности / нереальности». В сфере реальности (сюда относятся индикатив и миратив, «неочевидное наклонение») присутствует противопоставление временных форм прошедшего и не прошедшего, в сфере нереальности (императив, сослагательное наклонение) такого противопоставления нет.

В сфере реальности противопоставлены друг другу формы индикатива и миратива как формы передачи информации либо вписывающейся, либо не вписывающейся в картину мира говорящего.

Формы миратива (неочевидного наклонения) – это причастные формы в предикативном употреблении; противопоставлением времен здесь выражается дополнительно способ получения информации: форма прошедшего времени обозначает, что говорящий излагает итог логического умозаключения, в форме настоящего-будущего времени такой информации не содержится. Таким образом, применительно к материалу обско-угорских языков можно говорить о наклонениях модальных (индикатив, оптатив и др.) и наклонениях эвиденциальных (миратив, латентив и т. п.).

Принятые сокращения

каз. – казымский диалект хантыйского языка

манс. – мансийский литературный язык

обд. – обдорский (приуральский) диалект хантыйского языка

русск. – русский язык

ср.-об. – среднеобской диалект хантыйского языка

хант. – хантыйский литературный язык

Список литературы

1. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2003.
2. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб., 2003.
3. Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка. – М.; Гамбург, 1995.
4. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
5. Сенгепов А.М. Касум ики путрат (Рассказы старого ханты). – СПб: Просвещение, 1994. (каз.)
6. Скрибник Е.К. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири: сб. науч. тр. – Вып. 4. – Новосибирск, 1998.
7. Тимофеев К.А. Части речи – категории слов (К проблеме частей речи) // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах: межвуз. сб. науч. тр. – Вып.1. – Новосибирск, 1996.
8. Типология результативных конструкций. Результатив, статив, пассив, перфект. – Л., 1983.
9. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. – Л., 1974.
10. Успенский Б.А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языков. Языковые универсалии и лингвистическая типология. – М.: Высшая школа, 1969.
11. Хантыйский глагол: метод. указания к курсу «Общее языкознание» / М.И. Черемисина, Е.В. Ковган. – Новосибирск, 1989. (каз.)
12. Jakobson R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. – Cambridge: Harvard University, 1957.

АНАЛОГИЯ В СЛОВОСЛОЖЕНИИ

(на материале датского языка)

Ключевые слова: аналогия, датский язык, лексикализованное соединение, словосложение, сложное существительное

В статье рассматривается роль аналогии при создании сложных существительных в современном датском языке. Интерпретация частотных датских неологизмов в значительной степени находится под влиянием датских лексикализованных соединений.

The article investigates the role of analogy in compounding in modern Danish. The research shows, that the interpretation of Danish novel compounds is highly affected by analogous lexicalized compounds.

Являясь важнейшим способом создания новых лексических единиц, словосложение в современных скандинавских языках представляет собой противоречивое явление: с одной стороны, это чрезвычайно продуктивный способ создания новых языковых единиц, с другой стороны, те лексические единицы, которые возникают в результате его реализации, значительно различаются в отношении степени и характера выводимости значений. Неудивительно поэтому, что в течение последних десятилетий в центре внимания лингвистов, занимающихся вопросами словосложения, оказался именно вопрос о том, насколько предсказуемо значение композитов, и в связи с этим рассмотрение возможности создания четкой и надежной классификации тех типов семантических и синтаксических отношений, которые лежат в основе сложного слова.

* **Краснова Елена Всеволодовна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

При создании композита в принципе существуют две возможности: говорящий либо создает новое сложное слово, пользуясь определенным набором регулярных продуктивных правил, актуальных для данного языка, либо прибегает к одной из уже существующих в языке моделей, выбирая ее в качестве образца.

Первому из способов создания сложного слова в последние десятилетия посвящались многочисленные исследования на материале целого ряда языков в русле различных направлений языкознания: дескриптивной лингвистики, генеративной лингвистики, создания компьютерных моделей, и, наконец, когнитивной лингвистики.

Роль аналогии как второго из возможных способов создания композита до сих пор недооценивается. Механизм действия аналогии в словосложении, создание и интерпретация сложных слов на основе уже существующих в языке форм затрагиваются лишь в отдельных работах последних лет [2; 3].

Вместе с тем, процесс создания новых языковых единиц по аналогии с определенным набором моделей, уже существующих в языке, коренным образом отличается от создания сложных слов при помощи определенного набора регулярных правил. При образовании композитов по аналогии носитель языка не столько пользуется определенными базисными структурами и системными связями, характерными для сложного слова вообще, сколько подыскивает подходящую модель в своей памяти.

В современном обществе, при бурном развитии средств массовой информации и проникновении Интернета в жизнь практически каждого члена языкового коллектива, роль образования композитов по аналогии существенно возрастает. Широкое распространение популярных, частотных компонентов сложных слов приводит к появлению неологизмов

на основе уже существующих в языке, в результате чего образуются целые ряды с одним и тем же компонентом.

Очевидно, что многие из первоначальных моделей входят в язык под влиянием английского, а затем начинают репродуцироваться на основе датских элементов. Сходное явление можно наблюдать на материале многих языков, где при сопоставлении можно обнаружить параллельные наименования, которые совсем не обязательно образуются вследствие прямого заимствования, а часто являются результатом вторичного образования по аналогии. Даже в русском языке, в котором словосложение не играет той роли, которую оно играет в германских языках, появился целый ряд номинативных композитов, которым можно найти параллели в других языках, например, 'бизнес-план', 'Интернет-версия', 'Кремлегейт', 'покемономания', 'экспресс-кредит'. Несмотря на явные типологические расхождения, обнаруживаемые в сфере словосложения в разных языках, в образовании сложных слов действуют, несомненно, и некие общие принципы, которые имеют если и не универсальный, то близкий к универсальному характер.

По характеру синтаксических отношений между компонентами датское сложное слово чаще всего является подчинительным, при этом второй компонент, как правило, является главным. Для современного датского языка характерно преобладание номинативных бинарных образований. Данное исследование сложных слов, созданных по модели «существительное+существительное», опирается на обширную электронную базу данных Общества датского языка и литературы (*Det Danske Sprog-og Litteraturselskab*) [6], а также на собственный корпус примеров, собранных автором на страницах датских газет и журналов. Корпус этот содержит как зарегистрированные датскими словарями

единицы, так и окказиональные композиты, которые представляют наибольший интерес при рассмотрении действия аналогии.

В датском языке, как и в других германских языках, существуют целые ряды композитов с повторяющимся первым элементом (конкретным или абстрактным существительным). Например, в Орфографическом словаре [4] зарегистрировано 62 слова с первым элементом *hus* (значение свободного аналога 'дом'). *Korpus2000* содержит несколько сотен композитов с элементом *hus* на первом месте, например, *husantenne*, *husarbejde*, *husarrest*, *husbesætter*, *husdyr*, *husejer*, *huskøb*, *huslæge*, *husnummer*.

Существуют также целые ряды композитов с продуктивными вторыми элементами (конкретными или абстрактными существительными). Со вторым элементом *hus* в Орфографическом словаре зафиксировано 118 слов, а в *Korpus2000* – несколько сотен слов, например, *operahus*, *parcelhus*, *sommerhus*, *træhus*, *blokhus*, *skovhus*, *mediehus*, *gæstehus*, *dukkehus*. При этом появление значения второго элемента «предприятие, учреждение, организация, занимающееся производством или продажей какого-либо товара» и дальнейшее расширение этого значения привело к созданию целого ряда образований по аналогии: *autohus*, *bilhus*, *brillehus*, *byggevarerhus*, *bøfhus*, *chiantihus*, *filmhus*, *finanshus*, *konsulenthus*, *mediehus*, *møbelhus*, *softwarehus*, *tæppehus*, *ølhus*, в которых первая НС уже более не обязательно обозначает только товар, который предприятие производит или которым оно торгует.

С точки зрения изучения роли аналогии при образовании сложных слов особый интерес представляют слова с выделенными в результате анализа частотными вторыми компонентами: *affære* 'дело', *aktion* 'акция', *apparat* 'аппарат', *arbejde* 'работа', *assistent* 'ассистент', *avis* 'газета', *bus* 'автобус', *cafe* 'кафе', *center* 'центр', *cirkus* 'цирк',

demokrati 'демократия', *død* 'смерть', *effekt* 'эффект', *facilitet* 'удобство', *fest* 'праздник', *flade* 'поверхность', *flugt* 'побег, бегство', *funktion* 'функция', *ghetto* 'гетто', *gruppe* 'группа', *hus* 'дом', *ideologi* 'идеология', *imperialist* 'империалист', *imperium* 'империя', *kløft* 'пропасть', *konflikt* 'конфликт', *krig* 'война', *krise* 'кризис', *kult* 'культ', *kultur* 'культура', *land* 'страна', *landskab* 'пейзаж', *linje* 'линия', *mafia* 'мафия', *miljø* '(окружающая) среда', *møde* 'встреча, совещание', *område* 'область', *pakke* 'пакет', *pause* 'пауза', *plan* 'план', *pleje* 'уход', *princip* 'принцип', *rapport* 'доклад', *regering* 'правительство', *safari* 'сафари', *sag* 'дело', *samfund* 'общество', *shop* 'магазин', *situation* 'ситуация', *skov* 'лес', *spørgsmål* 'вопрос', *støtte* 'поддержка, пособие', *syndrom* 'синдром'.

Количество зарегистрированных композитов с некоторыми из этих компонентов доходит до тысячи, при этом очевидно, что большинство из них образованы путем аналогии.

Создание продуктивной модели может начаться с появления одного слова – как исконного, так и заимствованного. Так, с начала 50-х годов под влиянием английского языка стало использоваться слово *kløft* (ср. *англ.* gap) в переносном значении 'разрыв, пропасть, расхождение во взглядах'. На основе одного из первых композитов *generationskløft*, имеющего значение 'пропасть между поколениями, конфликт поколений' возникло и продолжает возникать множество композитов (*kulturkløft*, *kommunikationskløft*, *informationskløft*, *forståelseskløft*, *tillidskløft*, *troværdighedskløft*, *uddannelseskløft*).

Особенно ярко действие аналогии можно наблюдать в словах с теми НС сложных слов, в которых произошел метафорический перенос. Существительное *ghetto* в середине XX века имеет только одно значение «удаленный квартал города, предназначенный для поселения евреев», в словарях тех лет имеется также помета, что речь идет о старой реалии. В последние десятилетия это слово становится частот-

ным на страницах газет, приобретая расширенное ('городской квартал, где проживает однородное в этническом или социальном отношении население'), а затем и метафорическое значение ('изолированное сообщество людей, имеющих одинаковые интересы'). В 70-х годах этот элемент превратился в «модное» слово, став основой для создания множества новых композитов: *alderdomsghetto*, *badeghetto*, *børneghetto*, *elite-ghetto*, *erhvervsghetto*, *ferieghetto*, *filmghetto*, *handicapghetto*, *kollegieghetto*, *kontorghetto*, *kulturghetto*, *kønsghetto*, *ligusterghetto*, *litteraturghetto*, *storbyghetto*, *studenterghetto*, *trafikghetto*, *turistghetto*, *uddannelsesghetto*, *universitetsghetto*, *velfærdsghetto*, *velhaverghetto*, *yuppieghetto*. При этом в отличие от русского языка эти слова совсем не обязательно имеют отрицательную коннотацию.

Другим ярким примером образований по аналогии являются композиты со вторым элементом *bombe* (исходное значение – 'бомба', метафорическое – 'нечто, имеющее разрушительное воздействие'): *bakteriebombe*, *efterlønsbombe*, *fartbombe*, *humørbombe*, *kaloriebombe*, *miljøbombe*, *prisbombe*, *vitaminbombe*.

Некоторые исследователи отмечают наличие в разных языках довольно большой группы структурно-немотивированных композитов, в первую очередь, номинальных образований, в которых отсутствует непосредственная связь между первым и вторым элементами [1]. Опыты по интерпретации сложных слов данного типа свидетельствуют о том, что вопреки сложившемуся мнению носители языка часто с легкостью интерпретируют такие слова даже без обращения к широкому контексту.

Связано это с тем, что многие из структурно-немотивированных композитов могут быть легко соотнесены с другими сложными словами, содержащими тот же второй элемент, поэтому отсутствие семантических связей между первой и второй НС перестает быть важным для интерпретации.

При рассмотрении действия аналогии в подобных немотивированных композитах представляется целесообразным воспользоваться понятием метонимии, являющейся одним из фундаментальных свойств человеческого сознания. В применении к подобным образованиям плодотворной оказывается получившая в целом ряде работ мысль об избирательности человеческого внимания, которая отражается в языке в виде возможностей сдвига фокуса внимания при описании одной и той же ситуации [5]. При образовании композита по аналогии в качестве первого элемента часто используется главное, ключевое для всей ситуации слово, которое связано с исходным объектом или понятием отношением смежности. Так, например, в сложных словах *taxakonflikt*, *buskonflikt*, первый элемент (значение свободного аналога 'такси', 'автобус') используется для обозначения соответственно водителей такси и водителей автобусов (речь идет о ситуации, когда работники не могут прийти к соглашению с работодателями). Сходный процесс наблюдается и в словах *skolekonflikt*, *havnekonflikt*, только в данном случае слова 'школа', 'порт' становятся обозначением для всех учителей школы и всех рабочих порта. Эта модель продолжает активно использоваться для наименования забастовок на различных предприятиях.

Очевидно, что многие из структурно-немотивированных композитов могут представлять трудности при интерпретации, поскольку часто возможна двоякая трактовка (*havnekonflikt* может, в принципе, значить и 'конфликт между рабочими порта'). Однако аналогия и при толковании композитов играет очень важную роль, о чем свидетельствуют результаты эксперимента по исследованию интерпретации целого ряда неологизмов.

Для анализа действия аналогии в современном датском языке были привлечены двадцать информантов-носителей языка, которым были предъявлены различные субстантивные композиты:

1) лексикализованные композиты; 2) неологизмы; 3) искусственно сконструированные сложные слова.

Рассматриваемые модели различаются по уровню абстракции, однако всех их объединяет одно: возможная двоякая трактовка отношений между компонентами сложного слова разрешается на основе проведения аналогии с предъявленными лексикализованными композитами.

Более низкая предсказуемость неологизмов и искусственно сконструированных слов наблюдается в тех случаях, когда в языке отсутствуют лексикализованные композиты, являющиеся своего рода семантическими параллелями, которыми можно воспользоваться как основой для выведения аналогии.

В современном датском языке действие аналогии наиболее ярко проявляется в словосложении, поскольку именно при таком способе словообразования проявляется двойственная природа аналогии: с одной стороны, ее упорядочивающий, систематизирующий характер, с другой стороны, ее конструктивное начало.

Список литературы

1. Мешков О. Д. Семантические аспекты словосложения английского языка. – М.: Наука, 1986.
2. Bauer L. English Word-Formation. – Cambridge: University Press, 1983.
3. Jaarsveld Henk J. van, Coolen R., Schreuder R. The Role of Analogy in the Interpretation of Novel Compounds // Journal of Psycholinguistic Research. – Vol. 23. – No. 2. – 1994.
4. Retskrivningsordbogen. – København: Aschehoug, 1996.
5. Talmy L. Towards a Cognitive Semantics. – Vol. 1–2. – Cambridge: MIT Press, 2000.

УДК 81'366.5

С.Т. Нефедов*

МОДАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СОСТАВЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С КОПУЛЯТИВНЫМ ГЛАГОЛОМ: СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: грамматика конструкций, историческая грамматика немецкого языка, эволюция и грамматикализация, эпистемическая модальность

*Статья анализирует эволюционные изменения в сфере модальных компонентов эпистемической семантики на примере грамматических конструкций с копулятивным глаголом *sîn* в их диахроническом развитии от древневерхненемецкого периода к современному состоянию языка. На основе привлечения разноплановых критериев обосновывается тенденция к более четкому структурно-грамматическому оформлению их детерминантного положения через структурно-грамматическое обособление и парцелляцию от основного состава грамматической конструкции.*

*The article discusses the evolutionary change of epistemic modal components using as an example the grammatical constructions with the copulative verb *sîn* in their diachronic development from the Old High German to the Modern German. Based on different criteria is the tendency to the clearer structural and grammatical expression of their determinative position by means of structure-grammatical isolating and separating from the basic organization of the grammatical constructions.*

Конфигурирование функциональной модели языковых объектов как совокупности их сущностных категориальных характеристик требует проведения исследований с разных сторон. Сами же качества этих объектов проявляются в ходе их взаимодействия друг с другом в рамках некоторого функционального целого. Причем характер выявляемых при

* **Нефедов Сергей Трофимович**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

этом отношений зависит как от свойств самого взаимодействующего объекта, так и от параметров тех элементов, с которыми он вступает во взаимодействие. Зона адаптации и «функциональной подгонки» составляющих в едином целом неизбежно сопутствует всякому взаимодействию и индуцируется качественным своеобразием целостной структуры, не сводимым к свойствам отдельных ее компонентов. Именно она составляет реальную среду их бытования и предполагает некоторую модификацию свойств элементов. Последняя находит свой выход в функциональном варьировании объектов на том или ином синхронном срезе языка. В итоге регистрируемая лингвистами синхронная вариативность изучаемого феномена формирует его качественно многомерный образ, соответствующий реальному бытию языковых сущностей, вовлеченных в речевую практику людей. Качественная неоднородность лингвистического объекта выступает, таким образом, как проекция его разных отношений с другими составляющими целого и с самим целым. Эти разноплановые связи и составляют основную часть «грамматики» компонента или совокупности компонентов в общем строе языка.

Обозначенные выше исходные посылки функционально ориентированного грамматического анализа положены в основу предлагаемого в настоящей статье описания частной подсистемы языковых средств – разноструктурных модально-оценочных компонентов – в определенном типе конструкций, взятых в текстах одного жанра на разных синхронных срезах немецкого языка.

Диахронические сведения о модальных словах типа *uiâr*, *uiârîhho*, *giuesso*, *zuuiflo* и других и о синтаксических построениях с их участием, сосредоточенных в языке на выражении эпистемических установок знания и мнения говорящего лица, его истинностных оценок достоверности сообщаемого, в немецкой германистике более чем фрагментарны. В тех научных работах, где такие единицы регистриру-

ются, упоминание о них обычно не содержит никаких комментариев об их грамматическом функционировании в тот или иной период, об эволюционной динамике их развития и сводятся к общей морфолого-грамматической, словообразовательной и этимологической характеристике.

Так, О. Бехагель в одном из томов своей исторической грамматики делает попутное замечание о словах, обозначающих «суждение говорящего о действии» типа *giwisse/ giwislich, sicher/sicherliche* и некоторых других, обнаруженных им в текстах средневерхненемецкого периода [3: 10–11]. Буквально несколько строк содержатся также в грамматике В. Вильманса в разделе, посвященном словообразовательным моделям немецких наречий [11: 598–655]. Подобного же рода краткие попутные замечания о модальных компонентах (МК) на базе эпистемических модальных слов (МС), часто в виде постраничных сносок, имеются в грамматике Я. Гримма [6: 231].

Что же касается специальных научных работ, которые рассматривали бы данный лингвистический материал с диахронической точки зрения, то они нам неизвестны. Более того, существование в грамматическом строе немецкого языка так называемых «*Modaladverbien*» или «*Modalpartikeln*» [5: 207–209] на древних стадиях его развития вообще подвергается сомнению германистами старшего поколения. Примечательно в этой связи высказывание Г. Пауля, сделанное им, правда, в отношении средневерхненемецкого периода: «В средневерхненемецком не существует модальных частиц, которые были бы обязательны для определенных способов выражения модальности» [8: 298].

С таким категоричным утверждением по поводу отсутствия неглагольных лексических средств модальности вряд ли можно согласиться. Уже в самых древних дошедших до нас письменных памятниках древневерхненемецкого периода, несмотря на их жанровую специфику (тек-

сты религиозного содержания), достаточно широко представлены средства авторизирующей модальности – обозначения уверенности, сомнений, истинностных эпистемических оценок и т.д. Об этом пишет и В.Г. Адмони, по-видимому, единственный среди отечественных германистов, обративший внимание на наличие в древненемецких текстах модальных слов и выражений: «Особенно широко эти формы представлены у Отфрида <...>. Основная масса этих форм у Отфрида – слова и сочетания, подчеркивающие достоверность сказанного (со значением: действительно, правда и т.п.): *giuuâro*, *in uuâri*, *in uuârû*, *zi uuârû* и т. п.» [1: 39-40; 2: 47]. Весьма высокой частотностью эпистемические МС обладают также и в двух других самых значительных письменных памятниках этого периода: в «Древневерхненемецком Исидоре» и в двуязычной латинско-восточнофранкской «Евангельской гармонии» Тациана.

Можно было бы ожидать, что МК, напрямую соотнесенные с прагматическим аспектом высказывания в силу того, что такие «эгореферентные» обозначения личностных когнитивных установок говорящего проецируют в дискурс его контакт с адресатом и, кроме того, включены в организацию речевого сообщения, попадут в поле зрения современных исследователей-историков немецкого языка, в частности в связи с бурным развитием нового направления исторических исследований – диахронической прагмалингвистики. К сожалению, приходится констатировать, что только у Ф. Зиммера бегло упоминается *uuârlîhho* в союзной (коннекторной) функции [10: 13, 14, 19, 24]. Другие лексемы этого типа и синтаксические построения с ними, их возможные функции в контекстах речи по-прежнему остаются вне зоны интересов немецких германистов [4: 45–57; 7: 251–258; 9: 150–171].

Исходно присущие МС *uuâr*, *uuârlîhho*, *giuuesso*, *zuuiflo* и другим глубинные признаково-характеризующие свойства прогнозируют для них, среди прочего, смысловую связь с предикатом и функцию качест-

венного обстоятельства при нем. Что же касается их потенциальной возможности к применению как модальных компонентов с целью выражения когнитивных установок знания или мнения говорящего, то она становится достижимой на основе переосмысления качественно-характеризующего признака и его «отрыва» при определенных контекстуальных условиях от предикативного глагола, притягивающего к себе этот признак. Решающее влияние на реализацию МС эпистемического значения и их функциональную нагрузку в составе целого может оказывать сама семантико-синтаксическая структура наличного построения.

Одна из разновидностей таких предложений – предложения трехкомпонентного состава со связочным глаголом *sĭn* в качестве спрягаемой части именного сказуемого. Базовая семантико-синтаксическая модель таких предложений включает три обязательных компонента: подлежащее, выраженное существительным / субстантивным местоимением в именительном падеже, копулятивный *verbum finitum* и предикатив, чаще всего представленный существительным в том же падежном разряде, что и в субъектной позиции, или же в форме предложно-субстантивной группы. Такая грамматическая структура построения не предусматривает семантико-синтаксической позиции для качественно-характеризующего члена – обстоятельства, раскрывающего и уточняющего, как правило, динамический процессуальный признак, обозначаемый полнозначным глагольным предикатом. В составе рассматриваемых ниже предложений, собственно говоря, нет компонентов, в отношении которых МС могло бы реализовать потенциально присущую данным лексемам квалитативную обстоятельственную функцию. Отсутствие смыслового «сцепления» с одним из трех синтаксических компонентов модели таких предложений побуждает говорить об отнесенности такого рода компонентов ко всему предложению в целом и

рассматривать их в качестве модальных детерминантов, выражающих когнитивные установки говорящего лица. Например:

(1) Thiê thâr in themo skefe uuârun quâmun inti betôtun inan quedantê: **zi uuâre** gotes sun bist (Т., 81,5: 162 = Mt., 14,34) – Те, кто был в лодке, подошли к Иисусу и поклонились ему, сказав: «Истинно, ты есть Сын Божий» [9]; ср. на последующих синхронных срезах – в Библии Ментеля, в переводе Библии Лютером и в современном тексте «Нового Завета»: (1а) Wann die do warn in dem schifflein: die kament vnd anbetent in sagent. **Gewerlich** du bist der sun gots (Mentel, 57); (1б) Die aber im Schiff waren, kamen vnd fielen fur jn nider, vnd sprachen. Du bist **warlich** Gottes son (Luth., 21); (1в) Die aber im Boot waren, fielen vor ihm nieder und sprachen: Du bist **wahrhaftig** Gottes Sohn! (Nhd., 21).

Для своей смысловой завершённости и коммуникативной целостности трёхкомпонентная базовая структура синтаксических построений Sub. im Nom. + V cop. + Sub. im Nom. не требует включения никаких других членов. Введение в такую структуру факультативных составляющих возможно на правах «инородных вкраплений» — «прислоняющихся» или «вклинивающихся» членов, которые не вступают ни с одним компонентом предложения в столь тесные связи, чтобы глубинно распространять денотативную основу предложения (за исключением атрибутов при субстантивных членах), а тем более стать необходимыми для смысловой завершенности предложения. Детерминантный характер модальных членов весьма часто подчеркивается в тексте Библии Ментеля пост-/препозитивным подключением сочинительных союзов, синтагматически отделяющих модальный элемент от основного состава предложения, а в Библии Лютера и новонемецком тексте Библии – через парцелляцию или структурно-грамматическое обособление. Например:

(2) Zuogiengun thô thiê dâr stuontun inti quâdun Pêtro: **zi uuâre** thû bist fon thên (Т., 188, 2:310 = Mt., 26, 73); - Подошли тогда те, кто находился там и сказали Петру: «По правде, ты из тех; (2а) ... vnd sprachen zuo pettern. **Gewerlich vnd** du bist von in (Mentel, 107); (2б) ... vnd sprachen zu in. **Warlich**. Du bist auch einer von denen (Luth., 39); (2в) ... und sprachen zu Petrus: **Wahrhaftig**, du bist auch einer von denen (Nhd., 40);

(3) Ther hunteri inti thiê mit imo uuârûn bihaltenti then heilant, gisehenemo erdgiruornessi ... forhtun in thrâto, got diurisônti inti quedenti: thesêr man **rehtliho** ist **uuarliho** gotes sun (Т., 210, 2: 325 = Mc., 15, 39) – Сотник и бывшие с ним, охранявшие Спасителя, когда увидели землетрясение ..., сильно испугались, прославляя Господа и говоря: «Истинно, человек сей – Сын Божий»; (3а) Wann do das sach centurio der do stuonde her engegen. das er also hett deruoffen vnd was verschieden: er sprach. **Gewerlich** dirr was der sun gotz (Mentel, 186); (3б) Der Heubtman aber der da bey stund gegen jm vber, vnd sahe, das er mit solchem geschrey verschied, sprach er. **Warlich** dieser Mensch ist Gottes son gewesen (Luth., 61); (3в) Der Hauptmann aber, der dabeistand, ihm gegenüber, und sah, daß er so verschied, sprach: **Wahrlich**, dieser Mensch ist Gottes Sohn gewesen! (Nhd., 66).

Последний текстовый фрагмент (3) и приведенные для него соответствия из Библии разных временных периодов несколько нарушают описанную выше последовательность структурно-грамматических приемов синтагматического выделения модального компонента из общей семантико-синтаксической структуры предложения. Перераспределение формально-грамматических приемов организации составляющих таких

построений относительно наиболее типичного из них на том или ином анализируемом синхронном срезе не опровергает, как кажется, сделанных выше обобщений, а лишь свидетельствует о функциональной односторонности и потенциальной взаимозаменяемости указанных «технических» средств.

Таким образом, сопоставительно-диахронический анализ выявляет для последующих ступеней эволюции этой структуры – в тексте Библии Лютера и в современном тексте Евангелия – общую тенденцию к более четкому формально-структурному выражению детерминантного характера таких модальных компонентов через структурно-грамматическое их обособление и парцелляцию от основного состава построения.

Принятые сокращения

T. – Tatian: Lateinisch und althochdeutsch / Hrsg. von E. Sievers. – Paderborn: Schöningh, 1872.

Mentel – Die erste deutsche Bibel. 1. Bd. (Evangelien) / Hrsg. von W. Kurrelmeier. – Tübingen: Laupp, 1904.

Luth. – Die Bibel. Die ganze heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments in der deutschen Übersetzung von D. Martin Luther (nach der Luther-Bibel von 1545). 1. Aufl. – Gütersloh: Prisma Verlag, 1986.

Nhd. – Die Bibel / Hrsg. von der Evangelischen Kirche in Deutschland. – Stuttgart: Biblia-Druck, 1985.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1963.

2. Admoni V. Historische Syntax des Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1990.

3. Behaghel O. Deutsche Syntax: In 4 Bdn. Bd. II: Die Wortklassen und Wortformen (B. Adverbium. C. Verbum). – Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1924.

4. Ebert R.P. Historische Syntax des Deutschen. (Sammlung Metzler 167). – Stuttgart, Metzler, 1978.

5. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Bd. 2: Der Satz. – Stuttgart, Weimar: Metzler, 1999.

6. Grimm J. Deutsche Grammatik: 4 Bde. Bd. III. – Berlin; Gütersloh: Bertelsmann, 1890.

7. Meineke E., Schwerdt J. Einführung in das Althochdeutsche. – Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 2001.

8. Paul H. Mittelhochdeutsche Grammatik. 24. Aufl. – Tübingen: Niemeyer, 1998.

9. Schrodtt R. Althochdeutsche Grammatik II: Syntax. – Tübingen: Niemeyer, 2004.

10. Simmler Fr. Satzverknüpfungsmittel und ihre textuellen Funktionen in der lateinisch-althochdeutschen Tatianbilingue und ihre Geschichte // Konnektoren im älteren Deutsch: Akten des Pariser Kolloquiums März 2002 / Hrsg. von Y. Desports. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2003.

11. Wilmanns W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. Zweite Abteilung: Wortbildung. – Strassburg: Brosch, 1896.

Примечание

В силу иных исследовательских задач фиксация упомянутых МК носит фрагментарный и отчасти случайный характер в «Словаре синтаксической валентности немецких глаголов в древневерхненемецких текстах» А. Гройле и в диссертации А. Шварца, имеющей лексикографическую направленность: Greule A. Syntaktisches Verbwörterbuch zu den althochdeutschen Texten des 9. Jahrhunderts // Regensburger Beiträge zur deutschen Sprach- und Literaturwissenschaft / Hrsg. von B. Gajek. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Peter Lang, 1999; Schwarz A. C. Der Sprachbegriff in Otfrids Evagelienbuch: Abhandlung zur Erlangung der Doktorwürde der philosophischen Fakultät der Universität Zürich. Bamberg: aku-Fotodruck, 1975.

Все переводы на русский язык носят характер подстрочника и сделаны автором статьи; в скобках даны не только отсылки к древневерхненемецкому тексту, но и к стихам Евангелий «Нового Завета».

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 811.5:12.145

*Г.Р. Галиуллина**

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ТАТАР

Ключевые слова: антропонимия, лингвокультурология, культурные традиции

Статья посвящена антропонимической системе татарского языка и специфике функционирования семиотических знаков различных культур в антропонимиконе татар. Заимствованные в разные периоды из разных источников имена продолжали традиционные мотивы имяназачения, заложенные предками современных татар.

The article is devoted to the anthroponymic system of Tatar and the specific character of semiotic signs' functions in anthroponymicon of Tatars. Names adopted from different resources in different periods of time developed traditional name-giving motives that had been established by ancestors of contemporary Tatars.

Антропонимическая система современного татарского языка представляет собой синтез культурных и языковых традиций, которые формировались и развивались в процессе исторического прогресса тюрко-татарского народа. Общеизвестно, что национальные имена отражают особенности национальной культуры, при этом в одних именах культурно-исторический потенциал проявляется ярче, в других – менее интенсивно, но едва ли можно найти хотя бы одно имя, так или иначе не связанное с культурой народа, его создавшего или употребляющего. Антропонимическая лексика татарского языка уникальна по своей природе: как языковой знак она подчинена законам

* Галиуллина Гульшат Раисовна, кандидат филологических наук, Казанский государственный университет.

эволюции языка, а как знак культуры – непосредственно отражает те свойства народной культуры, которые сложились на протяжении многих веков. На разных этапах эволюции общества функционировала своя система личных имен, которая формировалась под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, что отражено в истории развития антропонимической системы. В целях исследования современного антропонимикона татар необходимо выделить историко-культурные, социальные и политические предпосылки, служившие базой для образования антропонимических единиц. Состав современного антропонимикона татар коренным образом отличается от антропонимической системы предыдущих эпох. На фоне общественно-политических и культурных событий, происходивших в обществе и влиявших на мировосприятие национальной личности, произошли изменения как в составе, так и в функционировании личных имен. Основа этих изменений была заложена во втором десятилетии XX века. На фоне новой действительности антропонимикон не только татар, но и всех народов современного постсоветского пространства, подвергся коренному изменению. В известной степени это было связано с изменениями в жизни страны: индустриализация, развитие промышленности, технические и научные изобретения, открытия, но самой главной причиной было отделение религии от государства. Декрет Совета Народных Депутатов от 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства привел к потере традиций имянаречения, сложившихся веками. С первых дней советской власти традиционные духовные ценности народа потеряли свою силу, они были сведены до уровня семейно-бытовых обычаев и обрядов. Ислам перестал быть социокультурным комплексом и сохранил свое право на существование преимущественно в сфере религиозной обрядности. Даже в этой сфере были свои ограничения и запреты. Некоторые имена, в основном рели-

гиозные, стали запрещенными. Поскольку имена религиозного содержания составляли основной костяк именника, пустую нишу стали заполнять новообразования и заимствования из русского и ряда европейских языков. В результате открытости антропонимикона татар в языке формировалась особая система имен, впоследствии ставшая составной частью современной антропонимии татар. Основываясь на фактических материалах, на результатах статистических исследований, мы считаем, что современная антропонимика татар развивается в трех направлениях.

Во-первых, наполняясь новой семантической и функциональной нагрузкой, продолжается тюрко-татарская традиция, которая является основополагающей в развитии антропонимической системы. Доисламский период имянаречения у предков татар, как у большинства тюркских народов, отражал языческую религию, в которой все социальное, личностное воспринималось через природу. Обожествление природы, характерное для первобытной поры, проявлялось в верованиях, культах, обрядах, поклонениях, и в имянаречении как одном из основных обрядов. Особенности антропонимического узуса в традиционной тюркской культуре обусловлены мифическими представлениями о природе имени – отождествлением имени и его носителя или убеждением в существовании сокровенной связи между именем и человеком, верой в способность имени замещать человека. В тюркском языческом именовании основное место занимают две формы, это анимизм и тотемизм, которые составляют основу языческой веры, являвшейся главной до введения и распространения ислама на территории Волжской Булгарии. Анимистические и тотемистические представления легли в основу имянаречения у древних тюрков и стали основной базой для дальнейшего развития антропонимической системы тюрко-татар. Некоторые из этих представлений, сохранившись в народной

культурной памяти в виде зашифрованных языковых знаков, транслировались на будущие поколения.

Во-вторых, в новых направлениях развивается восточная традиция, пришедшая в татарское национальное пространство с принятием ислама. Арабские и персидские имена и имяобразующие компоненты способствовали обогащению именника татар. Появились новые сложносоставные антропонимические единицы с заимствованными компонентами уже на базе татарского языка. К началу XX столетия антропонимическая система татарского языка представляла собой сложившуюся под мусульманскими традициями богатую систему, отличающуюся от предыдущих этапов как составом, так и семантическим разнообразием.

В-третьих, в именник проникла русская и европейская традиции, впоследствии синтезирующиеся с национальными традициями имяна-речения. Личное имя в сознании национальной личности рождается на стыке взаимодействия языка и культуры. Имя является уникальной единицей языка, потому что ни в одной другой сфере языка не выражено с такой силой слияние «своего» и «чужого» как в антропонимической системе, возможность которой обусловлена самими свойствами имени, способного даже при поверхностном контакте преодолевать языковые границы, временные рамки и территориальные рубежи. В лексической системе татарского языка русские заимствования функционировали с древнейших времен. На протяжении многих веков взаимовлияние на языковом уровне было доминирующим, хотя процесс заимствования протекал неравномерно: в разные исторические эпохи в качестве языка-источника на первый план выдвигается то один, то другой язык. Несмотря на то, что в лексической системе татарского языка русские, затем европейские заимствования имеют длительную историю функционирования, заимствования антропонимической лексики не произошло. Как из-

вестно, антропонимы являются культурно маркированными знаками, которые образуются и функционируют в рамках национальной культуры. Для того, чтобы произошло изменение состава антропонимической системы национального языка, необходимо изменение национального сознания. Татарский народ, динамично развивающийся под влиянием национальной культуры, мусульманской идеологии, не воспринимал семиотические знаки других культур. Антропонимическая лексика имеет не только глубокую национально-культурную специфику, но и связана с восприятием мира, в определенной степени отражает познание мира. В 20-е годы XX века произошла смена этнического сознания, это повлекло за собой изменение в сознании национальной личности, что в свою очередь привело к изменению в антропонимической системе татарского языка. Таким образом, под влиянием ряда экстралингвистических факторов в антропонимическую систему татарского языка проник новый тип антропонимов.

Исследуя антропонимикон татар конца XX начала XXI веков, мы пришли к выводу, что в современной татарской антропонимической системе вышеназванные лингвокультурные традиции теснейшим образом переплелись и сформировали особую антропонимическую картину мира. Заимствованные в разные периоды из разных источников имена продолжали традиционные мотивы имянаречения, заложенные предками современных татар. Безусловно, антропонимические единицы напрямую не отражают древних воззрений, они, в силу своих лингвистических функций, являются символами, и в них зашифрован культурный код нации, национальная память тюрко-татарского народа. Имя является хранителем культурной информации народа. «Характер информации, закреплённой в имени, в целом обнаруживает зависимость от общей социокультурной ориентации эпохи, и, следовательно,

ономастический материал становится важным компонентом ее семиотического пространства» [2].

Национальный антропонимикон принимает не всякую антропонимическую лексику чужого, неродственного языка. В первую очередь заимствуются такие единицы, семантика и мотивация которых близки традиционным мотивам. Современный антропонимикон татар отличается открытостью к заимствованиям из иностранных, преимущественно из арабско-персидского и западноевропейских, именников. Несмотря на это, в них прослеживается тенденция продолжения ранее сложившихся традиций. Здесь мы рассматриваем личные имена, связанные с растительным миром. До наших дней хорошо сохранились имена, в которых зашифрована информация о мифологических воззрениях предков, об их объектах поклонения, среди которых определенное место занимают имена, в основе которых лежат анимистические представления, связанные с культом Земли. Древние люди обожествляли земное начало и все, что с ним связано. В верованиях многих народов земля – олицетворение плодоносящего начала и одновременно субститут царской власти. Обожествление Земли и природных явлений, вера в могущество природы способствовали появлению целой группы имен с названиями растений. В языковом сознании национальной личности женская красота, прежде всего, ассоциируется с растениями, цветами. Традиция употребления в качестве женского имени названий цветов существовала и до ислама, но широкое распространение и доминирующее положение в национальном антропонимиконе заняла после принятия мусульманства. В восточной культуре образ изящных растений был всегда в моде. Существовавшая традиция в тюрко-татарской культуре стала благодатной почвой для распространения таких личных имен. Более того, некоторые собственно женские имена стали употребляться и в мужском именнике. Национальная языковая

личность, стремящаяся к отражению идеального в именнике, использовала различные варианты имен, тем самым желая ребенку быть красивым, нежным, притягательным. Еще в антропонимиконе древних тюрков употреблялись личные имена, связанные с растительным миром: *Çeçak* «цветок», *Çinar Çeçak* [2] «цветок чинары» – женское имя; *Japdu terak* «название дерева» – мужское имя; *Kamala Açarı*, *Kamala Anantasırı* – *kamala* – от санскритского «цветок лотоса» [3] и другие. Впоследствии традиция использования в качестве личного имени названий флоры перешло и в тюрко-татарский язык: *Байтиряк*, *Зайкуак*, *Имян*, *Имянкол*, *Иштиряк*, *Алма* и другие. Активное использование названий флоры в качестве личных имен произошло после принятия ислама, и впоследствии такая группа имен образовала целое антропонимическое поле. Наиболее распространенным имяобразующим компонентом является компонент *гуль* (*цветок*). В тюрко-татарской культуре имянаречение с использованием компонента *гуль* восходит к древнетюркской традиции. Как уже говорилось, в древнетюркском антропонимиконе функционировали имена с лексемой *чачак* (*цветок*). Личные женские имена с названием цветка характерны для большинства тюркоязычных народов. В частности, в современном бурятском языке функционирует имя *Сэсэг*, в монгольском – *Цэцэг*, в алтайском языке – *Чечек* и др. Имена с компонентом *чачак* сохранились и в языках, которые подвергались сильному влиянию ирано-арабской культуры, более того, в этих языках лексемы *чачак* и *гуль*, образовав синонимичные гнезда, стали активно функционировать в антропонимиконах татарского, башкирского, турецкого, казахского, узбекского и других языков. Данный компонент персидского происхождения участвует в образовании огромного количества женских имен. Он служит своего рода показателем женского рода, так как используется в образовании исключительно женских имен.

Н.А. Баскаков, говоря о том, что «наиболее популярным и часто встречающимся в структуре каракалпакских сложных имен элементом, отражающим эмоциональный, ласкательный оттенок, является слово «гуль», замечает, что данный элемент широко употребителен не только у каракалпаков, но и других тюркских народов» [1].

В антропонимическое пространство татарского языка из арабского и персидского языков заимствовались следующие имена с названиями растительного мира: *Лаля (тюльпан), Ясмина (жасмин), Наргиз-Наргиза (нарцисс), Райхан-Райхана (базилик), Даляя (георгин), Сарви (кипарис), Зайтун-Зайтуна (оливковое дерево), Миляуша (фиалка), Анар-Анара (цветок граната)* и др.

Употребление названий растительного мира характерно и для других культур. Например, в китайской культуре среди обозначений растений в именах можно выделить розу, жасмин, ряску, лотос. В западной культуре также распространено употребление названий растений в качестве личных имен. По этой причине многие западноевропейские антропонимы легко проникли в татарское языковое пространство.

Традиционный образ красоты в восточной и западной культуре нашел благодатную почву в татарской культуре. Человек живет в символической реальности, которая конструируется благодаря знаковым системам, в том числе и языку. Культурная память татарской национальной личности способствовала проникновению из других культур новых антропонимических единиц, которые служили продолжением данной традиции. Мы считаем, что проникновение личных имен из ряда западноевропейских языков посредством русского языка было результатом такой деятельности.

С середины 20-х годов XX века в активное употребление вошло содержащее революционную коннотацию женское имя *Роза* и произ-

водные от него *Розалия* (фонетический вариант – *Рузалия*), *Розалина*. Так, например, в 1941–1950 гг. имена Роза и Розалия вошли в первую десятку наиболее частотных имен по городу Казани, которая обслуживала 413 носителя. Из них имя Роза обслуживало 32 носителя, что составляет 1,58% от общего числа использованных имен, а имя Розалия – 31 носителя (1,53%). Внедрение и дальнейшая популярность данного имени в антропонимиконе татар объясняется благозвучием и соответствием традиционным мотивам имянаречения.

Стереотипные представления о красоте, складывающиеся веками под влиянием восточной литературы, способствовали активному заимствованию таких западноевропейских единиц, как *Лилия*, *Лилиана*, *Флора*, *Флера*, *Ландыш*, *Фиалка* и другие. Имена *Лилия* и *Флера* также вошли в первую десятку часто употребляемых имен по городу Казани. Если женское имя Флера стало употребляться с конца 20-х годов XX века и пик его популярности приходится на 1941–1950 года, то к 70-м годам его частотность уменьшилась. Активное функционирование имени *Лилия* начинается с 60-х годов и продолжается по настоящее время.

В современном татарском языке женское имя *Миляуша* (заимствованный вариант *Фиалка*) пользуется особой популярностью. Активному функционированию способствовал синтез культурных традиций востока и запада, которые тесно переплетены в антропонимической системе современного татарского языка. В восточной культуре распространено представление о фиалке как о скромном, неприметном цветке, что получило свое выражение и в суфийской традиции. В персидской поэзии фиалку сравнивали с предающимся медитации суфием, который сидит, склонив голову к коленям, укутанный в свою хирку (плащ дервиша) темно-синего цвета, среди сияющих всеми красками садовых цветов [4]. В Древней Греции

фиалка была символом ежегодно оживающей весной природы и эмблемой Афин. Фиалка пользовалась любовью и у римлян. В окрестностях Рима существовали целые плантации фиалок, которые употребляли также как лечебную траву. У древних галлов фиалка была символом скромности, невинности, целомудрия и красоты.

Заимствованное из латинского языка женское имя *Азалия* входит в первую десятку популярных имен, использованных за 1999–2007 годы по городу Казани. В число наиболее употребительных заимствованных имен за данный период входит также имя *Лиана*.

В настоящей статье мы стремились показать взаимосвязанность основных лингвокультурных традиций в современной антропонимической системе татарского языка. Проникновение антропонимических единиц других языков в татарское антропонимическое пространство строго систематизировано и зависит от специфики мировосприятия данного лингвокультурного общества.

Список литературы

1. Баскаков Н.А. Элемент GUL «роза, цветок» в составе каракалпакских имен // Ономастика и норма. – М.: Наука, 1976.
2. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998.
3. Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М.: Агенство «ФАИР», 1998.
4. Сэржээ Ж. ХХ зууны монгол хүний нэрийн зарим онцлог // Ономастическое пространство и национальная культура. – Улан-Удэ, 2006.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Удк 81'42:82-36

*Н.З. Абдуллина**

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНЕКДОТА КАК ТИПА ТЕКСТА

Ключевые слова: анекдот, сущностные признаки текста, тип текста

Данная статья посвящена описанию комплекса сущностных признаков текста анекдота на основе анализа и обобщения имеющегося теоретического материала. Выделяются группы признаков, онтологически связанных с комической природой анекдота, с его отнесенностью к фольклорным жанрам и его индивидуализирующие характеристики, а также вскрываются глубинные связи между признаками анекдота внутри каждой группы.

In the article, we describe a group of essential characteristics of «anekdot» as a specific text-type. The characteristics are chosen through analysing and summarizing the existing research on the subject. We classify them into the ones connected with the humorous nature of «anekdot», the ones connected with its folklore nature, and the individual characteristics of «anekdot» as a text-type. We also show the interrelation between the characteristics within each class.

При выборе анекдота в качестве объекта исследования, некоторую трудность представляет неоднозначность употребления этого термина в работах теоретиков. Существует достаточно большое количество различных видов комического текста, однако до сих пор не было создано их единой, четкой классификации, позволяющей употреблять обозначения этих видов терминологически – в однозначном соответствии с сущностными признаками каждого из них. В исследовательских работах описываются совокупности признаков,

* **Абдуллина Наиля Зуфаровна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

характеризующих анекдот, но их состав обнаруживает известную изменчивость от работы к работе. Если же за основу выделения анекдота как особого типа текста берется какой-либо один признак, то опять же эти признаки существенно отличаются у разных исследователей.

Когда же материалом для исследования служит анекдот в англоязычной культуре, возникает дополнительная сложность в виде неполного соответствия в объемах значений терминов, описывающих различные типы комического текста в английском и русском языках. Прежде всего, это использование в английском языке более широкого, родового слова *joke* для обозначения целого ряда комических текстов, среди которых можно выделить и такой, который по своим характеристикам обнаруживает большую долю сходства с русским анекдотом.

При каких же условиях возможно использование термина «анекдот» для обозначения определенного типа комического текста в англоязычной культуре? Каковы сущностные признаки данного типа текста? Попытаемся дать ответ на эти вопросы, проанализировав имеющийся богатый теоретический материал.

Исследователи единогласно относят анекдот к фольклорным формам, выделяя характерные черты этого жанра, которые «действительно совпадают с присущими фольклору как существовавшей на протяжении веков форме народного, крестьянского творчества» [2: 6]. Прежде всего, это **анонимность** анекдота, т. е. невозможность установить конкретного автора каждого текста. Возникает это свойство, по мнению исследователей, вследствие того, что «анекдот – форма **устного** творчества» [2: 6]. Несмотря на все возрастающую популярность разного рода печатных и электронных сборников анекдотов, большинство авторов считают именно устную форму анекдота «основной и первичной», а его письменную фиксацию – «вторичной и условной» [12: 19]. Неравноценность письменной и устной форм объясняется тем, что

«в анекдоте не меньшее, чем слова, а зачастую даже большее, значение имеют разнообразные выразительные средства – интонация голоса, мимика рассказчика, жесты, ритмика и акценты, «подражательно-имитирующие» модуляции. Дело не ограничивается только поддающейся графической фиксации речью» [11: 123]. В свою очередь, высокая значимость не поддающихся графической фиксации выразительных средств является прямым следствием еще одной общей черты анекдота с фольклорными формами – «он является *плодом творческого синтеза словесного и исполнительского видов искусства*» [2: 7]. Таким образом, важную роль при восприятии анекдота играет актерское мастерство рассказчика, представляющего ситуацию «в лицах».

Как это происходит в любом фольклорном жанре, текст анекдота многократно репродуцируется, «тиражирует сам себя» [1: 7; 12: 30]. Некоторые исследователи называют это свойство анекдота *воспроизводимостью*: «в речевом жанре рассказывания анекдота он [текст] не порождается заново, а воспроизводится» [13: 21]. Но это не значит, что текст анекдота не претерпевает при этом никаких изменений. Одной из вторичных, но не менее существенных особенностей текста анекдота, связанной, как представляется, с его анонимностью, является отсутствие его «аутентичного, авторски закрепленного» варианта. Каждый рассказчик становится как бы соавтором анекдота, «ибо он имеет право рассказывать этот анекдот по-своему, видоизменяя его текст» [2: 6]. Эта особенность порождает еще одно любопытное свойство анекдота – *вариативность* [12: 30]. Самые популярные сюжеты анекдотов репродуцируются в различных вариантах – расширяясь и сокращаясь, меняя состав персонажей и т.п.

Фольклорная специфика распространяется и на персонажей анекдота. Как справедливо замечает Ю.И. Юдин, «в фольклоре преоблада-

ет тип и лишь в зачаточном состоянии дан характер» [14: 77]. В то же время, *стереотипность* – одно из основных свойств, выделяемых исследователями у персонажей анекдотов: «Все события в городских анекдотах происходят только со стереотипными типажамипародиями» [12: 23].

Еще одной характерной чертой анекдота, имеющей непосредственное отношение к составу персонажей, является его «устойчивая тяга к *сериальности*» [4: 56]. Анекдоты существуют не в виде сплошной массы, а «циклами», или «сериями», группирующимися, как правило, вокруг определенного персонажа (реже – на основе фразы). Неслучайно «наивная», народная классификация анекдотов строится из «анекдотов про...».

Не все сущностные черты анекдота определяются его фольклорной природой. Анекдот онтологически связан с категорией комического, что также сообщает ему определенную специфику, отличающую его от других фольклорных жанров.

Одной из таких черт можно назвать *виртуальность* описываемой в анекдоте ситуации, т. е. ее одновременную невероятность и реалистичность. «Анекдот невероятен, но он претендует на статус невероятного и одновременно реального события, реального психологически» [5: 182]. Это роднит его с игрой.

Кроме того, подобно участникам игры, воспринимающий анекдот субъект одновременно реализует два типа поведения – практическое и условное, т. е. одновременно помнит, что перед ним – условная (не подлинная) ситуация и не помнит этого [см. 6: 390].

Кроме того, присущая комическому пародийность («Комедия есть **подражание** (*выделено мной – Н.А.*) действию смешному и неудачному...» [10: 14]) обуславливает такое свойство анекдота, как *контекстуальность* (уместность): «рассказ анекдота порождается определенной

жизненной ситуацией, он должен быть рассказан «к месту», «по аналогии» с обсуждаемой жизненной ситуацией» [2: 6]. Отчасти поэтому у исследователей вызывают скепсис печатные сборники анекдотов, где их тексты представлены сами по себе, в отрыве от конкретной ситуации.

Последней характеристикой анекдота, связанной с его отношением к категории комического, можно назвать его *социальность*. Теоретики комического уже не раз утверждали возможность его существования только в социальной среде, только в связи с человеком [см. 9: 21–24]. Поэтому социальность – неотъемлемое свойство любого комического жанра. В основном, эта особенность влияет на тематическое содержание анекдотических циклов, так или иначе связанное с определенными сторонами жизни общества и человека в нем.

Все вышеперечисленные свойства весьма существенны для феноменологической характеристики анекдота, однако их трудно признать достаточными. Важную роль в выделении анекдота как особого типа текста играют его структурные и композиционные особенности.

Структура текста анекдота также испытывает сильное влияние комического, являясь в буквальном смысле его воплощением: «смешное содержится...в форме текста» [3: 147]. Такая прямая зависимость между структурой и функцией текста определяет первую особенность структуры анекдота – ее *жесткую заданность* [13: 131]. Если рассказчик забывает о чем-то упомянуть или что-то перепутает, возможность исправить свою ошибку так, чтобы это существенно не отразилось на восприятии анекдота слушателями, весьма незначительна.

Однако подобное свойство характерно для любого комического текста, поэтому нам следует обратиться к таким особенностям структуры текста анекдота, которые помогут выделить его среди смежных типов комического текста – шутки, комического определения и т. п.

Предполагается, что объем текста анекдота обязательно *превышает одно высказывание* [12: 198]. Это автоматически исключает из числа анекдотов т. н. *one-liners* – комические тексты, состоящие из одного высказывания, а также их частные разновидности, например, *Your Momma jokes*.

В то же время краткость, *сжатость* были неотъемлемыми чертами анекдота уже на стадии формирования жанра и отличали его от сказки [Соколов Е.Г., *цит. по* 14: 6]. М.С. Петренко называет это явление «принципом редукции», которому подчинена вся структура анекдота. Это значит, что из текста категорически удаляются все нерелевантные детали [8: 15]. Это же свойство отмечает М.А. Кулинич [3: 200].

Собственно в тексте анекдота исследователи выделяют от двух до трех частей.

Описание структуры анекдота как трехчастной переключается с европейской художественной традицией (завязка–кульминация–развязка), присваивающей каждой из частей свои функции. Первая – «начало», или «экспозиция» – «задает локальные и темпоральные координаты представляемой ситуации». Вторая – «середина», или «развертывание действия с неясным его завершением» – «создает некоторые интерпретационные опоры для прогнозирования слушающим возможного варианта развития и исхода сюжета». И, наконец, третья – «концовка», или «неожиданная развязка» – «ориентирована на разрушение прогнозируемых событий и возникновение ситуации когнитивной неоднозначности, которая способствует возникновению смеха» [8: 6; 2: 16]. О.М. Месропова описывает соответствующие «стадии», составляющие «фрейм» структуры анекдота, однако упоминает, что не все они «одинаково ярко выражены» в конкретных текстах [7: 167]. В некоторых случаях первые две стадии бывают трудноотделимы друг от

друга, образуя фактически одну составляющую. Чаще всего это происходит под влиянием тенденции к лаконичности, характерной для текста анекдота.

Сторонники двухчастной структуры анекдота (В.В. Химик, Е.Г. Соколов, Е.Я. и А.Д. Шмелевы) исходят, по-видимому, из комической природы этого жанра. Так как комизм предполагает наличие противопоставленности, контраста, а противопоставленные элементы существуют парами (сравните отношения антонимии между единицами языка), то и в анекдоте выделяют две неравные по объему и резко противопоставленные друг другу части [12: 21; 11: 122; 13: 131].

Учитывая все вышесказанное, уместным представляется выделять в анекдоте все же *две основные части*, т. к. «экспозиция» и «развертывание действия» подчинены одной и той же функции – запустить механизм вероятностного прогнозирования у адресата анекдота в определенном направлении.

Отношение между составными частями анекдота описывается исследователями как «закон пуанты». Его действие заключается в присутствии характерной «нацеленности» на завершающую часть, которая резко противопоставлена всей предшествующей части текста в смысловом отношении и является ключевой для организации и функционирования всего текста анекдота [4: 30–31]. Эта черта также стала проявляться еще в самом начале складывания жанра анекдота: «новая жанровая форма: «фольклорный анекдот» ... весь центр внимания переносит на вершину действия, находящуюся в самом конце рассказа...» [Соколов Е.Г., *цит. по* 4: 6]. При рассказывании анекдота финальной части, как правило, предшествует определенной продолжительности пауза [12: 21].

Существуют еще две пары парных же характеристик, затрагивающих структуру текста анекдота, которые представляют интерес.

Речь идет о *нарративности – драматичности и диалогичности – монологичности* анекдота. Обе пары характеристик связаны внутри себя и между собой, и каждая пара существует в анекдоте в виде тесного единства. Такое положение дел вызывает противоречивую оценку исследователей. Например, по мнению А.Д. и Е.Я. Шмелевых, «...рассказывание анекдота – это не повествование, а своего рода представление, производимое единственным актером» [13: 24]. В свою очередь, Е. Курганов считает неправомерным отрицание повествовательности анекдота [5: 15], а М.А. Кулинич в принципе рассматривает анекдот как «нарративный (сюжетно-повествовательный) текст» [3: 200]. По-видимому, ближе всех к отражению действительной ситуации подошел В.В. Химик, который говорит о «драматической событийности повествования» [12: 22], то есть о диалектическом единстве этих черт в тексте анекдота. То же самое можно сказать и о монологичности, ассоциируемой с нарративностью, и диалогичности, ассоциируемой, соответственно, с драматичностью: «Анекдот находится где-то между монологом и диалогом, полностью не принадлежа ни к первому, ни ко второму» [4: 29].

В то же время, О.М. Месропова называет диалогичность в качестве категориального признака при разграничении терминов «анекдот» и «шутка»: «В настоящей работе понятия «шутка» и «анекдот» разграничиваются: под анекдотом понимается малоформатный комический диалогический текст, а шутка определяется как малоформатный комический монологический текст» [7: 166].

Такое деление представляется весьма уместным. Принимая во внимание пародийность как общее свойство комического, присущее, соответственно, и разнообразным комическим текстам, можно предположить, что каждый тип комического текста пародирует какой-либо действительный речевой жанр или текстотип, перенимая у него

соответствующие структурные и функциональные особенности. Чаще всего номинация таких комических текстов в английском языке осуществляется с включением названия оригинального жанра / типа текста: *funny instructions, funny ads, funny tests*. При этом, слово *funny* («забавный») может отсутствовать. Например, *car acronym* – тип комического текста, пародирующий текстотип «номерной знак», сочетание букв и цифр на котором, обычно не несущее иной коммуникативной нагрузки, кроме идентификации транспортного средства, подбирается таким образом, чтобы при «расшифровке» получался забавный смысл: *IMOKRU* = “*I am OK. Are you?*” Подобным же образом, анекдот как тип комического текста пародирует ситуацию диалога, вербального общения двух и более собеседников, а шутка – монологическое высказывание в общем виде. При этом не следует забывать, что диалогичность анекдота в некотором роде условна – при рассказывании текст анекдота произносится **одним** рассказчиком.

Таким образом, нам удалось выделить ряд существенных характеристик анекдота как особого типа текста. Часть из них (такие как *анонимность, преимущество устной формы, воспроизводимость, вариативность, стереотипность персонажей, сериальность*) обусловлены его отнесенностью к фольклорным жанрам. От прочих фольклорных жанров анекдот отличают характеристики, связанные с его принадлежностью к сфере комического, – это его *уместность, социальность и виртуальность* описываемой в анекдоте ситуации. Характерными структурными особенностями, позволяющими выделить анекдот среди других типов комического текста, являются его *сжатость, жесткая заданность структуры, нарративность* и, одновременно, *драматичность*, обязательное наличие *диалога* и в то же время фактическая *монологичность*. Следовательно, любой англоязычный комический текст, обнаруживающий соответствие перечислен-

ным признакам, независимо от того, каким словом он обозначается в английском языке, может быть назван в русскоязычном исследовании анекдотом и рассматриваться как таковой.

Список литературы

1. Архипова А.С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра: автореф. дис. ... канд. филол. Наук. – М., 2003.

2. Каган М.С. Анекдот как феномен культуры // Анекдот как феномен культуры. Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

3. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка): моногр. – Самара: Изд-во СГПУ, 2004.

4. Курганов Е. Анекдот как жанр. – СПб.: Академический проект, 1997.

5. Курганов Е. Похвальное слово анекдоту. – СПб.: Звезда, 2001.

6. Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998.

7. Месропова О.М. Прагмасемантическая классификация текстов шуток и анекдотов. // Языковая система и социокультурный контекст [сб.ст.] – СПб., Тригон, 1997. – (Studia Linguistica – 4).

8. Петренко М.С. Современный анекдот в текстовом, жанровом, дискурсивном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2004.

9. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) // Собр. тр. В.Я. Проппа / науч. ред. коммент. Ю.С. Рассказова. – М.: Лабиринт, 1999.

10. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: смех как виртуальная реальность. – М.: КомКнига, 2006.

11. Соколов Е.Г. (Русская) культура как феноменально-феноменологический анекдот // Анекдот как феномен культуры. Мате-

риалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

12. Химик В.В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

13. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

14. Юдин Ю.И. Народный анекдот, смежные фольклорные жанры, литература // Жанры словесного текста. Анекдот: сб. ст. – Таллинн: Таллин. пед. ин-т, 1989.

ТИПЫ ДИАЛОГИЗАЦИИ: ИХ ФУНКЦИИ И ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Ключевые слова: диалогизация, текст художественной прозы, языковая репрезентация

Статья посвящена функциям и языковой репрезентации различных типов диалогизации в тексте художественной прозы.

The article is devoted to functions and language representation of different types of dialoguing in the fiction texts/

Предметом исследования данной статьи является понятие диалогизации, которое рассматривается как динамическая, иерархически организованная система языковых средств, репрезентирующих факт наличия диалогичности как категории текста. На основе проведенного анализа текстов художественной прозы были выделены три типа диалогизации: межсубъектный, интертекстуальный, внутритекстовый.

Первый тип диалогизации – межсубъектный – указывает на наличие диалога между автором и читателем – основными антропоцентрами коммуникативного процесса, а также на наличие авторского автодиалога. В первом случае автор выступает в коммуникативной цепи адресантом, читатель – адресатом. Во втором адресантом и адресатом коммуникативного процесса является один и тот же субъект – автор (Я1–Я2). Схематически такой тип диалогизации можно представить как

* **Скорик Ксения Владимировна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

ЧИТАТЕЛЬ – АВТОР Я1 – АВТОР Я2.

Межсубъектная диалогизация может быть выражена в тексте как эксплицитно, так и имплицитно.

К эксплицитным формам выражения межсубъектной диалогизации в тексте относится авторский комментарий, который вводится в структуру повествования как отдельное, законченное предложение–вставка.

Helen Gamber laughed her clear little laugh. «I think, on the contrary,» she said (*Minnie remembered every incident of that first evening*), «I think one ought to rush about and know thousands of people, and eat and drink enormously, and make love incessantly, and shout and laugh and knock people over the head».

Комментарий автора не адресован ни одному из участников данной ситуации. Он лишь уточняет ход повествования и предназначен читателю для привлечения его внимания к событиям, столь важным для персонажа. Автор выступает здесь своего рода «проводником» между читателем и внутренним миром персонажа. Он словно подсказывает читателю заглянуть глубже внутрь повествования, чтобы понять важность события для героини рассказа. Разговор Хелен Глэмбер передается нам в воспоминаниях Мини через прямую речь. Использование прямой речи как композиционного приема подчеркивает детальность этих воспоминаний и значимость их для Мини.

Графическим средством для обозначения в тексте авторского комментария служат скобки. Они выделяют комментарий автора из общего плана повествования, делая его похожим на реплику в сторону, на самом деле обращенную к читателю. Скобки выступают маркерами «зоны диалогического контакта» автора с читателем. В работе Т.Ф. Плехановой «зона диалогического контакта» определяется как по-

ле пересечения различных точек зрения, в результате взаимодействия которых рождаются новые смыслы [2].

Обособленность авторского комментария не нарушает структурно–семантического единства всего повествования, в котором прослеживается тесная связь с контекстом. Этому способствует использование указательного местоимения «that», которое выполняет функцию связности для обозначения «зоны диалогического контакта», то есть оформляет дейктический центр [2]. Местоимение «that» в данном примере указывает на смысловую связь авторского комментария с предыдущим контекстом. Авторский комментарий в форме предложения-вставки реализует основную функцию межсубъектной диалогизации – установление и поддержание контакта с читателем – так как представляет собой обращённую к читателю реплику автора. Авторский комментарий является одним из средств создания в тексте системы отношений «автор – читатель».

Межсубъектная диалогизация может быть выражена и имплицитно за счет определенных языковых маркеров непосредственно в самих диалогах героев художественного произведения.

«All the same,» said Hubert, “one must have a certain amount of actual non-imaginative experience.» He spoke earnestly, abstractedly; but Minnie's letter was in his pocket. «Gnosce teipsum. You can't really know yourself without coming into collision with events, can you?»

Next day, Ted's cousin, Phoebe, arrived.

Голос автора присоединяется к голосу персонажа и преобразуется в реплику диалога, адресатами которой становятся и читатель, и сам автор, то есть происходит автодиалог. Диалог героев рассказа, заканчивается вопросом. Это вопросительное предложение по форме, но звучит скорее как утверждение. Высказанная автором мысль – финаль-

ная часть диалога – носит обобщённый характер. Подтверждение этого является использование в начале предложения фразы *All the same* (подводящей итог вышесказанному), а также безличных местоимений «one», «you», «yourself», которые могут относиться как к самому автору, так и к читателю. Сама фраза – *You can't really know yourself without coming into collision with events, can you?* – справедлива для любого человека. Она подводит итог диалогу героев рассказа и в то же время не имеет определённой связи с контекстом. Таким образом, текст выводится на уровень общего межкультурного общения, реализуется главная функция межкультурной диалогизации – создаётся диалог, основными участниками которого становится автор и любой его читатель.

Использование афоризма “*Gnosce teipsum*”, переводимого как «познай себя», в свою очередь, настраивает читателя на философский лад, углубляет пространственно-временную перспективу повествования, выводит текст на межтекстовый уровень. Так автор вместе читателем поднимаются над конкретикой изображаемых событий. Афоризм в данном случае выступает маркером интертекстуальной диалогизации. Схематически интертекстуальный тип диалогизации можно представить как

АВТОР 1 – АВТОР 2 – ЧИТАТЕЛЬ

Понятие интертекстуальной диалогизации тесным образом связано с интертекстуальным анализом текста. Оно основывается на понимании процесса литературного развития как постоянного взаимодействия текстов и мировоззрений, в результате которого произведение усваивает и приобретает предшествующий культурный материал в тех или иных формах. Любой текст не существует изолированно, а взаимодействует с другими текстами и воспринимается всегда на определённом историко-литературном, культурном фоне.

В результате интертекстуального анализа возможно выявление следов «чужого слова» в произведении. Р. Барт обосновывает такой тип анализа тем, что «текст соткан из цитат», его основу «составляет не его внутренняя закрытая структура, поддающаяся исчерпываемому изучению, а его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки; текст существует лишь в силу межтекстовых отношений» [1: 388, 428]. Общим признаком включений в текст «чужого слова» является смена субъекта речи на данном определенном участке текста.

Наряду с афоризмом к средствам интертекстуальной диалогизации относятся цитаты и аллюзии. Они служат сигналом для декодирующей стороны (читателя), указывающим на существование ассоциативной связи. В том случае, если формальные маркеры отсутствуют, необходимо наличие определённых знаний (тезауруса) читателя, чтобы ассоциативная связь сработала. Перечисленные средства помогают автору (автор 1) вступить в диалог с другим автором (автор 2), в результате чего и рождается интертекстовый диалог.

Цитата, аллюзия, афоризм как средства интертекстуальной диалогизации генерируют текст, создают насыщенность самого повествования и в целом обогащают язык произведения. Они приносят в текст элементы «чужого слова», которые способствуют появлению новых смыслов, образов в сознании воспринимающего текст субъекта – читателя. Таким образом, выполняются главные функции интертекстуальной диалогизации – текстогенерирующая, смыслообразующая.

Рассмотрим одно из наиболее частых средств интертекстуальной диалогизации – цитацию. В рассказе «Hubert and Minnie» цитаты произведения Дж. Донна и других авторов закреплены за героем по имени Хьюберт. Они представлены в его дневниковых записях и в письмах к Мини.

In his diary he recorded aptly those two quatrains of John Donne:

*«So must pure lovers' souls descend
To affections and to faculties,
Which sense may reach and apprehend,
Else a great prince in prison lies.
To our bodies turn we therein, that so
Weak men on love revealed may look;
Love's mysterious in souls do grow,
But yet the body is his book.»*

At their next meeting he recited them to Minnie. The conversation which followed, compounded as it was of philosophy and personal confidences, was exquisite. It really, Hubert felt, came up to literary standards.

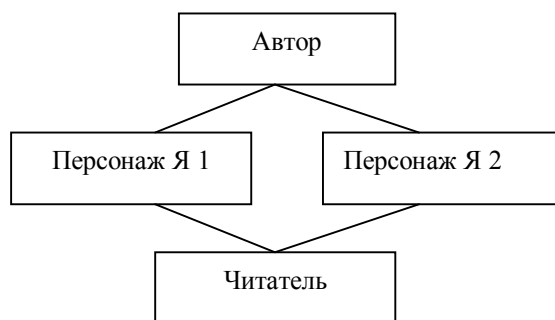
Наряду с основными функциями (тектогенерирующей, смыслообразующей), цитаты и другие средства интертекстуальной диалогизации выполняют в тексте функцию характеристики персонажа. Автор не стремится показать высокий духовный уровень Хьюберта, наоборот, Хьюберт характеризуется как человек, не ищущий настоящей глубокой любви, а лишь желающий вогнать действительность в рамки литературных произведений. В своём стремлении найти красивый, высокий идеал он не может распознать и оценить любовь простой, возможно, кажущейся ему приземлённой, женщины. Хьюберт меряет жизнь по литературным стандартам. В данном аспекте очень важны слова автора в повествовании, сопровождающие включения в текст цитат (It really, Hubert felt, came up to literary standards). Маркеры интертекстуальной диалогизации представлены эксплицитно с помощью таких графических стилистических средств как курсив и кавычки.

Примером внелитературной аллюзии служит упоминание в тексте автором имени знаменитого художника-пейзажиста XVII века Сальватора Розы.

No, it certainly wasn't quite that, in his diary, in his letters to Minnie, he painted, it is true, a series of brilliant and romantic landscapes of the new world. But they were composite imaginary landscapes in the manner of Salvator Rosa – richer, wilder, more picturesquely clear-obscure than the real thing. Hubert would seize with avidity on the least velleity of an unhappiness, a physical desire, a spiritual yearning, to work it up in his letters and journals into something substantially romantic.

С помощью аллюзии автор характеризует Хьюберта через призму видения героя самого себя. Читателю предлагается увидеть внутренний мир героя не через словесное описание автором его характера, а через картины упоминаемого в тексте художника. За счет «самоустранения» автора происходит сближение читателя с персонажем. Этот контакт, диалог становится возможным посредством образов, которые возникают у читателя при прочтении имени художника. Безусловно, это происходит только в случае успешного декодирования интертекстуального приема аллюзии. Читатель при этом получает возможность вести не прямой диалог и с самим художником – за счёт тех образов, которые возникают в его сознании. Рождается связь не только ограниченная контекстом произведения (автор – персонаж – читатель), но и выходящая в сферу мировой культуры (автор 1 – автор 2 – читатель). Она свидетельствует о диалогической открытости текста, выполняя, таким образом, ещё одну функцию интертекстуальной диалогизации – доказывает диалогичность текста в аспекте мировой культуры.

Диалогизация внутритекстового типа находит своё отражение во внутренней речи персонажа художественного произведения. Схематически она может быть представлена следующим образом:

Внутритекстовая диалогизация, как и другие типы этого явления, выполняет в тексте основную его функцию – участвует в создании генеральной системы отношений автор – читатель. Однако позиция автора в данном типе – внутритекстовом – выражается не напрямую, а через персонажа.

Создается впечатление того, что диалог разворачивается между читателем и персонажем, и это в свою очередь увеличивает возможность субъективной интерпретации текста. Сокращение дистанции между читателем и персонажем определяется разной степенью интимизации и, следовательно, большей или меньшей степенью вовлеченности читателя в самостоятельный процесс декодирования изображенного внутреннего мира. Сам текст, отражая структуры сознания, воспроизводя чувства и мысли, воспринимается после преломления через призму субъективного авторского «я» [3: 210].

Одним из ярких маркеров внутритекстовой диалогизации является конструкция с цитируемой речью. Она представляет собой речь одного из персонажей произведения, воспроизведенную во внутренней речи другого. Таким образом, высказывания первого персонажа становятся репликой диалога, побуждающей второго к размышлению, домысливанию. Во внутреннем диалоге Мини такой побуждающей репликой ста-

новится фраза, сказанная её подругой. Конструкция с цитируемой речью маркирована в тексте графически – кавычками – для выделения ее во внутренней речи персонажа Мини. Кавычки служат читателю сигналом для узнавания «чужого слова», которым в данном случае – для внутренней речи Мини – является фраза, принадлежащая другому персонажу – Хелен.

At the heart of this fruit-ripe world Minnie waited. The water flowed towards the wheel; smoothly, smoothly — then it fell, it broke itself to pieces on the turning wheel. And time was sliding onwards, quietly towards an event that would shatter all the smoothness of her life.

«If you really want to go to bed with the young man, go to bed with him.» She could hear Helen's clear, shrill voice saying impossible, brutal things. If any one else had said them, she would have run out of the room. But in Helen's mouth they seemed, somehow, so simple, so innocuous, and so true. And yet all that other people had said or implied — at home, at school, among the people she was used to meeting — seemed equally true.

Конструкция с цитируемой речью как средство внутритекстовой диалогизации служит в данном случае для выполнения функции характеристики персонажа, раскрытия его душевного состояния, передачи его чувств и эмоций. Нравственное воспитание Мини, привитое ей дома и в школе, не позволяют ей переспать с мужчиной, намного младше ее. Однако ее душевное состояние, а именно чувство любви к Хьюберту, заставляют её по-другому взглянуть на свои принципы, и в дальнейшем пересмотреть их. Терзаясь в поисках правильной линии поведения, Мини возвращается мыслями к разговору с Хелен и ее совету. Слова подруги, сказанные при встрече, воспроизводятся в сознании Мини, и в конечном итоге становятся импульсом к переосмыслению своих морально-нравственных принципов.

С помощью конструкции с цитируемой речью создается иллюзия независимости голоса персонажа от авторского сознания, что позволяет автору полнее отразить душевные переживания героя – Мини, а также способствует более глубокому осмыслению переживаний героя читателем. Такая позиция автора – иллюзорное невмешательство в постижение смысла персонажем и истолкование текста читателем – становится текстообразующим свойством.

Спектр языковых средств репрезентации диалогизации в художественной прозе достаточно широк. Рассмотренные в данной работе средства – языковые – авторский комментарий (пример 1), обобщение, безличные местоимения, афоризм (пример 2), цитация (пример 3), аллюзия (пример 4), конструкция с цитируемой речью (пример 5); графические – скобки (пример 1), курсив (примеры 2, 3), кавычки (пример 3, 5) являются маркерами различных типов диалогизации, присущих художественному тексту. Они выполняют ряд функций, характерных для того или иного типа диалогизации.

Рассмотренные нами типы диалогизации (межсубъектная, внутри-текстовая, интертекстуальная) в равной степени присутствуют в художественной прозе XX века. Они отражают общую направленность диалогизации текста – доказывают его диалогическую природу.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика: пер. с фр./ сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издат. группа «Прогресс», 1994.
2. Плеханова Т.И. Текст как диалог: Монография / Т.Ф. Плеханова. Мн.: МГЛУ. 2002. – <http://newsletter.iatp.by/mn1/mn1-2.htm>
3. Щирова И.А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной прозе XX века. – СПб., 2000.

**АБСУРД КАК ДОМИНАНТА
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА
В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СТРАХ» / «ANGST»
(на материале романов Ф.Кафки)**

Ключевые слова: абсурд, концепт, эмоциональное пространство текста, Ф. Кафка; Angst.

В данной статье рассматривается связь концепта «страх» / «Angst» и концепта «абсурд» / «Unsinn / Absurditaet», анализируются философские, логические, психологические и лингвистические подходы к изучению этих двух взаимосвязанных сущностей и природы этой взаимосвязи. В работе рассматривается роль абсурда в концептуализации страха в произведениях Ф. Кафки на уровне структуры и семантики текста.

In this article the connection between the concepts of «Angst» (fear) and «Unsinn / Absurditaet» (absurdity) is regarded. Some philosophical, logical and linguistic approaches to the two interrelated entities and the nature of their interrelation are also analysed. The article considers the role of absurdity in conceptualizing fear in Franz Kafka's works at the semantic and structural levels of the text.

В предшествующих работах, посвященных исследованию концепта «Angst» на материале произведений Ф. Кафки, нами были выделены несколько типов контекстов, имплицитно включающих в себя концепт «Angst».

При их выделении за основу были взяты: этимология номинанта эмоции (контексты с признаком «узость, духота»), словарные дефиниции понятия Angst (контексты с признаками «неясность, туманность»; «потеря контроля над мыслями и действиями»), основные

* Шаюк Антонина Юрьевна, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

признаки понятия, выделенные в философии (контексты с признаками «незащищенность», «внезапность»).

В настоящей работе поставлена задача определить репрезентацию эмоционального концепта «Angst» на уровне структуры текстов романов Ф.Кафки, так как «**текст** как продукт речемыслительной деятельности зависим от эмоционального состояния говорящего. Непосредственное эмоциональное переживание человека <...> выступает в качестве управляющего параметра структурно-семантического пространства текста» [2: 23].

Исследователи текстов предполагают наличие некоего «эмоционального остатка» [2: 23], который вызывает в воспринимающем его человеке определенным образом направленные эмоции. Эмоциональное пространство текста – это структурированная сторона его организации, которая обусловлена структурно-функциональным качеством, способным вызывать в процессе восприятия содержания динамический континуум эмоций в психике человека. Отсюда возникают важные для лингвистики текста вопросы: какие стороны эмоциональной плоскости текста вызывают в нас реакцию, адекватную намерению автора, что в структурно-семантической организации текста вызывает непосредственное переживание и сопереживание, а что только позволяет распределить себя (например, мы понимаем, что здесь – эмоция грусти, хотя сами эту грусть не переживаем) [2: 23].

При рассмотрении различных сторон эмоциональной плоскости текстов романов Ф. Кафки можно выделить категорию абсурда, как одну из основных структурно-семантических особенностей данных текстов. Хотя большинство исследователей не причисляют работы Ф. Кафки к литературе абсурда, некоторые кафкаеды и философы отмечают абсурдность его произведений. М. Мамардашвили, описывая антропологическую катастрофу с помощью принципа «трех К», отмечает,

что первые два К (Картезий и Кант) «задают онтологическую основу рациональности, а третье «К» (Кафка) – неопишемую ситуацию абсурда, когда при всех тех же знаках и предметных номинациях и наблюдаемости их натуральных референтов не выполняется все то, что задается первыми двумя принципами. Третье «К» порождает «зомби-ситуации», вполне человекоподобные, но, в действительности, для человека попусторонние, лишь имитирующие то, что на деле мертво. Продуктом их, в отличие от Homo sapiens, т. е. от знающего добро и зло, является «человек странный», «человек неопишемый» [1].

Для рассмотрения связи концептов «страх» / «Angst» и «абсурд» / «Unsinn / Absurditaet», обратимся к существующим в лингвистической и философской литературе положениям. В.И. Карасик причисляет концепт «абсурд» к регулятивным концептам (главное место в содержании концепта занимает ценностный компонент) и отмечает: «Абсурд – это нечто, противоречащее здравому смыслу, логике, не соответствующее нашим знаниям о мире и поэтому не поддающееся пониманию и объяснению. Суть этого оценочного термина – в противопоставлении положения дел в мире нормальном и мире перевернутом. Отсюда вытекает принципиальное признание того, что существует перевернутый мир, законы которого для нас непостижимы и существование в котором лишено цели. Абсурд в его крайней степени ассоциируется с безумием» [4: 79].

В латыни термин *absurdus* развивается от глухоты (*surdus* – глухой) – неблагозвучный – неприятный – несообразный, неуместный, нескладный, глупый, бездарный, неспособный [4: 79]. Следует отметить, что первоначальный смысл слова *absurdus*, таким образом, согласуется со смыслом лексем *dunkel* (темный), *dunstig* (туманный, пасмурный), *dumpf* (глухой (о звуке), душный, тупой, неопределенный, смутный), *Dampf* (дым, пар), *verdutzt* (запутанный, сбитый с толку), *taub* (глухой),

dumm (глупый), doesen (дремать), Dusel (головокружение, дремота), Tod (смерть) [9: 115, 141, 143]. Как было отмечено нами ранее, недосвещения, темнота, дым, туман, духота являются в произведениях автора сквозными символами концепта «Angst», и связаны не только этимологически, но и семантически, а именно признаком «скрытость, неясность, невидимость, непонятность, затуманенность рассудка → потенциальная опасность».

Из сказанного можно сделать вывод, что центральный концептуальный признак «неясность, непонятность» является общим для описываемых концептов. «Абсурд соотносим с непониманием, но это особое непонимание, это осознание отсутствия смысла там, где смысл должен быть ... Когда я читаю текст, в котором понятны значения, но невозможно установить их взаимосвязь и поэтому рациональная интерпретация такого текста для меня закрыта, т. е. я не могу вывести смысл сообщаемого, я испытываю сильный интеллектуальный дискомфорт и считаю текст (или – шире – ситуацию общения) абсурдной» [4: 80]. Центральный признак 'отсутствие смысла' выделяется в многочисленных синонимах слова Absurditaet, таких как: Irrwitz, Unsinn, Unsinnigkeit, Dummheit, Widersinnigkeit, Sinnlosigkeit, Zusammenhanglosigkeit [10: 24]. Согласно словарю Ф. Дорнзайфа «Deutsche Lexik nach Sachgruppen» к лексико-семантическому полю слова absurd относятся grotesk, seltsam, falsch, fehlerhaft, grundlos, nebelhaft, unlogisch, unbegreiflich, undenkbar, unglaublich, unmoeglich, wunderbar, nutzlos, oede, leichtsinnig, sorglos, unbedacht, uebereilt [8]. В текстах романов Ф. Кафки «Der Prozess», «Der Verschollene / Amerika» и «Das Schloss» концепт «абсурд» / «Unsinn / Absurditaet» выражается как эксплицитно (номинантами и синонимами), так и имплицитно (признаки концепта передаются в контекстах описательным путем). Насыщенность текста лексемами лексико-семантического поля absurd подтверждается ре-

зультатами количественного анализа примеров: sinnlos (24)¹, unsinnig (12), Unsinn (8), nicht/ kein + Sinn (16), Irrsinn (3), Irre (3), Irrtum (8), sich ver/irren (23), verwirren (27), Fehler (33), falsch (23), unverstaendlich (28), nutzlos (27), zwecklos (4), grundlos (2), haltlos (2), laecherlich (26).

В.И. Карасик выделяет три функции абсурда в общении: деструктивную, игровую и парольную. «Если для постороннего наблюдателя абсурдное поведение кого-либо может выглядеть смешным, то для человека, участвующего в абсурдном действии и не принимающего ценностей этого действия, находиться в таком двойственном состоянии психологически очень трудно» [4: 87]. И. Смирнов высказывает тезис о том, что гротеск «входит в сеть близкородственных феноменов, к которым, в первую очередь, относятся такие, как страшное и das Unheimliche». «Страх овладевает психикой, исходя от тела, так или иначе предназначенного к исчезновению. Не по себе же нам становится при том условии, что психика ввергается во внутреннее противоречие» [5: 205–207]. Подобное психологически дискомфортное состояние вызывается наличием в произведениях Ф. Кафки абсурдных элементов.

Многие структурно-семантические элементы текстов Ф. Кафки, такие как построение романов (распределение глав, начало и конец), имена и личности героев, напоминают квазироманы. Его герои (К.) путешествуют из романа в роман: Josef K. (Der Prozess), Karl Rossmann (Amerika), и просто К. (Das Schloss); главы произведений не связаны между собой (автор отсылал их по отдельности М. Броду, многое не дописано). По словам О. Бурениной, «анатомию абсурда» в квазиромане раскрывает фрагментарность и нагнетание бессобытийности (сюжет строится на ожидании того, что должно вывести из состояния ожидания) [3: 239]. Бессобытийность и бесполезное ожидание является цен-

¹ Цифрами в круглых скобках далее указывается количество употреблений лексемы в текстах трех рассматриваемых романов Ф. Кафки.

тральной темой романов Ф. Кафки: в романе «Der Prozess» герой ждет конца своего судебного процесса или каких-нибудь новостей о ходе процесса, в романе «Das Schloss» – допуска в замок. Следует отметить, что «ожидание (нехороших вещей)» является одним из основных признаков концепта страх / «Angst».

О. Буренина называет абсурдный жанр, к которому принадлежат квазироманы, жанром «головокружения» – кружения на месте. Как при головокружении, в них отсутствует изменение местоположения, что подчеркивается циклично замкнутым построением текста. Его финал почти повторяет начало. В квазироманах вместо романного синтетизма возникает ситуация квазисинтетического циклизма. Биографию в квази-романе творят страшные события, а завязка начинается с середины [З: 234–236]. Все три романа Ф. Кафки начинаются внезапно: Йозефа К. арестовывают («Der Prozess»), Карла высылают в Америку («Amerika»), К. прибывает в деревню («Das Schloss»). В романе «Der Prozess» арест героя происходит в его день рождения, а казнь ровно год спустя, замыкая, таким образом, круг. 'Кружение' можно встретить в текстах романов на лексическом уровне и на семантическом уровне, исходя из смысла целых абзацев и глав. Так, характерной чертой процесса Йозефа К. является то, что «Der Prozess muss eben immerfort in dem kleinen **Kreis** auf den er kuenstlich eingeschraenkt worden ist **gedreht** werden» [11]; «er wird, wie es der ununterbrochene Verkehr der Gerichtskanzleien erfordert, zu den hoeheren Gerichten weitergeleitet, kommt zu niedrigen zurueck und **pendelt** so mit groesseren und kleineren **Schwingungen**, mit groesseren und kleineren Stockungen auf und ab» [11]. В данном примере семантика 'кружения' выражается лексемами Kreis (круг), drehen (вращаться), pendeln (качаться, колебаться), Schwingung (качание), а также повтором «mit groesseren und kleineren». Характерными лексемами для выражения состояния «головокружения» в романах являются Schwindel (3),

Schwebe (3), schweben (4), Kreis (12), Runde (5), sich um/drehen (66), Drehung/ Drehen (3), schwirren (2), wirbeln (3), waelzen (7), flattern (5), baumeln (2), schwanken (6), schwenken (11), schwingen (7), schaukeln (7), taumeln (4), а также сочетания с предлогами hin und her (27) и auf und ab (27). Следует отметить, что с головокружением С. Кьеркегор сравнивал страх / Angst: «Кто принужден заглянуть в разверзшуюся пред ним бездну, у того кружится голова... И страх есть головокружение свободы» [6]. 'Кружение' обнаруживается также на сверхфразовом уровне: например, в романе «Der Prozess» – повторение на следующий день уже самой по себе абсурдной картины избиения плеткой в камере канторы Йозефа К.; возвращение героя в один и тот же квартал, где находятся судебные канцелярии, дом адвоката, ателье художника Титорелли, из которого вторая дверь ведет опять же в судебные канцелярии.

Абсурд приближен к пародии и карикатуре, в нем «доводятся до нелепости характерные черты канонического образа» [3: 243]. Такое низведение мы встречаем у Ф. Кафки при описании судебных канцелярий и адвокатов, художника и богини правосудия, а также человеческих отношений в целом. Судебные канцелярии находятся на чердаках многоэтажных домов, где работники сидят, отгороженные деревянной решеткой «manche Abteilungen hatten gegen den Gang zu statt einheitlicher Bretterwaende blosse, allerdings bis zur Decke reichende Holzgitter»; допросы проходят в квартире многоэтажного дома на окраине, где женщина стирает детское белье, а присутствующие упираются головами в потолок «Manche hatten Polster mitgebracht, die sie zwischen den Kopf und die Zimmerdecke gelegt hatten, um sich nicht wundzudruecken»; адвокаты расположены над судебными канцеляриями, в полу их конторы уже год дырка, которую не разрешают ремонтировать «Im Fussboden dieser Kammer – um nur noch ein Beispiel fuer diese Zustaende anzufueren

– ist nun schon seit mehr als einem Jahr ein Loch, nicht so gross, dass ein Mensch durchfallen koennte, aber gross genug, dass man mit einem Bein ganz einsinkt», а у богини правосудия на картине художника на ногах появляются крылышки, как у богини победы, и сама она превращается в богиню охоты «in dieser Helligkeit schien die Figur besonders vorzudringen, sie erinnerte kaum mehr an die Goettin der Gerechtigkeit, aber auch nicht an die des Sieges, sie sah jetzt vielmehr vollkommen wie die Goettin der Jagd aus» [11].

Изучая феномен страшного у Ф. Кафки, А. Шмидт предлагает рассматривать творчество автора через призму работы «Das Andere der Vernunft» братьев Бёме, посвященную исследованию логических идей Канта. «Das Andere der Vernunft: von der Vernunft her gesehen ist es das Irrationale, ontologisch das Irreale, moralisch das Unschickliche, logisch das Alogische. Das Andere der Vernunft das ist inhaltlich die Natur, der menschliche Leib, die Phantasie, das Begehren, die Gefuehle –oder besser all dies, insoweit es sich die Vernunft nicht hat aneignen koennen. Kafkas Figuren – so meine ich – bevoelkern dieses innere Ausland, diese weiten Raeume des Unbewussten, in denen der sichere Boden der Vernunft verlassen ist» [13: 320]. Тексты Кафки автор рассматривает как попытку открыть темные стороны, другое сознание «das dunkle, jenseitige Reich des Anderen der Vernunft», без цензуры и контроля со стороны сознания «ohne Zensur und Kontrolle der Vernunft zu Wort kommen zu lassen». Поэтому, как отмечает автор, они тесно связаны со сном. «Kafka laesst in seine Texten den Einbruch jenes ‚Anderen der Vernunft‘ ganz bewusst zu, ja er provoziert ihn geradezu, denn hier sieht er die Quellen seiner literarischen Inspiration». А. Шмидт выдвигает тезис о том, что страх в произведениях Кафки можно понимать как внезапное, неожиданное вторжение этого ‘другого сознания’ (als der ploetzliche, unvermutete Einbruch des ‚Anderen der Vernunft‘) в нашу защищенную, разумно упорядоченную жизнь (in

unsere heile, vernünftig geordnete und abgesicherte Alltagswelt). Такое нарушение границ, характерное для Ф.Кафки, вызывает беспокойство. Как отметил критик газеты «Die Zeit» Петер Кюммель: «Die Wirklichkeit hat sich seiner Fantasie gebeugt und ist „kafkaesk“ geworden» [12]. «Mit einem Schlage kann sie uns der Festigkeit, unsere Existenz berauben. Sie wirkt unheimlich, weil sie eine Wirklichkeit beschreibt, die nicht mehr den Gesetzen der Kontrolle der Vernunft unterliegt, nicht mehr den Gesetzen des Wahrscheinlichen und Vertrauten folgt. Die Erschütterung und Bedrohung der vertrauten, vernünftig geordneten Welt durchzieht Kafkas Werk wie ein roter Faden» [13: 322].

Нарушение логических законов вызывает тревогу также, как динамика «головокружения» – трансформационная динамика абсурда, реализующего переход одной формы в другую и одного смысла в другой [4: 229]. Страх сопровождается головокружением, негативной противоположностью которому является равновесие. Как отметил великий швейцарский психиатр и философ Людвиг Бинсвангер, анализируя случай своей пациентки, мир и существование в нем для человека даются как **непрерывность**. «Все, что делает мир значимым, подчиняется правилу этой единственной категории, на которой держится «мир» и бытие. Именно поэтому всякое нарушение непрерывности, всякое зияние, разрыв или разлука, отделение или отрыв вызывают большой страх» [7: 348–349]. С вышеуказанными характеристиками абсурда согласуется понимание страха К. Гольдштайном, как реакции на «неадекватность» стимула, приводящего к катастрофе в организме. Организм не знает, как реагировать на стимул, к которому он по своей природе не приспособлен, вместо реакции возникает чувство панического страха [17: 346].

Говоря о феномене страха, М. Ямпольский приводит пример монтажной структуры, формы, состоящей из скачков и внезапных переходов

дов, которая «воспроизводит на своем, совершенно абстрактном уровне систему шоков, внезапных ударов. Таким образом, страх может вызываться «самой монтажной структурой, иначе говоря, формой удивления, потрясения, внезапности, которую анализировал Кьеркегор... Эта форма возникает из мейерхольдовского прыжка, перенесенного с тела актера на структуру текста» [7: 345–348]. Прыжок, падения оказываются такими матрицами смысла, в которые страх вписан как в некую форму, независимую от эмоционального состояния человека. Пугающее действие абсурда в романах Ф. Кафки достигается благодаря тому, что абсурд **неожиданно** вторгается в детальное описание реальной действительности, а повествование ведется от одного лица, выражающего ощущения и восприятие окружающего мира героем, и у читателя нет третьего лица, которое бы могло объяснить противоречащие факты. Таким образом, границы между внутренним миром героя и внешней действительностью исчезают, и читатель остается один на один с запутанным миром протагониста. Внезапность происходящего подчеркивается в текстах лексемами и устойчивыми сочетаниями: ploetzlich (107), ueberraschen/d/t (53), Ueberraschung (13), unerwartet (10), unversehens (5), auf einmal (5), mit einem Schlag (3).

Абсурд и нелогичность в произведениях Ф. Кафки, часто сравниваемых с сюжетами снов, имеет бессознательную природу также как форма мгновенного монтажного прыжка, находящаяся вне времени, которое, как показал еще И. Кант, дается нам как форма сознания. Именно потому, что она «вне времени», она столь радикально разрывает непрерывность [17: 351]. Абсурд и 'головокружение' в структуре и лексико-семантическом наполнении текста являются своего рода абстрактной матрицей, системой шоков, нагнетающей общее состояние непонимания и страха.

Список литературы

1. Бабайцев А.Ю. История философии: энциклопедия // http://slovari.yandex.ru/dict/hystory_of_philosophy/article/if/if-0321.htm
2. Белоусов К.И. Эмоциональное пространство текста // Вестник высшей школы. 2005, № 7.
3. Буренина О. «И опять я вижу свой страх...»: О порождении *genus absurdum* в русской литературе // Семиотика страха. Сборник статей – Москва, 2005.
4. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007.
5. Смирнов И. О гротеске и родственных ему категориях// Семиотика страха: сб. ст. – М., 2005.
6. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне) // www.orel.rsl.ru.
7. Ямпольский М. Форма страха // Семиотика страха: сб. ст. – М., 2005.
8. Dornseiff F. Deutsche Lexik nach Sachgruppen http://dict.uni-leipzig.de/cgi-bin/wort_www?site=1&Wort=absurd&cs=1
9. Duden «Etymologie»: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. – Mannheim, Wien, Zuerich: Dudenverlag, 1989.
10. Duden «Sinn- und sachverwandte Wörter». Mannheim, Wien, Zürich: Bibliographisches Institut, 1986.
11. Kafka F. Romane und Erzählungen – Berlin, 2003.
12. Kuemmel P. Kafkas Tiere, unsere weisen Vorfahren // DIE ZEIT. 2003, №19.
13. Schmidt A. Das Andere der Vernunft. Bemerkungen zur Faszination des Schrecklichen bei Kafka // *Mirabilia artium librorum recreant te tuosque ebriant*. 2001.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РАСКРЫТИЯ ХАРАКТРОВ В РОМАНЕ ДЖЕЙН ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»

Ключевые слова: авторская стратегия, английский роман, «Гордость и предубеждение», Джейн Остин, жанр, жанровое своеобразие, классицизм, литературоведение несобственно-прямая речь, образ персонажа, реализм, стилистические приемы, стиль, художественный метод, этико-эстетический идеал.

В статье выделяются три сюжетные линии романа: лирико-драматическая, комедийно-сатирическая, авантюрно-плутовская. Подробно анализируется механизм функционирования стилистических приемов, благодаря которым создаются живые полнокровные характеры героев Джейн Остин. Делаются выводы о системе этических ценностей, которые они воплощают и о роли писательницы в становлении реалистического романа.

In this article 3 main lines of the plot (lyrical-dramatic, comic and satirical, adventuresome-picaresque) are singled out. The mechanism of different stylistic devices functioning is analyzed at great length. Owing to these stylistic expressive means the images of Jane Austen's lively, full-blooded characters are created. In conclusion the article contains the inferences about the system of the ethic values which Jane Austen's characters embody and about the role of Jane Austen in the formation of the realistic novel.

«Гордость и предубеждение» – самый популярный роман Джейн Остин, известный миллионам читателей во всем мире. Огромна и критическая литература, посвященная его анализу. Среди авторов книг и статей такие известные литературоведы как Д. Сесил, М. Батлер, А. Браун, М. Мэйсфилд, М. Кеннеди, Дж. Кестнер, Н.М. Демурова, Т.А. Амелина и многие другие.

* Палий Анна Абрамовна, кандидат филологических наук, Омский государственный педагогический университет

Д. Сесил считает, что Джейн Остин соотносит своих героев с тремя основными стандартами поведения: добродетелью, здравым смыслом и вкусом [4]. Добродетель воспринимается в ее христианском толковании. Под здравым смыслом понимается стремление достичь чего-то наилучшего в этом неизбежно несовершенном мире. Джейн Остин считала, что, то, для чего живет человек, важнее того, как он живет. Культура и внешние признаки ее проявления могут сделать существование человека гораздо более счастливым. Д. Сесил, таким образом, считает, что идеал Джейн Остин – человек не только добродетельный и благоразумный, но и хорошо воспитанный.

М. Мейсфилд среди важнейших проблем романа выделяет стремление Д. Остин осмеять и осудить снобизм, в особенности его крайности, воплощенные в образе леди Кэтрин де Бур [6]. М. Мейсфилд полагает, что жанровую специфику этого романа определяет сочетание комедии с жанром *romance*, где над всеми персонажами возвышается необычайно привлекательная героиня. Дж. Кестнер полагает большой удачей, признаком возросшего мастерства писательницы то, что второстепенные персонажи становятся у нее более определенными, четкими, более точно выписанными [5].

Н.М. Демурова отметила, что Джейн Остин значительно расширила и обогатила характерный для классицизма метод «гуморов», отказавшись от деления героев на злодеев, жертв и резонеров [2: 5–17]. Отметив, таким образом, свойственное Остин реалистическое видение характеров, Н.М. Демурова показала, как оно воплощено в романе на стилистическом уровне. Она, например, считает, что одним из новаторских приемов Дж. Остин было употребление несобственно-прямой речи. Очень существенную черту поэтики Джейн Остин подметила Т.А. Амелина. Она пишет: «Человеческую сущность художница раскры-

вает главным образом с помощью изображения речевого общения людей, т. е. прямой и диалогической речи» [1: 8].

Таким образом, критики, давая характеристики героев романа, обращают внимание на социальную мотивировку поведения и взаимоотношений героев и уделяют значительное внимание стилистическим приемам, которые применяла Джейн Остин, но механизм функционирования этих приемов нуждается в более конкретном и детальном рассмотрении.

Анализ средств, используемых писательницей для создания образов своих персонажей, составляет главную задачу этой статьи. Ее решение позволит определить характер этико-эстетического идеала Джейн Остин.

Все сюжетные линии романа сходятся вокруг двух главных героев – Элизабет Беннет и Дарси. Первоначальное мнение о них может во многом сложиться под влиянием заглавия романа «Гордость и предубеждение». То есть, может возникнуть впечатление, что каждый из них воплощает одну из этих черт: Дарси – гордость, Элизабет – предубеждение против него – богатого, надменного человека, привыкшего к раболепию окружающих. В действительности же каждому из них в равной степени присущи и гордость, и длительное предубеждение друг против друга.

Характер Элизабет Беннет раскрывается постепенно через сложную систему отношений героини с ее родителями, сестрами, друзьями, с теми, кто желает ей счастья и ее недоброжелателями, наконец, с теми мужчинами, которые были соискателями ее руки. При всей безличности повествования авторское отношение к ней выражает себя уже в том, какие черты ее характера выделяются прежде всего: чувство юмора, живой, веселый нрав. Услышав первое, нелестное о ней мнение Дарси, Элизабет «told the story, however, with great spirit among her

friends; for she had a lively, playful disposition which delighted in anything ridiculous» [3: 31] Здесь эпитеты *lively (full of life and spirit)*, *playful (full of fun, fond of play)* к существительному *disposition (one's nature or temper)* выполняют характерологическую функцию. Их положительные коннотации являются косвенным подтверждением авторского одобрительного отношения к героине. В речевой партии Элизабет слова «смех, смеяться» действительно встречаются многократно: «I dearly love a laugh... Follies and nonsense, whims and inconsistencies, do divert me, I own, and I laugh at them whenever I can» [3: 74], – рассказывает она о себе.

Но в характере Элизабет не было легкомыслия, бездумной погони за развлечениями, свойственной ее младшей сестре Лидии. Склад ее ума можно назвать аналитическим. Она много и серьезно размышляет, наблюдая нравы окружающих ее людей. Однообразие, монотонность повседневной жизни семьи делали всякое путешествие, сулившее смену впечатлений, возможность встречи с новыми людьми, таким желанным. Так, предложение ее тетушки, миссис Гардинер, съездить с ними в большое путешествие, возможно в романтический Озерный край, вызывает откровенный восторг («What delight! What felicity!») [3: 165].

В композиции «Гордости и предубеждения» хронотоп дороги не только способствует развитию сюжета, оживляя его новыми событиями и персонажами. Главная его функция здесь – показать эволюцию характеров главных героев, постепенное развитие взаимоотношений между ними. Так, во время поездки Элизабет к Коллинзам происходит первое объяснение Дарси с нею. Во время поездки с тетушкой – решается ее судьба: побывав в доме Дарси, она начинает менять свое мнение о нем, избавляется от предубеждения против него, начинает понимать, что могла бы полюбить его.

Но как ни много узнает читатель о героине через авторские комментарии и характеристики, главное говорит о себе сама Элизабет. Это

главное ни разу не называется, но оно присутствует в каждом ее поступке и каждой реплике. Это главное – гордость, вернее чувство собственного достоинства и самое настоящее бесстрашие. Сама Элизабет небогата, после смерти отца их могут лишиться дома, хозяином которого станет преподобный Коллинз. При таких обстоятельствах не выйти замуж – значит обречь себя на жалкое существование. Казалось бы, нужно радоваться предложению Коллинза, но Элизабет с негодованием его отвергает. Еще более невероятной может показаться ее реакция на предложение Дарси. Богатый, влиятельный человек, брак с которым – несбыточная мечта многих невест, делает предложение ей, Элизабет Беннет. Вместо принятия столь лестного предложения Элизабет в самой резкой форме предъявляет Дарси обвинения в унижении ее достоинства, в оскорблении ее сестры, в обидах, нанесенных Уикхему. Для того чтобы стать ее избранником, мало занимать высокое положение в обществе, гораздо важнее всегда вести себя как подобает благородному человеку. Должно пройти время, чтобы Элизабет могла лучше понять характер Дарси, оценить его достоинства.

Своя гордость и у Дарси. Едва он появляется на страницах романа, как всем действующим лицам и читателям становится известна сумма его доходов – 10000 фунтов в год, сумма для того времени колоссальная. Сразу же производит он и определенное впечатление на окружающих: гордый, надменный человек. И хотя он сам, пытаясь объяснить свое поведение, говорит о своей замкнутости, о неумении легко сходить с людьми, Элизабет это не убеждает. Дело в том, что почти одновременно с Дарси в число действующих лиц вводится Уикхем, выступающий как антипод Дарси. Если от Дарси никто почти слова не слышит, то Уикхем легко вступает в разговор. У него приятная, располагающая к себе внешность, он умеет быть очень занимательным собеседником. Едва познакомившись с Элизабет, он рассказывает ей

историю своей жизни, в которой Дарси сыграл самую неблагоприятную, по его словам, роль. Таким образом, все обстоятельства складываются не в пользу Дарси, и дальнейшее развитие сюжета кажется непредсказуемым. Отповедь, которую Элизабет дает Дарси, должна, как будто, означать завершение их знакомства. Но главная сюжетная интрига как раз и заключается в том, что отказ Элизабет только дает толчок новому развитию их отношений.

Отказ, полученный Дарси, был нелегким испытанием для его гордости. Человек аристократического воспитания, он не выдал бушевавших в нем чувств. При его сдержанности самым естественным способом выражения эмоций был не прямой диалог со своей избранницей, а переписка с ней.

Развитие чувства Элизабет к Дарси предстает перед читателем во всей сложности и противоречивости: от неприязни к сомнениям, затем к сожалению о своих суждениях о нем, наконец, к восхищению, к пониманию того, что встреча с ним – главное событие ее жизни. Сложности душевных переживаний героини соответствует и сложная система стилистических средств выразительности. Здесь и авторский комментарий, который доносит до читателя смятение ее чувств (*a flutter of spirits*). Здесь и детали интерьера и пейзажа, которые позволяют Элизабет увидеть Дарси в новом свете: «She had never seen a place for which nature had done more, or where natural beauty had been so little counteracted by an awkward taste» [3: 244]. Чувство, охватившее Элизабет при виде окружающей ее красоты, выражено одним прилагательным – *delighted*. «Elizabeth was delighted» [3: 244] – это ключевая фраза, описывающая ее состояние во время посещения Пемберли. Ее восхищает безупречный вкус владельца, сумевшего не нарушить естественной красоты ландшафта. Не меньшее удовольствие доставляет ей внутреннее убранство дома – не бьющая в глаза роскошь, а подлинная

элегантность. Восторженный отзыв о Дарси его домоправительницы становится для Элизабет еще одним откровением. Наконец, мужественная красота его облика на портрете, которым любят и Элизабет, и ее дядюшка с тетушкой, гармонирует с красотой всего, что его окружает.

Все эти внешние впечатления постепенно трансформируют изначально неприязненное отношение Элизабет к Дарси в совершенно иные чувства, и ее внутренняя и несобственно-прямая речь, переплетаясь с авторским повествованием, позволяет проследить все оттенки этой эволюции. Так, первая реакция Элизабет на все, увиденное в Пемберли, выразилась в ее внутренней реплике «*And of this place*», *thought she*, «*I might have been mistress!*». Это невольное сожаление сменяется фразой, в которой она сама себе напоминает: «*...that could never be; my uncle and aunt would have been lost to me; I should not have been allowed to invite them*» [3: 245]. Форма сослагательного наклонения с перфектным инфинитивом указывает здесь не столько на сожаление об упущенной в прошлом возможности, сколько на полную невозможность для нее брака с таким снобом, который не позволил бы ей принимать ее родственников. Но затем, слушая домоправительницу Дарси, глядя на его портрет, она начинает понимать масштаб его личности. Каждая фраза в ее внутреннем монологе, маркированная восклицательным знаком, выдает ее внутреннее волнение, постепенную смену ее оценок: «*What praise is more valuable than the praise of an intelligent servant? As a brother, a landlord, a master, she considered how many people's happiness were in his guardianship! How much of pleasure or pain it was in his power to bestow! How much of good or evil must be done by him!*» [3: 249].

И все же главный итог ее размышлений в другом. Неожиданно для нее самой она начинает понимать, как гармонично они дополняют

друг друга. Созвучным ее размышлениям станут уже в конце романа слова Дарси о том, что значила в его жизни встреча с Элизабет. Но первое его высказывание носило высокомерно – презрительный оттенок: «I am in no humor of present to give consequence to young ladies who are slighted by other men» [3: 31]. Позднее, в минуты первого признания, сначала уверенный в ее согласии, затем ошеломленный ее отказом, он прямо говорит обо всех своих опасениях, касающихся их возможного союза:

«These bitter accusations might have been suppressed, had I, with greater policy, concealed my struggles, and flattered you into the belief of my being impelled by unqualified, unalloyed inclination; by reason, by reflection, by everything. But disguise of every sort is my abhorrence... Could you expect me to rejoice in the inferiority of your connections? To congratulate myself on the hope of relations, whose condition in life is so decidedly beneath my own?» [3: 200].

В его речи бессоюзное перечисление однородных предложных дополнений (*by reason, by reflection, by everything*), употребление условного и сослагательного наклонений (*might have been suppressed, had I concealed, could you expect*), параллельная конструкция в двух следующих одно за другим вопросительных предложениях (*Could you expect me to rejoice... To congratulate myself...*) создают эффект нарастания, благодаря которому находят свое выражение его обида и раздражение. Любовь Дарси составляет, пожалуй, главную психологическую загадку этого романа. В его чувстве нет ничего рассудочного, хотя он человек, несомненно, рассудительный и проницательный. Как он сам впервые говорит о своей любви: «In vain have I struggled. It will not do. My feelings will not be repressed. You must allow me to tell you how ardently I admire and love you» [3: 197].

Некоторые исследователи (например, М. Пуви [7]), относя роман к произведениям реалистическим, считают его конец чисто романтиче-

ским. Уж слишком невероятно (не как в жизни) счастливо складывается судьба Элизабет. Но, может быть, психологизм Джейн Остин, достоверность ее характеров в том и проявляются, что она изображает любовь Дарси как неподвластную рассудку и расчету (и потому возможную) страсть. Путь Дарси навстречу Элизабет – это путь избавления от предубеждений и высокомерия, от тщеславия, гордыни и самоуверенности к резко самокритической оценке своего характера: «I have been a selfish being all my life, in practice, though not in principle... I was spoiled by my parents, who, though good themselves ... allowed, encouraged, almost taught me to be selfish and overbearing, to care for none beyond my own family circle, to think meanly of all the rest of the world, to *wish* at least to think meanly of their sense and worth compared with my own... You taught me a lesson, hard indeed at first, but most advantageous» [3: 360]. В этом разговоре с Элизабет звучит его самооценка. Повтор слова *selfish*, выделение курсивом слов *right*, *child*, *wish*, параллельные конструкции (*I was taught*, *I was given*, *I was spoiled*) и перечисления выдают его взволнованное, исповедальное настроение, его благодарность Элизабет, любовь к которой сделала его другим.

Так из множества наблюдений, встреч, впечатлений в душах Элизабет и Дарси постепенно возникает новый образ друг друга. Полнота жизни, которую каждый из них обретает в другом, создает общую мажорную тональность всего произведения. И, кроме того, на протяжении всего романа драматические перипетии их отношений переплетаются с комическими сценами.

Комические персонажи постоянно оживляют повествование. Первая из них – миссис Беннет. Мать пяти взрослых дочерей, она думает только о том, как выдать их замуж. Препятствий этому множество, и среди них не последнее – глупость и вульгарность самой миссис Беннет. Миссис Беннет – существо весьма импульсивное и нетерпеливое.

Суть ее характера прекрасно выдает каждая ее реплика. Лексико-синтаксический состав ее диалога всегда прост: слова из повседневного обихода, отрывистые восклицания и вопросительные предложения, выдающие суетность героини, ее неистребимое любопытство: «Well, Jane, who is it from? What it is about? What does he say? Well, Jane, make haste and tell us, make haste, my Love» [3: 48].

В обрисовке характера миссис Беннет Дж. Остин эффективно использует драматизацию повествования, т. е. дает возможность самовысказывания персонажу. Например, в 59-й главе она называет Дарси *disagreeable*, т. е. неприятным субъектом, и остается искренней в своей неприязни к нему: «I am quite sorry Lizzy, that you should be forced to have that disagreeable man all to yourself; but I hope you won't mind. It is all for Jane sake» [3: 366]. Но в конце той же главы она прорывается потоком восторженных воплей: «...Mr. Darcy! Who would have thought it? And is it really true? Oh, my sweetest Lizzy! How rich and how great you will be! What pin-money, what jewels, what carriages you will have! Jane's is nothing to it – at all. I am so pleased – so happy» [3: 369]. Эти восклицания не менее искренни, чем то, что она говорила о Дарси раньше, хотя и прямо противоположны по смыслу. Эта смена оценок в речевой партии миссис Беннет создает зримый образ истинно комической героини.

Но есть в романе персонажи, очерченные не мягкими комическими штрихами, а подлинно сатирически. В отличие от главных героев романа, которые все время учатся лучше понимать себя и друг друга, которые искренне переживают свои заблуждения и недостатки, комические и, в особенности, сатирические персонажи не претерпевают никаких изменений в своем развитии.

Первый из них – мистер Коллинз, чье имя стало нарицательным в английской литературе. Самодовольным дураком представлен Коллинз в свой первый приезд в дом Беннетов. Он невыносимо высокопарен и

многословен. Без конца расхваливает собственные достоинства и преимущества своего положения, главное из которых – покровительство богатой аристократки леди Кэтрин де Бур. Еще ни разу не увидев его, лишь по тону его письма, велеречивому, многословному, Элизабет определила характер его автора одним словом – напыщенный. Ей предстоит убедиться в том, что в нем было кое-что похуже – способность низменно поклоняться сильным мира сего и способность унижать того, кто был ниже его по богатству и положению. Низменная сущность его природы более всего дает себя знать в самый трудный для семьи Беннетов период: во время бегства Лидии с Уикхемом. Коллинз присылает им письмо – «соблезнование». Лексический состав этого письма представляет возвышенная литературная лексика: *respectable family, present distress of the bitterest kind, the death as a blessing, augmented satisfaction, involved in disgrace* и т. д., за которой скрыто лицемерное сочувствие в постигшем почтенную семью горе, а также и большая доля злорадства и самодовольства от сознания того, что, получив отказ от Элизабет и женившись на Шарлотте Лукас, он теперь избавлен от необходимости делить позор с семейством Беннет.

Таким образом, авторскую стратегию можно определить здесь, как стремление создать образ такого персонажа, как мистер Коллинз на основе самораскрытия его характера, т.к. во всех случаях собственные высказывания и поступки Коллинза становятся главным средством характеристики разнообразных свойств его природы: ханжества, лакейской приниженности и ограниченности.

Прекрасно дополняет и оттеняет Коллинза леди Кэтрин де Бур, которая появляется на страницах романа дважды. Элизабет встречается с ней, когда приезжает в гости к Коллинзам. Ее поражает бесцеремонность хозяйки поместья: она считает себя вправе расспрашивать Коллинзов и Элизабет о любых подробностях их частной жизни, вме-

шиваться и давать советы о том, как вести хозяйство и т. п. В другой раз леди де Бур сама приезжает в дом Беннетов. Теперь она изливает на Элизабет настоящие потоки брани. Она назвала слух о возможной помолвке ее племянника, мистера Дарси, и Элизабет гнусной выдумкой, затем пустила в ход угрозы и оскорбления в адрес Элизабет и её родственников. Властный и безапелляционный тон ее речи, сам выбор слов типа *the upstart, retentions of a young woman without family, connections, or fortune* свидетельствует не только о неприязни к Элизабет, но и о грубости и бесцеремонности этой высокородной дамы. Однако по иронии судьбы именно она стала невольной пособницей брака ее племянника и Элизабет. Узнав о ее разговоре с Элизабет, Дарси понял, что Элизабет любит его и примет его предложение. Так зло покарало себя само, и если можно говорить о влиянии идей Бена Джонсона на Д. Остин, то сказалось оно именно в этом: зло в ее романе терпит поражение в силу внутренних причин и противоречий.

Кроме лирико-драматической линии сюжета, представленной образами главных героев, кроме его комедийно-сатирического начала, носителями которого выступают миссис Беннет, преподобный Коллинз и леди де Бур, в романе присутствует и авантюрно-плутовской компонент, представленный такими героями, как Уикхем и Лидия Беннет. Сами по себе как личности они вполне заурядны и ничего из себя не представляют. Лидия думает только о поклонниках и о скорейшем замужестве, а бегство с Уикхемом – результат ее очередного увлечения. Уикхем по сравнению с ней кажется человеком более значительным, он – привлекательный молодой человек, интересный собеседник. Но разница между тем, что он говорит о себе, и тем, кем является на самом деле, весьма разительна. В том, что, убегая из полка, он увлекает за собой и Лидию, проявляется не столько порочность его натуры, сколько его неумение предвидеть последствия своих поступков. Сам же аван-

тюрно-плутовской эпизод, связанный с этими двумя персонажами, придает значительное напряжение сюжету. На карту оказывается поставленной не только честь Лидии, но и всей семьи Беннетов, отношения Элизабет и Дарси. Благодаря Дарси эпизод получает благополучную развязку, ведь в прекрасном мире героев Джейн Остин нет места злу и непорядочности.

К числу важнейших стилистических приемов Джейн Остин относится, прежде всего, ирония, упоминавшаяся уже в связи с характеристиками персонажей. Иронический эффект создается как с помощью грамматических средств (например, использование сослагательного наклонения), так и средствами лексики, когда произносимые слова прямо противоположны по смыслу тому, что подразумевается. Так, ироничен мистер Беннет, когда говорит, что, восхищаясь тремя своими зятьями, выделяет Уикхема как своего любимчика («*Wickham, perhaps, is my favourite*» [3: 370]), в то время как ничего, кроме антипатии он к Уикхему не питает.

Ироничен и авторский комментарий в начале 61-й главы: «*Happy for all her maternal feelings was the day on which Mrs. Bennet got rid of her two most deserving daughters*» [3: 374]. Счастливейшим днем в жизни матери, миссис Беннет, назван день, когда она «избавилась» от двух своих самых достойных дочерей. Словарная дефиниция фразового сказуемого *get rid (to make a person free from – избавиться)* в какой-то мере контрастирует по значению со словами *happy day (a day of pleasure – счастливый день)*, так автор выражает свое ироничное отношение к материнским устремлениям миссис Беннет.

Широко использует Джейн Остин и несобственно-прямую речь, которая позволяет увидеть внутренний мир героини в минуты ее самых сильных душевных переживаний и эмоций. Так, ряд кратких вопросительных и восклицательных предложений, произносимых героиней

«про себя» после неожиданной встречи с Дарси в Пемберли, прекрасно передает ее взволнованность в эту минуту: «Her coming there was the most unfortunate, the most ill-judged thing in the world! How strange must it appear to him! In what a disgraceful light might it not strike so vain a man! It might seem as if she had purposely thrown herself in his way again! Oh! Why did she come? Or, why did he thus come a day before he was expected?» [3: 250–51].

Лексический состав авторской речи определяет общеупотребительная или нейтральная лексика. Даже для передачи сильного эмоционального напряжения писательница не прибегает к каким-то изощренным приемам, но очень умело использует превосходную степень сравнения прилагательных. Так, изменившееся мнение об Уикхеме выражено простой фразой: «Everybody declared that he was the wickedest young man in the world» [3: 290].

Нервное состояние, в котором пребывали Элизабет и Джейн в ожидании известий о Лидии, передается с помощью метафорического эпитета: «Every day at Longbourn was now a day of anxiety; but the most anxious part of each was when the post was expected» [3: 291].

Прилагательные в превосходной степени характеризуют состояние героев в счастливейшие минуты их жизни: «...the liveliest emotion; ...the happiest creature in the world; ...the happiest, wisest, and most reasonable end!» [3: 338] – все это о Джейн Беннет после того, как мистер Бингли сделал ей предложение. Если Бингли был всеобщим любимцем, то отношение окружающих к Дарси было сложнее, понять все его оттенки и перемены также помогают эпитеты. Сначала Остин описывает всеобщий восторг от него: «A fine figure of a man... much handsomer than Mr. Bingley, and he was looked at with great admiration...» [3: 30]. Но сдержанное поведение Дарси, которое все принимают за высокомерие, очень скоро вызывает к нему неприязнь. Теперь отношение к нему вы-

ражается в постепенно нарастающем потоке перечислений всевозможных отрицательных качеств:

«...He was looked at with great admiration for about half the evening, till his manners gave a disgust which turned the tide of his popularity; for he was discovered to be proud, to be above his company, and above being pleased; and not all his large estate in Derbyshire could then save him from having a most forbidding, disagreeable countenance, and being unworthy to be compared with his friend» [3: 30].

В этом перечне используются конструкции с инфинитивом (*to be proud, to be above his company*) и герундием (*above being pleased, from having a ... countenance, being unworthy*), а также эпитеты с отрицательной коннотацией (*forbidding, disagreeable, unworthy*). Это первое впечатление о Дарси очень скоро перешло в стойкое негативное к нему отношение как со стороны всего провинциального общества, так и Элизабет и ее семьи в особенности. Понадобилось множество событий, встреч, объяснений, прежде чем Элизабет увидела и узнала истинную суть его натуры.

Немаловажную стилистическую роль играют в романе размеры предложений: от кратких реплик в диалогах и предложений средней длины, которыми оформляется авторский комментарий до очень больших предложений, занимающих иногда целый абзац. Один из таких примеров – отрывок из письма Джейн к Элизабет о безуспешных поисках Лидии и Уикхема: «By this time, my dearest sister, you have received my hurried letter; I wish this may be more intelligible, but though not confined for time, my head is so bewildered that I cannot answer for being coherent... Imprudent as a marriage between Mr. Wickham and our poor Lydia would be, we are now anxious to be assured it has taken place, for there is but too much reason to fear they are not gone to Scotland» [3: 271]. В этом фрагменте автор нанизывает ряд сложноподчиненных (*that I cannot answer*

for being coherent, imprudent as a marriage ... would be; for there is but too much reason to fear they are not gone to Scotland) и сложносочиненных предложений (*By this time, my dearest sister, you have received my hurried letter; I wish this may be more intelligible...*) для создания то ретроспективного, то предположительного (*a marriage between Mr. W and Lydia would be*), то синхронного изображения событий и чувств (*my head is so bewildered, there is too much reason to fear they are not gone to Scotland*), а также для передачи лихорадочных состояний мыслей и действий (*my head is so bewildered; I cannot answer for being coherent*). Сложные конструкции оказываются необходимыми и адекватными всей сложной гамме чувств, испытываемых Джейн.

Один из кульминационных моментов романа – вечер в доме Беннетов, когда мистер Дарси просит руки Элизабет у ее отца. Кажется, все разнообразие стилистических приемов Дж. Остин сосредоточилось на этих страницах [3: 366, 367]. Здесь и драматизация повествования: произнесенные Дарси шепотом слова «Go to your father; he wants you in the library» [3: 366], диалог Элизабет с отцом, в котором используется эффект нарастания: «Lizzy», said he, «what are you doing? Are you out of your senses, to be accepting this man? Have not you always hated him?» [6: 366]. Здесь и параллельные конструкции, стилистически окрашенное употребление сослагательного наклонения и курсива в несобственно-прямой речи Элизабет: «...But he was going to be made unhappy, and that it should be through her means; that she, his favourite child, should be distressing him by her choice, should be filling him with fears and regrets in disposing of her, was a wretched reflection» [6: 366]. Эта конвергенция стилистических приемов создает эффект огромного эмоционального напряжения и полной достоверности происходящего.

Искусное стилистическое мастерство Джейн Остин создает очень живую, очень достоверную картину нравов, быта, жизни маленького

провинциального общества. Его населяли вполне обычные люди. Лишь немногие из них обладали развитым умом, независимостью суждений и благородством. Но именно они наполнили этот роман таким радостным приятием жизни, таким оптимизмом, которые ни в одном последующем произведении Дж. Остин уже не звучали с такой силой.

В этом романе окончательно формируется та система этических ценностей (искренность, доброжелательность, неприятие сословного чванства, чувство собственного достоинства), которую воплощают герои Джейн Остин. Ее этический идеал находит и равноценное художественное выражение: безупречное стилистическое мастерство сочетается с умелым использованием жанровых возможностей романа.

В «Гордости и предубеждении» применены такие композиционные принципы реалистического романа, как сложная система характеров, значительная роль хронотопа в развитии сюжета, а также портретных и пейзажных зарисовок в их характерологической и эстетической функциях, наконец, сложная субъектная организация текста, в которой доминирующая роль принадлежит безличному повествованию, но где каждый герой, не только главный, но и второстепенный, благодаря драматизации, включению несобственно-прямой речи и интекстов, получает возможность выразить себя как бы самостоятельно.

Таким образом, в романе «Гордость и предубеждение», за 25–30 лет до выхода первых романов Диккенса, признанного основоположника и классика английского критического реализма, уже проступали характерные черты этого художественного метода.

Список литературы

1. Амелина Т.А. Проблемы реализма в творчестве Джейн Остин (метод и стиль): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1973.

2. Демурова Н.М. Роман Джейн Остин «Гордость и предрассудки»
// Austen J. *Pride and Prejudice*. – М.: Прогресс, 1961.
3. Austen J. *Pride and Prejudice*. – М., 1961.
4. Cecil D. *A Portrait of Jane Austen*. – London, Constable, 1979.
5. Kestner J. *Jane Austen. Spatial Structure of Thematic Variations*. – Salzburg, IESL, 1974.
6. Masefield M. *Women Novelists from Fanny Burney to George Eliot*. – London, Y.N. & Watson, 1967.
7. Poovey M. *The Proper Lady and the Woman Writer. Ideology as Style in the Works of Mary Wollstonecraft, Mary Shelley and Jane Austen*. – Chicago and L. – UCP, 1985. – Pp. xxii+288.

БАЛАГАНЫЙ ДИСКУРС И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ДРАМАТУРГИИ НИКОЛАЯ ЭРДМАНА

Ключевые слова: балаганный дискурс, художественная коммуникация, Эрдман

Настоящая статья представляет собой литературоведческое исследование по проблемам коммуникации и посвящена некоторым аспектам художественной коммуникации выдающегося русского драматурга XX века Николая Эрдмана. В ней устанавливается связь коммуникативной структуры эрдмановской драматургии с коммуникативной структурой балагана; анализируются нарушения нормальной коммуникации в его пьесах и проводятся аналогии с подобными процессами у других драматургов XX века.

The present article is a literary research of communicative problems; it is devoted to several aspects of artistic communication of the prominent Russian playwright of the 20th century Nikolay Erdman. The paper traces the link between communicative structure of Erdman's drama and communicative structure of low farce. The paper also analyzes violations of normal communication in his plays and draws analogies between similar processes found in works by other playwrights of the 20th century.

Предлагаемая статья посвящена некоторым аспектам художественной коммуникации выдающегося русского драматурга XX века Николая Робертовича Эрдмана. В последние двадцать лет Эрдмана много изучали и в России, и за рубежом, однако специально коммуникативная проблематика у Н. Эрдмана не рассматривалась. В нашей предыдущей работе [5] мы обосновывали единство драматургической поэтики Н. Эрдмана, и в настоящей статье руководствуемся сходной установкой на единство коммуникативных процессов в «Мандате» и «Самоубийце».

* **Шевченко Екатерина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Самарский государственный университет.

Нас интересуют стратегии Н. Эрсмана, управляющие изображенной коммуникацией, и тактики, служащие реализации авторской интенции [2]. Мы опираемся на одну из ранних отечественных работ по проблемам художественной коммуникации – Ольги и Исаака Ревзиных [3] и одну из последних – монографию А.Д. Степанова [4], а также общие исследования в области коммуникации.

При изучении коммуникативной проблематики у Н. Эрсмана необходимо учитывать родовую и жанровую принадлежность его текстов. Природа драматургического текста двойственна: с одной стороны, все в нем настроено на диалог и коммуникацию, а с другой – он не может существовать без конфликта, что делает успешную коммуникацию проблематичной. В пьесах Н. Эрсмана комическое граничит с трагическим, но не нейтрализует, а, напротив, усиливает его. Эти жанрово-родовые особенности определяют коммуникативные стратегии Н. Эрсмана и изображенную коммуникацию в целом.

Из множества концепций успешной коммуникации (теория перформатива Дж. Д. Остина, принцип кооперации П. Грайса, постулаты речевого общения Д. Гордона – Дж. Лакофф, принцип вежливости Дж. Лича и др.) мы выбрали концепцию О. и И. Ревзиных, включающую 7 постулатов: детерминизма, общей памяти, информативности, тождества, истинности, неполноты описания, семантической связности.

Постулат о детерминизме предполагает, что собеседники имеют сходную концепцию реальности и их реакция на предметы и слова, их обозначающие, вполне адекватна. Этот постулат базируется на сохранении причинно-следственных связей и категории времени; их искажение влечет за собой нарушение коммуникации. Революция 1917 года не оставила персонажам «Мандата» никакого выбора: они вынуждены лавировать между прошлым, которого уже нет, но на возвращение которого они надеются, и настоящим, где им, «маленьким людям» и

обывателям, нет места. Привычные представления о времени Гулячкиных, Вишневецких, Сметаничей деформируются. Нарушение каузальности затрудняет общение и понимание, ставит героев в тупик:

Надежда Петровна. А за что же они, окаянные, вас обыскивать будут?

Тамара Леопольдовна. Какая вы наивная, Надежда Петровна. Как – за что? Разве теперь что-нибудь за что-нибудь бывает? [7: 32]

Приведенное высказывание асеманлично, и, помимо постулата о детерминизме, нарушенным оказывается постулат о семантической связности. Синтаксические и морфологические связи здесь соблюдены, а семантические – нет. В «Самоубийце» нарушение постулата детерминизма фиксирует пограничное состояние Подсекальников, которого окружающие подталкивают к мысли о самоубийстве. Представления персонажа о мире деформируются. И герою кажется: «Надо жить, жить, жить... для того, чтобы застрелиться» [7: 143-144]. В другом монологе его слова не менее абсурдны: «Господи! Жизнеподатель! Дай мне силы покончить с собой!» [7: 146]. Отсутствие коммуникации подчеркивается тем обстоятельством, что в обоих случаях Подсекальников обращается к самому себе (хотя формально в первом случае – к глухонемому, но не подозревает о его глухоте).

Соблюдение постулата тождества требует, чтобы собеседники представляли себе одну и ту же реальность, чтобы слово относилось к тому же предмету, который оно описывает. Нарушение этого постулата влечет за собой разрыв подобных отношений, как, например, в «Мандате»:

Тамара Леопольдовна. Это платье... Александры Федоровны.

Надежда Петровна. Какой же это Александры Федоровны? Это уж не акушерки ли Александры Федоровны, с которой мы вместе Павлушу рожали?

Тамара Леопольдовна. Какой акушерки, Надежда Петровна, – императрицы! [7: 33]

В «Самоубийце» постулаты тождества и истинности, требующие, чтобы собеседники представляли себе одну и ту же реальность, и чтобы сообщаемое ей соответствовало, нарушаются в сцене поисков Подсекальникова женой и тещей:

Мария Лукьяновна. Ну а где же он, мамочка?

Серафима Ильинична. Он, должно быть, по надобности.

Мария Лукьяновна. Вот он там над собою и сделает. <...>
Пук – и готово [7: 88].

В дальнейшем предположение Марии Лукьяновны о месте самоубийства ее мужа вызывает справедливые сомнения Маргариты Ивановны («Кто, ж, простите, в уборной стреляется?» [7: 91].) Несоответствие сообщения о самоубийстве предполагаемому месту самоубийства, а также «неуместное» звукоподражание («пук»), фарсовая природа которого очевидна и противоречит общепринятым представлениям о самоубийстве, являются источником комизма и разного рода нелепостей. Знак «самоубийство» связан с другими знаками («пук», «тик-так», «пиф-паф»), которые в общеупотребительном языке имеют иные означаемые и иные референты, чем у Н. Эрдмана.

Нарушение постулата неполноты описания и постулата информативности у Н. Эрдмана осуществляется через сообщение того, о чем собеседник и так знает. В «Самоубийце» постулат информативности нарушен в высказываниях Калабушкина, пытающегося отговорить Подсекальникова от самоубийства. Сообщение о том, что жизнь прекрасна, в контексте рассматриваемой ситуации неуместно, потому что собе-

седник об этом и так знает («Я об этом в «Известиях даже читал, но я думаю – будет опровержение» [7: 95]) и потому что противоречит сложившейся ситуации, не учитывает реального положения собеседника. Наряду с постулатом информативности Калабушкиным нарушен и постулат истинности высказывания. Несколько иначе нарушается постулат информативности в финале «Мандата». Заключительная реплика «Мандата» – вопрос Гулячкина:

– Мамаша, если нас даже арестовать не хотят, то чем же нам жить, мамаша? Чем же нам жить? [7: 80]

Адресат его («мамаша») условен, ведь эрдмановский персонаж обращается в данной ситуации по сути дела ко всем – и к себе и к миру. Но вопрос остается без ответа – без насущной, необходимой «информации».

О. и И. Ревзины в исследовании художественной коммуникации Э. Ионеско и Ж.-Ф. Жаккар в коммуникативно-дискурсивном анализе пьесы Д. Хармса «Елизавета Бам» следовавший их постулатам, пришли к сходным выводам. По их мнению, коммуникативные нарушения у Д. Хармса как предтечи и у Э. Ионеско как представителя театрального абсурда тотальны. Они приводят к распаду коммуникации, дискредитации человеческой речи как таковой, «трагедии языка» (Э. Ионеско), когда персонажи «замыкаются в безмолвии их собственного языка, ставшего бесплодным» [1: 228]. Художественной коммуникации у Н. Эрдмана не свойственны полные провалы, в отличие от абсурдистской драмы. Отмеченные нами в «Мандате» и «Самоубийце» коммуникативные нарушения не приводят к распаду коммуникации и небытию, но обнаруживают деформацию изображенных Н. Эрдманом мира и человека.

Характер изображенной коммуникации у Н. Эрдмана во многом определяется типологическими чертами комедии и фарса: свойствен-

ные им путаница (*qui pro quo*), непонимание или недопонимание затрудняют коммуникацию. Для понимания коммуникативных процессов у Н. Эрдымана важно отметить влияние на эрдымановский дискурс дискурса эстрады 1920-х годов, а через него – дискурса балагана и фольклорного театра [6]. *Механизмы коммуникации у Н. Эрдымана и устройство мира в целом сходны с механизмами коммуникации в балагане и его мироустройством.*

Подобно балаганному, драматическое действие у Н. Эрдымана не знает постепенных переходов, а развивается скачкообразно, рывками, что отражается и на характере коммуникации. Понимание, которое приходит к персонажам в процессе общения, носит характер внезапных озарений, грозящих в следующее мгновение обернуться непониманием, и так дальше. Коммуникация спонтанна, нестабильна, а коммуникативные нарушения неизбежны и многочисленны, следствием чего является неустойчивость, шаткость коммуникативных структур у Н. Эрдымана. Коммуникативные ситуации (или сценарии) постоянно формируются и переформируются, что затрудняет и замедляет коммуникацию. Подобная «сборка-разборка» коммуникативной ситуации наблюдается, например, в «Мандате» в сцене встречи и знакомства на квартире Гулячкиных Сметаничей и мнимых родственников-«пролетариев», когда происходит двойная путаница: Сметаничи принимают за коммунистов «родственников», а «родственники» – Сметаничей. В других случаях одна и та же коммуникативная ситуация (или сценарий) реализуется через последовательность вариантов. Так, сценарий «обращение с просьбой» в «Самоубийце» разыгрывается многократно: Гранд-Скубик просит Семена Семеновича Подсекальникова застрелиться ради интеллигенции, Клеопатра Максимовна – ради романтики, отец Елпидий – ради религии, писатель Виктор Викторович – ради искусства и, наконец, мясник Пугачев – ради торговли. В довершение всего каждый визитер

предлагает Подсекальникову собственный сценарий его похорон. В сознании Семена Семеновича предложение Клеопатры Максимовны совмещается с предыдущим предложением Гранд-Скубика, так что в «белых пополах» вместо «прекрасных лошадей» оказываются «прекрасные девушки». Подмена слов обнаруживает изъяны в коммуникации и производит комический эффект. Приведенные примеры демонстрируют такие важнейшие черты структуры коммуникативного акта у Н. Эрдмана, как дискретность, подвижность (т.е. замена, перестановка или наложение составляющих коммуникативного акта) и повторяемость. Понимание замещается механическим процессом, что делает успешную коммуникацию невозможной. Некоторые коммуникативные ситуации в «Мандате» и «Самоубийце» (в том числе и рассмотренные выше) прямо отсылают нас к гоголевским «Ревизору» и «Женитьбе». Более того, коммуникативные стратегии и сами принципы художественной коммуникации у Н. Эрдмана и Н.В. Гоголя оказываются близки. Н. Эрдман обнаруживает некоммуникабельность современного ему мира, механический характер связей между человеком и миром.

В связи с вопросом о влияниях и традиции остановимся на значимых для художественной коммуникации Н. Эрдмана фольклорных и литературных фреймах. Эти понятия формулирует А. Степанов, опираясь на теорию фреймов Марвина Минского и сопоставляя ее с теорией речевых жанров М. Бахтина и семиотической теорией бытового поведения Ю. Лотмана [4: 37–40]. Изображенная коммуникация у Н. Эрдмана проявляется в таких фольклорных фреймах, как свадьба («Мандат») и похороны («Самоубийца»), что еще раз подчеркивает связь его драматургии с традициями балагана и народно-смеховой культуры в целом. Вообще, любому фрейму присуща жесткая структурно-композиционная организация. Это устоявшиеся схемы человеческого общения, и Н. Эрдман выбирает, может быть, самые традиционные из них, так как

именно они органичны его методу манипулирования штампами, клише, стереотипами речи и поведения. В поэтике Н. Эрдмана нет ничего устойчивого, что сказывается и на изображенной коммуникации, подчиняясь законам которой, фреймы утрачивают четкую внутреннюю организацию. Н. Эрдман оперирует устойчивыми структурами, готовыми формулами поведения и общения, но не с тем, чтобы укрепить их или позволить укрепиться в них своим персонажам, а с тем, чтобы эти готовые формулы расшатать, обнажив их структурные «швы», их механизмы. Причем это касается не только фольклорных фреймов, но и любых других. Помимо фольклорных, Н. Эрдман использует литературные фреймы. Эрдмановские персонажи «разыгрывают» роли гоголевского Хлестакова (Гулячкин) и шекспировского Гамлета (Подсекальников), но неосознанно. Любые роли, речевые маски персонажей обусловлены авторской интенцией и находятся вне их собственной компетенции. Литературные фреймы «Ревизора» и «Гамлета», контаминируясь с фольклорными, реализуются в «Мандате» и «Самоубийце» в духе бахтинского карнавала. Так, герой «Самоубийцы» Подсекальников оказывается в роли Гамлета, но еще раньше – в роли фольклорного героя Мальбрука, тем более что одна из ложных сюжетных линий почти что повторяет его историю.

Обратимся к вопросу о соотношении вербальных и невербальных форм коммуникации и о характере их использования у Н. Эрдмана. Слово у Н. Эрдмана – игровое, остроумное, изящное. К словесной игре можно отнести разного рода каламбуры, перифразы, основанные на омонимии и полисемии, переспросы, «недослышивания» (и, как следствие, повторы – словесные, звуковые), «передергивание» слов, т.е. самое разнообразное комбинирование элементов «словесной массы». С ее помощью автор демонстрирует коммуникативные нарушения и отсутствие понимания между героями. Невербальные средства вербали-

зуются: падения, шумы и звуки часто передаются при помощи звуко-подражаний. Заметим, что аналогичным образом вербализуются не-словесные элементы в фольклорном дискурсе и детском дискурсе. Вербальные средства примитивизируются, в результате чего примитивизируется и коммуникация:

«Вот представьте, что завтра в двенадцать часов вы берете своей рукой револьвер ... и вставляете дуло в рот... Нажимаете. И тогда раздается пиф-паф. И вот пиф – это еще тик, а вот паф – это уже так. И вот все, что касается тика и пифа, я понимаю, а вот все, что касается така и пафа – совершенно не понимаю» [7: 122–123].

Гамлетовское «быть или не быть» превращается у Подсекальникова в «тик-так» и «пиф-паф», резонируя с хрестоматийными детскими стишками (« – Пиф-паф! – Ой-ой-ой! – Умирает зайчик мой»). Категории жизни и смерти в рассмотренном монологе Подсекальникова представлены в виде эксцентрических приемов, своего рода трюков, где «пиф» – это еще жизнь, а «паф» – это уже смерть. Коммуникация превращается в словесную эквилибристику, подобную цирковой, эстрадной, балаганной.

Мир негибкий и некоммуникабельный, в связи с чем эрдмановский персонаж любыми средствами старается приспособить его под себя, под собственные интересы и представления, но безрезультатно. Персонажу не удастся укрепиться даже в языке: это трагедия косноязычия, – трагедия косной, убогой, примитивной души, ищущей свое место в мире и не находящей.

Список литературы

1. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф.А. Перовской. – СПб., 1995.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2003.
3. Ревзина О., Ревзин И. Семиотический эксперимент на сцене. Нарушение постулата нормального общения как драматургический прием // Труды по знаковым системам. – Т. 5. – Тарту, 1971.
4. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М., 2005.
5. Шевченко Е.С. Театр Николая Эрדмана. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2006.
6. Щеглов Ю. Конструктивистский балаган Н. Эрдмана // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 33 (5).
7. Эрдман Н.Р. Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. – М., 1990.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 81'272=11

Л.В. Милосердова

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС АФРО-АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: афро-американский вариант английского языка, гипотеза диалектного происхождения, социальная идентичность, социальный статус, социолект, социолингвистика, терия креольского происхождения, языковая вариативность

В данной статье рассматривается проблема языковой вариативности в аспекте процессов социальной интеграции и дифференциации на примере афро-американского варианта английского языка.

The article is dedicated to the problem of language variety in the process of social fusion and differentiation on with an example of African American Variant of the English Language.*

Изучение афро-американского социально-этнического территориального варианта, появившегося в результате различных исторических, социальных и культурных причин, представляет особый интерес в связи с тем, что этот вариант обладает характеристиками **диалекта** – «разновидности языка употребляемой в качестве средства общения с лицами, связанными тесной территориальной, социальной и профессиональной общностью» [4: 132], **социального диалекта** – «языка определенной социальной группы» [4: 133] и **сленга** – «совокупности жаргонизмов, составляющих, слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамиллярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи» [4: 467]. В нем сконцентрировано множество социальных, этнических, культурных, расовых, политических аспектов и проблем. Этот

* **Милосердова Людмила Владимировна**, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина.

вариант первоначально возник на пересечении трех измерений – социально-классового, этнического и территориального, однако впоследствии в связи с переселением афро-американского населения с юга на север и запад, он утратил свою территориальную специфику и превратился в языковое образование с социально этническими коррелятами.

Существует несколько теорий происхождения афро-американского варианта английского языка (ААВА). Наиболее аргументированными является теория креольского происхождения ААВА и гипотеза диалектного происхождения. Первая утверждает, что основой для формирования ААВА послужили креольские языки. В 70-х годах прошлого столетия некоторые ученые были убеждены, что языковые особенности афро-американского варианта берут начало в языках Нигера и Конго, таких как киконго, манде и ква. Данную гипотезу часто называют гипотезой креольского субстрата – основы языка, поскольку именно языки западной Африки повлияли на формирование особых структур предложения ААВА и на его звуковую систему.

Предположение о существовании креолизированных форм языка, или пиджинов среди афро-американского населения колониальной Америки вполне правдоподобно, хотя приводимые «креолистами» документальные данные нельзя считать достаточно надежными. Тем не менее нельзя не обратить внимания на то, что ААВА представляет собой творческую переработку естественного языка, используется как средство межэтнического общения в среде смешанного населения. Его характерными признаками являются ограниченный словарный запас, упрощенная грамматическая структура, модификация фонологической системы и возможность применения лишь в определенных ситуациях общения, определенным коллективом носителей. Эти признаки свидетельствуют о креольском происхождении данного варианта [4].

Наличие в ААВА креольского субстрата подвергается серьезному сомнению Р. Макдэвидом, так как черты, на которые обычно ссылаются «креолисты» (опущение глагола-связки перед прилагательными и существительными, использование *be* в качестве личной формы глагола, неиспользование флексии 3-го лица единственного числа и др.), наблюдаются во многих диалектах белого населения, а некоторые являются элементами общеамериканского просторечия (двойное отрицание, редукция согласных) [5: 154].

Взгляды американских диалектологов на данную проблему получили широкое распространение. Было выдвинуто предположение о том, что определяющим признаком ААВА является сохранение некоторых архаичных черт восточно-английских диалектов, оказавших влияние на формирование диалектов американского юга [5: 155].

Следует отметить, что многие ученые не проводили жесткого различия между этими двумя подходами. Например, Р. Макдэвид, придерживаясь диалектологической теории в отношении ААВА, указывает на влияние креольского языка гула и пытается найти сходные процессы в ААВА. С. Муфвене уверен, что нельзя разделять эти два подхода, необходимо изучать данную проблему с обеих сторон, ведь только в этом случае можно объяснить все языковые явления ААВА. Д. Уинфорд, подходя к изучению ААВА с позиции креольской теории происхождения, отмечает значительную долю влияния британских диалектов. Д. Уинфорд дает три объяснения характерным языковым явлениям ААВА:

- 1) заимствование некоторых черт из более ранних вариантов английского в афро-американский;

- 2) неправильное использование грамматических форм в процессе изучения второго языка, что отразилось в упрощении и потере некоторых окончаний слов;

3) сохранение некоторых черт креольских структур и значений (цит. по [6: 11]).

Слияние афро-американской с европейской культурой маскирует его истинное происхождение и причины, в силу которых он развивался. Этот вариант, появившийся на основе элементов африканских языков, дополненный элементами некоторых южных и северных американских диалектов, и в результате изменения английских речевых образцов. Поэтому современный афро-американский вариант очень близок к английскому языку и в то же время выражает много характерных черт афро-американской культуры и резко контрастирует с европейской традицией.

Афро-американский вариант английского языка, безусловно, имеет свои фонологические, морфологические, синтаксические, семантические и лексические особенности. Нельзя упускать из виду и тот факт, что афро-американский вариант английского, сформировался под воздействием ряда социальных факторов, в первую очередь, сегрегации афро-американского населения. Он развивался не только как система, пассивно воспринимающая инновации, исходящие извне, но и как самостоятельно функционирующее языковое образование, развивающееся с известной степенью независимости и, разумеется, в соответствии с общими тенденциями развития английского языка и его диалектов. Однако сам вариант не является диалектом в традиционном понимании по той причине, что под диалектом подразумевается более древняя форма литературного языка, каковой не является ААВА. Диалект также предписывается сельской местности и не характеризуется особой мобильностью носителей, как это происходит с ААВА. Диалекты возникают путем восхождения от племенных языков и не выделяются из литературного языка, тогда как ААВА сформировался в своем нынешнем виде именно после образования стандартного американского варианта английского языка. Эта языковая форма возникла и впослед-

ствии сохранилась под влиянием социальных факторов, она обладает огромной субкультурой и богатыми культурными традициями. Ввиду этого, на наш взгляд, ААВА является **социолектом** – «вариантом языкового употребления, используемым определенной социальной группой» [3: 223]. По определению В.И. Карасика, социолект служит символом групповой принадлежности и средством взаимной поддержки, принадлежащих к данному слою общества [2: 55]. Как известно, афро-американцы намеренно «кодируют» свою речь, именно с целью подчеркнуть свою групповую принадлежность. Многие из них используют переключение кодов – переход с одного варианта языка на другой – для общения с различными собеседниками, в зависимости от коммуникативной ситуации, что свидетельствует о билингвизме афро-американцев – социальном феномене, который является результатом социальных и социо-этнических процессов.

Следовательно, исследование ААВА требует многоаспектного подхода с опорой на лингвистические, социолингвистические и культурологические данные.

В последнее десятилетие в социолингвистике тщательно исследуется понятие социальной идентичности – аспект личности коммуниканта, состоящий из совокупности социальных ролей. Социальная идентичность включает в себя географическую, расовую, этническую, гендерную, возрастную, профессиональную и другие формы идентичности. Социальная идентичность складывается из совокупности социальных ролей. Такие параметры, как раса, этническая принадлежность, гендер и возраст, являются базовыми. Наличие разных вариантов и диалектов на территории США является одним из проявлений стратификационного членения общества. Ориентация афро-американцев на ААВА соотносится с социальной структурой афро-американского общества. Степень ориентации на ААВА или на Standard English в целом яв-

ляется функцией социального статуса ААВА является характерной чертой разговорной речи не всех афро-американцев, а лишь беднейшей и наименее образованных слоев негритянского населения. Чем выше социальный статус, тем больше удельный вес элементов Standard English в речи афро-американцев. У высших социальных слоев афро-американского населения отмечается достаточно четкая ориентация на Standard English. Однако по оценкам американских ученых около 80% чернокожих жителей, то есть более 20 млн, используют этот вариант [7: 107]. Неравенство предопределило возникновение «субкультуры», под которой понимают «идеи, искусство и образ жизни группы людей, которые отличаются своими идеями от остальной части общества» [6: 107]. Анализ лексики свидетельствует о том, что большинство слов и выражений являются социально маркированными. Именно на лексическом уровне выявляется социальная идентичность афро-американцев и наиболее ярко выражена расовая идентичность. Для обозначения принадлежности к черной расе в ААВА используется большое количество синонимов: brother, bad boy, John Henry, member, black 360', wigger, nigger, through and through. Все перечисленные слова имеют положительную коннотацию, тогда как в словарном составе афро-американцев имеются слова и выражения с отрицательной коннотацией, выражающие отвращение к представителям своей расы: butter-head (негр, позорящий свою расу), faded boogie (потерявший свою этничность), Dr.Thomas (принадлежащий к среднему классу, стремящийся достичь статуса белого), housenigger (покорный), field nigger (из рабочего класса), oreo, uncle tom (негр, который хочет стать белым), Sam, pancake (покорный, услужливый негр), seddity (от «absurdity» негр, подражающий белым). В этой же группе расовой принадлежности можно выделить еще одну подгруппу радикально настроенных афро-американцев: cow-boy nigger, to blow black (принимать активное участие в афро-

американском движении), bad ass nigger (борец за права) , bad nigger (нежелающий мириться со вторыми ролями).

Примечательно, что в ААВА широко употребляется слово nigger, которое в американском варианте считается оскорбительным. Одно из его значений в этом варианте – «друг». Друга также называют словом dog, вероятно мотивируя сходством преданности собаки и близкого друга.

Несмотря на широкое распространение политической корректности – запрета на использование вербальных и невербальных средств, подчеркивающих определенные аспекты идентичности личности, в частности этнической, в афро-американской субкультуре присутствует разделение на «своих» и «чужих». «Свои» чаще воспринимаются с положительными эмоциями, им отдается предпочтение перед «чужими». Среди «своих» наблюдается большее разнообразие, нежели среди «чужих». К «чужим» относятся, в первую очередь, белые американцы, в коннотации «чужой» лексики ярко выражена отрицательная оценка, например, devil, beast, peckerwood, cave boy.

Интересно отметить, что, являясь частью американского общества, где гендерные роли распределены одинаково и, благодаря борьбе американских женщин за свои права, «центр тяжести их взаимоотношений с мужчинами смещается к середине, к состоянию равновесия», в афро-американской субкультуре существует ощутимый дисбаланс. В результате феминистского движения в США вместо традиционных cameraman, fireman, policeman, mailman в английском языке 70-х годов появляются camera operator, firefighter, law-enforcement или police-officer. С целью выравнивания соотношения между мужским и женским полом в титулах в обращениях man заменяется на person: chairperson, Congressperson, spokesperson. Businessmen часто заменяют на business-people. Даже в церкви mankind заменяется на people. Наблюдается

тенденция заменять слово *man* словом *woman* в контекстах, связанных с женским полом. Тогда как в ААВА выявляется асимметрия и четкое распределение социальных обязанностей между мужчиной и женщиной. Например, *brother / sister, homeboy / homegirl, butter-head / handkerchief head, Uncle Tom / Aunt Jane, chickenhead* (глупая, болтливая), *skirt, sack chaser* (использующая мужчину из-за денег), *skank* (скандальная негритянка). Даже в «чужой» лексике присутствуют гендерные разграничения: *Mr.Charles / Miss Lilian / Miss Amy, man / Lady Snow*.

Географическая идентичность может рассматриваться на нескольких уровнях. Американцы идентифицируют себя как жители США, восточного или западного побережья. В связи с этим возникает иллюзия отсутствия вариаций внутри ААВА. Одним из важнейших проявлений географической идентичности являются фонетические особенности речи. Однако и на лексическом уровне существуют различия. Так, например, даже на территории одного штата Калифорния слово *janku* на севере имеет значение «плохой, испорченный», на юге – «хороший, приятный, привлекательный». Неразборчивая речь афро-американских жителей Северной Каролины получила название *kakalaka*. Жители штата Алабамы ассоциируются с плохим вкусом в одежде и с невежественным поведением, поэтому любой афро-американец в немодной одежде зовется *bama*. Специфика лексических единиц присутствует и в названиях самих местностей, округов, в которых живут афро-американцы, чаще всего это бедные районы *hood, pad, bottoms*.

Американское общество исторически развивалось как классовое и несмотря на миф о неограниченных возможностях продвижения вверх по карьерной лестнице, существует глубокое социальное расслоение в обществе. Как уже упоминалось, ранее большинство афро-американцев принадлежат к низшему классу (*lower class*) или к рабочему классу (*working class*). Слова и выражения, обозначающие «субкуль-

туру улицы», составляют значительный процент словарного состава ААВА. Само слово *life* имеет значение «уличная жизнь». Слово *street* имеет аналогичное значение и часто используется для словообразования и образования фразеологических единиц, например, *streetified* (хорошо знакомый с нравами улицы), *front street* (место, где происходят нелегальные сделки), *streetwise* (способный выжить в условиях улицы).

Большую группу слов составляют преступления, но в основном они относятся только к 2 типам преступлений: убийство с помощью огнестрельного оружия (*to bang, to gatt, to do, to pop, to smoke, to wrack, to wet*) и воровство (*to tax, to rip, to jack, to scheme*). Наименования бандитских группировок и членов банды также широко представлены в вокабуляре ААВА, например, *gang* (преступная группа), *set* (группировка), *banger, O.G.* (настоящий гангстер), *slob / ricket* (член лосанджелевской группировки), есть даже такие, как *wanksta* (от «*wannabe gangsta*», но таковым не является) и *soldier* (ненастоящий гангстер, который еще никого не убивал и не пользуется уважением членов группировки).

Судя по количеству лексических единиц очень популярным ремеслом и способом развлечения является продажа и употребление наркотиков. Например, *ice, snow, dope, meth, o, rock, sense, sherm, stick, pot, grass, jawn*. В названиях некоторых из них можно узнать о месте происхождения наркотика. Наиболее распространены мексиканские *lollo, lina, reefer*, более экзотическими являются тайские *thai stick*, ямайские *spliff* и индонезийские *Indo*.

В еще одну группу «чужих» можно выделить полицейских. В ААВА выделяется несколько десятков экспрессивно-оценочных лексических и фразеологических единиц для их обозначения. Коннотация таких единиц от иронической и саркастической (*Big John, deputy-do-right, blue boys, union wage*) до резко отрицательной, подчеркивающей каратель-

ные функции полиции (pig, one-time, man with the headache stick, nail'em and jail'em).

«Американская культура преимущественно материальна, – замечает Г.С. Коммаджер, – ее мышление и стандарты количественны, поэтому в американском варианте английского языка существует многочисленные наименования, разговорная и сленговая лексика, связанная с деньгами» (цит. по [3: 244]). В ААВА само слово money имеет значение «афро-американец». В лексике имущественной идентичности особенно прослеживается семантическая мотивировка, поскольку многие слова имеют ассоциативный характер, например, Benjamin, dead presidents, scratch, making ends, snaps, cheese, CREAM (Cash Rules Everything Around Me). Имущественное благосостояние афро-американцев определяется наличием хорошего автомобиля, предпочтение отдается Кадиллаку sagging dence, 'lac, whip, swerver. Наличие большого количества драгоценностей (bling bling, truck jewelry, dukey rope) говорит не только о благосостоянии, но и о статусе уважаемого представителя общества, чаще всего музыкального или криминального мира.

Помимо рассмотренных выше параметров проявления социальной идентичности можно вести речь о профессиональной, религиозной, политической и прочих видах идентичности.

Исходя из выше сказанного, следует выделить, что афро-американский вариант английского языка обладает ярчайшими признаками проявления социальной идентичности и является широко используемым на территории США социолектом.

Список литературы

1. Зацный Ю.А. Социальные факторы и словарный состав диалекта афроамериканцев // Филологические науки. – 1991. – № 3.

2. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр.гос.пед.ин-т, 1992.
3. Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. – Волгоград: Перемена, 2003.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл.ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. доп. – М.: Большая Рос. энцикл. 2002.
5. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. – М.: Наука, 1983.
6. Шустрова Е.В. Изменения семантики слова в афро-американском английском: монография. – Екатеринбург, 2005.

ФРАЗЕОЛОГИЯ

УДК 81'373=11

*Т.Н. Федуленкова, А.Н. Любова**

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале английского, немецкого и норвежского языков)

Ключевые слова: межъязыковое сопоставление, методы, типологический ряд, типология, универсалии, фразеология

Статья посвящена обоснованию выбора методов и процедур сопоставительно-типологического изучения фразеологических единиц близкородственных языков: английского, немецкого и норвежского. На основе анализа фразеологического материала трех германских языков выявляется десять типологических признаков фразеологии.

The paper deals with basic arguments in favour of methods and procedures in comparative typological studies of phraseology in the genetically related languages: English, German and Norwegian. As a result of the phraseological analysis of the three Germanic languages ten typological features of phraseology is found out.

Фразеологическая единица (ФЕ) есть, прежде всего, элемент фразеологической системы. Следовательно, для определения предмета исследования, т. е. для выявления принадлежности устойчивых сочетаний слов к фразеологии, прежде всего, обращаемся к методу фразеологического анализа и составляющим его методам фразеологической идентификации и фразеологического описания [2].

* **Федуленкова Татьяна Николаевна**, доктор филологических наук, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Северодвинский филиал).

Любова Анна Николаевна, аспирант, Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Северодвинский филиал).

Впервые предложенный в 1964 г. метод фразеологической идентификации [4] уточнялся и совершенствовался по мере совершенствования методов лингвистического исследования и развития теории фразеологии. Метод фразеологической идентификации способствует не только выявлению фразеологичности того или иного сочетания слов, но и установлению таксономии ФЕ по уровню фразеологической абстракции [3]. Вслед за А.В. Куниным полагаем, что основными показателями фразеологичности являются переосмысленность, раздельнооформленность, структурная и семантическая устойчивость. В целях определения этих показателей в сопоставительном исследовании фразеологии используем ряд предусматриваемых методом фразеологической идентификации процедур, а именно:

1. Факт наличия переосмысления компонентного состава устанавливаем с помощью контекста и с помощью словарных дефиниций.

2. Семантическая устойчивость во фразеологических единицах, которая выражается в полном или частичном переосмыслении, устанавливается путем наложения значения ФЕ на буквальное значение ее компонентов. Например, значение ФЕ *sit on the fence* определяется как *not to take any clear choice or decision between two possibilities or opposing groups of people; not to take sides*. Ни слово *sit*, ни слово *fence* не могут фигурировать в дефиниции ФЕ. Это доказывает полное переосмысление данного оборота. Эта же процедура используется и в немецком, и в норвежском языке. Так, норвежская ФЕ *det er så sikkert som en lås* (*amen i kjerka*), значение которой «это абсолютно точно», «это верное дело», *разг.* «как пить дать», не может быть объяснена ни с помощью компонента *sikkert* (надежный, прочный), ни с помощью компонента *lås* (замок), что подтверждает факт ее полного переосмысления. Или, согласно словарному толкованию, ФЕ немецкого языка *auf*

den Händen sitzen имеет значение keinen Beifall spenden, в котором не находят места компоненты Hände и sitzen.

3. При частичном переосмыслении значения ФЕ компонент с буквальным значением может входить в состав ее дефиниции:

англ. make a fool of oneself – behave like a fool, loose face – lose a respect or good opinion;

нем. Hand in Hand gehen – zusammen gehen, wie eine Ratte bei Sonnenschein schläftig sein – sehr schläftig sein;

норвеж. tro som gull – верный как золото, blek som et lik – бледный как смерть и др.

4. В целях установления раздельнооформленности устойчивых оборотов используем контекстный анализ грамматических изменений их компонентов, т.к. установление цельнооформленности слов является доказательством раздельнооформленности устойчивых образований, в состав которых они входят:

англ. prick up one's ears,

нем. die Tapete wechseln,

норв. gammel som alle haugene и т. п.

5. Анализ соотнесенности фразеологизмов со знаменательными, служебными и др. словами, а также с переменными предложениями с учетом как различий между ними, так и их сходства, дает возможность выделить различные классы фразеологических единиц: субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные и другие фразеологизмы, а также цельнопредикативные или коммуникативные фразеологические единицы.

6. Посредством компонентного анализа фразеологизмов, основанного на учете их константности и вариантности, имеем возможность определять типы зависимости компонентов ФЕ: константная зависимость, константно-вариантная зависимость, константно-переменная

зависимость, константно-вариантно-переменная зависимость, трансформационная зависимость.

7. С помощью грамматического анализа устанавливаем грамматическую структуру фразеологизмов, а также, при необходимости, их морфологические и синтаксические особенности.

8. При анализе фразеологического значения используем семный анализ, выделение степеней абстракции и анализ внутренней формы ФЕ [5]. Степени абстракции значения определяются в зависимости от характера абстрагирования от лексического и грамматического значения компонентов ФЕ, от прототипа ФЕ и значения ее синтаксической конструкции. Характер внутренней формы устанавливается с помощью процедуры сопоставления значения ФЕ с буквальным значением ее компонентов.

9. Определяющим в описании фразеологии считаем системный подход.

Не вызывает сомнений специфичность фразеологических единиц в национально-культурном плане, как в интралингвистическом, так и в плане неповторимости отображаемых в ФЕ внеязыковых факторов – национальной культуры, национальной истории, национальной экономики, национального склада характера и прочего. Совершенно верно в связи с этим утверждение, что фразеология есть зеркало национальной культуры. Но фразеология – это к тому же и зеркало, отражающее особенности системной организации языка, его структуры. С другой стороны, само понятие структуры языка, его строя, определение его типологических характеристик должно включать в себя и данные его фразеологии. Теория фразеологии, в свою очередь, приобретет значительно более интегративный и законченный характер, если в большей степени будет оперировать понятиями и категориями общего языкознания и, в частности, лингвистической типологии.

Ставя задачи по изучению фразеологии германских языков в русле сопоставительно-типологической проблематики, намеченной в статьях и книгах по фразеологии А.Д. Райхштейном и в трудах по сопоставительной типологии В.Д. Аракиным, отмечаем, в первую очередь, необходимость изучения изоморфных и алломорфных характеристик их фразеосистем. При этом считаем, что изоморфизм не следует понимать как наличие жестких одно-однозначных отношений между языковыми подсистемами. В противном случае гипотеза о наличии изоморфных корреляций между структурно-семантическим моделированием фразеологии и другими подсистемами языка оказалась бы «тривиальной и не нуждалась бы в верификации» на конкретном языковом материале. Неадекватность абсолютизации изоморфизма подчеркивалась в трудах В.Н. Ярцевой [8].

Исследуя фразеологию германских языков, исходим из общепризнанного факта, что современные германские языки представляют собой различные языковые типы с различной степенью аналитичности / синтетичности языкового строя. В полной мере это относится и к изучаемым нами языкам: английскому, немецкому и норвежскому, которые, будучи языками близкородственными, обладают качественно сопоставимыми системными организациями и, следовательно, образуют типологический ряд. Тот факт, что сопоставительно-типологическое исследование основано на анализе фразеологического материала трех близкородственных языков, находится в соответствии с общепринятым положением, утверждающим, что «конкретные типологические исследования строятся на материале достаточно ограниченного числа языков, составляющего *типологический ряд*» [6].

С другой стороны, довольно распространенным является мнение, что типология должна оперировать большим количеством типологически разнообразных языков для обоснования своих общих выводов, в то

время как сопоставительно-контрастивная работа должна опираться на два сравниваемых языка, один из которых может быть опорным. Поддерживая мнение В.Н. Ярцевой, отметим, что различие между типологическими и сопоставительно-контрастивными работами лежит не в объеме взятого языкового материала, а в методике его анализа [10].

Общеизвестным является и тот факт, что языки, подвергающиеся исследованию с позиций сопоставительной типологии, могут быть близкородственными. Как подчеркивает В.Н. Ярцева, для типологического анализа изучение группы родственных языков играет большую роль, причем не только широко распространенных, но и, в особенности, менее распространенных и менее изученных. Таким языком в нашем исследовании является современный норвежский язык.

Что касается построения собственно фразеологической типологии, то в этом плане прогнозы лингвистов весьма сдержанны. Лишь для межъязыкового сопоставления наиболее значительными считаются такие параметры фразеологии, как «лексический и структурно-синтаксический аспект фразеологии, ее семантическая организация, фразообразовательная характеристика» [7]. Необходим, естественно, предварительный этап накопления и инвентаризации фразеологического материала. Рассматривая тождественную задачу, относительно лексики, в плане общей типологии, американский лингвист Р. Уэллс отмечает, что научно обоснованные свойства языка могут быть представлены тремя видами:

- (а) количественными, так как они поддаются измерению, подсчету,
- (б) серийными, которые не поддаются измерению, но могут быть сгруппированы в серии определенных рангов,
- (в) качественными, которые могут быть классифицированы в терминах «часто встречающиеся» и «нечасто встречающиеся». [12].

Такая неоднородность наблюдаемых явлений и свойств в еще большей степени характерна для фразеологии, что находит отражение в использовании различных, подчас противоположных, методов типологического анализа.

Основным методом типологических исследований, вслед за В.Д. Аракиным, считаем сопоставительный метод, сущность которого заключается в отыскании и определении явлений и фактов ряда языков, имеющих тождественные функции, независимо от того, являются ли сопоставляемые языки генетически родственными или нет [1]. Сопоставительный метод дает возможность установить не только факты и явления, имеющие аналогичные функции в сопоставляемых языках, но и определить то место, которое они занимают в своей микросистеме. Сопоставительно-типологический метод по своим приемам мало отличается от сопоставительного, но он преследует более широкие цели. «Целью типологического описания языков мира, – как подчеркивает В.Н. Ярцева, – является выявление суммы сходных и различных черт, характеризующих их системы. ...Поэтому важным оказывается не только наличие в данном языке какого-либо приема или отношения, но и то место, которое занимает данный языковой факт в общей схеме распределения приемов и отношений, характерной для исследуемого языка» [9]. То есть, в отличие от сопоставительного, типологический метод имеет дело с сопоставлением и на основе сопоставления с выявлением изоморфных и алломорфных черт микросистем, подсистем и целых систем исследуемых языков. В свою очередь, определение изоморфных черт дает возможность установить и произвести отбор типологических констант, которые позволяют произвести группировку языков по принципу наличия / отсутствия данного типологического признака.

В связи с конкретными задачами исследования возникает проблема отбора типологических признаков. В этом вопросе еще нет пол-

ной ясности, договоренности и единства среди лингвистов. Каждый уровень языка, как известно, имеет свои характерные только для него единицы измерения. Поэтому и типологические признаки варьируются от одного уровня или подсистемы языка к другому.

Особенности приложения сопоставительного анализа к фразеологии определяются прежде всего генетической, структурной и функциональной вторичностью фразеологической системы и единиц, ее составляющих. Являясь языковыми знаками вторичной номинации, фразеологические единицы базируются на «иноуровневых» (по выражению А.Д. Райхштейна) средствах, в основном, лексических и грамматических, и строятся на них. Во фразеологии каждого языка в той или иной степени находят свое отражение и преломление основные, характерные, черты его других уровней. Способы и степень реализации этих черт во фразеологии обуславливают специфику фразеологических систем в разных языках. Принимая во внимание такие особенности сопоставительного анализа фразеологии, как а) опосредованность, б) многоплановость, в) аппроксимативность, в качестве типологических признаков фразеологии называем следующие:

- 1) структурная организация фразеологических единиц,
- 2) характер лексического состава фразеологических единиц,
- 3) характер морфологического оформления компонентов ФЕ,
- 4) тип зависимости компонентов фразеологических единиц,
- 5) степень устойчивости фразеологических единиц,
- 6) корреляция семного состава компонента со значением фразеологических единиц,
- 7) тип смысловой модификации фразеологических единиц,
- 8) характер транспарентности внутренней формы ФЕ,
- 9) отношение фразеологической единицы к структурно-семантической моделированности,

10) уровень фразеологической абстракции.

Поскольку все «слишком универсальное» не дает возможности выявить характерологические (по терминологии В. Матезиуса) признаки языков, то мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой наибольший интерес для науки о языке представляют не всеобщие, абсолютные, а общие для той или иной группы языков (например, германских) универсалии. При этом особое внимание обращаем на возможность формулирования импликаций, так как импликационные универсалии [11] дают возможность установить некоторую сумму признаков, на основании которых можно будет установить типологическую принадлежность исследуемого языка.

Список литературы

1. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования. – М.: Высш. шк., 1989.
2. Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. – М.: Высш. шк., 1970.
3. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996.
5. Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: учеб. пособие по спецкурсу. – Ярославль, 1979.
6. Нерознак В.П. Метод сравнения в синхронном языкознании: К основаниям лингвистической компаративистики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М, 1986. – Т. 45. – № 5.

7. Райхштейн А.Д. О сопоставлении фразеологических систем // Иностранные языки в школе. – 1980. – № 4.
8. Ярцева В.Н. Сопоставительно-контрастивная лингвистика в СССР: Итоги и перспективы развития // Филологические науки. – 1987. – № 5.
9. Ярцева В.Н. Принципы типологического исследования родственных и неродственных языков // Проблемы языкознания: докл. и сообщения сов. ученых на X Международном конгрессе лингвистов. – М., 1967.
10. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981.
11. Ярцева В.Н. Типология языков и проблема универсалий // Вопросы языкознания. – 1976. – № 2.
12. Wells R. Archiving and language typology // International Journal of American Linguistics. – Indiana: University of Baltimore, 1954. – Vol. 20, – № 2.

Для заметок

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

- Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» принимаются научные статьи на русском языке.

- Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие рецензии доктора наук по соответствующей специальности, которая должна быть представлена в печатном виде, подписана рецензентом, подпись заверяется в отделе кадров соответствующей организации; отзыв научного руководителя (несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования); выписка из протокола заседания кафедры.

- Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий, редакция оставляет за собой право отправить рукопись на независимую экспертизу.

- Статья должна содержать УДК и на отдельном листе аннотацию на русском и английском языках, включая название на английском языке, ключевые слова.

- Статья присылается в двух экземплярах вместе с сопроводительными документами: сведения об авторе (авторах): Ф.И.О., должность, учёные степень и звание, домашний адрес, место работы, номера телефонов, адрес электронной почты. Статья должна быть подписана всеми авторами. Предпочтение отдаётся статьям, написанным единолично.

- Вместе с печатным вариантом текст предоставляется также в электронном виде на электронном носителе. Электронная версия статьи выполняется в формате Word в виде одного файла без разбивки на страницы, переносов, шрифтовых выделений. Объём статьи не должен превышать 16 страниц машинописного текста формата А4 (210 x 297 мм), напечатанного через полуторный интервал, включая текст статьи, таблицы, рисунки и библиографию (оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1–2003). Текст статьи должен быть распечатан на лазерном или струйном принтере (гарнитура «Arial», кегль 14).

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

E-mail: Vestnik_LGY@list.ru

Научный журнал

Вестник

Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина

№ 2 (10)

Редактор *Е. В. Дворецкая*
Технический редактор *Н. В. Чернышева*
Оригинал-макет *Е. В. Дворецкой*

Подписано в печать 18.02.2008. Формат 60x840 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,75. Тираж 500 экз. Заказ № 200

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а